

ВЕСНИК

БРЭСЦКАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

Рэдакцыйная калегія

галоўны рэдактар

Ю. П. Голубеў

намеснік галоўнага рэдактара

З. П. Мельнікава

адказны рэдактар

Г. У. Клімовіч

С. М. Алейнікава (Беларусь)

Н. А. Антановіч (Беларусь)

А. В. Бяляева (Беларусь)

А. М. Грыгаровіч (Беларусь)

М. М. Громаў (Расія)

А. М. Данілаў (Беларусь)

В. М. Камнеў (Расія)

Ч. С. Кірвель (Беларусь)

П. П. Крус (Беларусь)

М. Я. Ліхачоў (Беларусь)

Ю. І. Малевіч (Беларусь)

А. В. Самылаў (Расія)

Я. У. Скакун (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 г.

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы на год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 1 / 2026

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 09.02.2026 № 30

(са змяненнямі, унесенымі загадам ад 31.03.2026 № 72)
часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.

Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны
ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў у 2026 г.
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

◇ ◇ ◇

У адпаведнасці з дагаворам паміж установай адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»
і ТАА «Навуковая электронная бібліятэка» (ліцэнзійны дагавор
№ 457-11/2020 ад 03.11.2020) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія»
размяшчаецца на платформе eLIBRARY.RU
і ўключаны ў Расійскі індэкс навуковага цытавання (РІНЦ)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Варич В. Н. Категория свободы в «Феноменологии духа» Гегеля	5
Яхно В. М. Проблема дифференциации моральных и конвенциональных суждений в концепции Эллиота Туриела	11
Климович А. И. Теоретические источники модернизации схоластической парадигмы в академических курсах полоцких неосхоластов	17
Лагуновская Е. А. Представления молодежи Брестского региона о роли образования в трансляции религиозных ценностей: социально-философский анализ	22
Навицкая П. С. Возможности этического и правового регулирования искусственного интеллекта (обзор национальных и международных документов)	31
Tian Jing. Philosophical and Ideological Foundations of the Education System in Modern China	39
Чжан Юньпэн. Китаизация марксизма в условиях культурной модернизации	44

ПАЛІТАЛОГІЯ

Дирко К. В. Политика памяти: концепт и ключевые измерения в политической науке	51
Малюк И. А. Роль исламского фактора в противостоянии внешнему вмешательству в странах Ближнего и Среднего Востока	57
Войсковой Д. А. Феномен международного конфликта в условиях глобализации	64
Наумчик М. Ю. Метод дискурс-анализа в изучении современных идеологий	71
Рубо О. П. Сотрудничество Китая со странами Африки в ООН как вклад в глобальное управление и устойчивое развитие африканского континента	77
Евсеев А. Л. Эволюция форм политического участия: от античного полиса к цифровому обществу	85

САЦЫЯЛОГІЯ

Титаренко Л. Г. Искусственный интеллект в сфере высшего образования: двойственные последствия	93
Григорович Е. Н. Становление профессиональной культуры специалиста в образовательном пространстве университета: философско-социологический анализ	99
Бельский А. М., Шурко А. В. Трансформация стратегий в области матримониального поведения белорусов по результатам лонгитюдного исследования «Поколения и гендер»	108
Похомова А. А. Визуальная репрезентация образа волонтера в социальных сетях	116
Соколовская М. Г. Эстетическое измерение жизни современными белорусскими девушками: социологический анализ	122
Горбач М. И. Самообразовательная активность населения Беларуси в контексте социологической практики	131
Канашевич Д. А. Социологическое обоснование инклюзивной среды как ресурса адаптации иностранных студентов в региональном университете	138

АСОБА

Климович А. В., Крусь П. П. К 70-летию со дня рождения Б. М. Лепешко (1955–1923). Краткий биобиблиографический очерк	147
---	-----

НАВІНЫ НАВУКОВАГА ЖЫЦЦЯ

Никонович Н. А. Сотрудничество с Белорусской Православной Церковью – один из приоритетов деятельности сектора философии религии и религиоведения Института философии Национальной академии наук Беларуси	151
---	-----

Editorial Board

Editor-in-chief

Yu. P. Golubeu

Deputy Editor-in-chief

Z. P. Melnikava

Managing editor

H. U. Klimovich

S. M. Alejnikava (Belarus)
N. A. Antanovich (Belarus)
L. V. Byalyaeva (Belarus)
A. N. Grygarovich (Belarus)
M. M. Gromau (Russia)
A. M. Danilau (Belarus)
V. M. Kamneu (Russia)
C. S. Kirvel (Belarus)
P. P. Krus (Belarus)
M. Ya. Likhachov
Yu. I. Malevich
A. V. Samylau (Russia)
E. Y. Skakun (Belarus)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
21, Kosmonavtov Boulevard
tel.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued twice a year

Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 1 / 2026

According to the Supplement to the order of Supreme Certification
Commission of the Republic of Belarus from February 09, 2026 nr 30
(with the amendments made by the order from March 31, 2026 nr 72)
the journal «Vesnik of Brest University.

Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» has been included
to the List of scientific editions of the Republic of Belarus
for publication of the results of scientific research in 2026
in historical, economic and law sciences

◇ ◇ ◇

According to the agreement
between Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University» and Pvt Ltd «Scientific Electronic
Library» (licence contract № 457-11/2020 from 03.11.2020)
the journal «Vesnik of Brest University.
Series 1. Philosophy. Politology. Sociology»
is placed on the platform eLIBRARY.RU
and included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

CONTENTS

PHILOSOPHY

Veronika Varich. The Category of Freedom in Hegel's «Phenomenology of Spirit»	5
Valentina Yakhno. The Problem of Differentiation of Moral Judgments in the Concept of Elliot Turiel	11
Hanna Klimovich. Theoretical Sources of Modernization of the Scholastic Paradigm in the Academical Courses of the Polotsk Neoscholastics	17
Alena Lahunouskaya. Brest Region Youth's Perceptions of the Role of Education in the Transmission of Religious Values: a Social and Philosophical Analysis	22
Polina Navitskaya. The Possibilities of Ethical and Legal Regulation of Artificial Intelligence (Review of National and International Documents)	31
Тянь Цзинь. Философские и идеологические основания системы образования в современном Китае	39
Zhang Yunpeng. Sinicization of Marxism in the Context of Cultural Modernization	44

POLITOLOGY

Ksenia Dirko. Memory Policy: the Concept and Key Dimensions in Political Science	51
Irina Maliuk. The Role of the Islamic Factor in Countering Foreign Interference in the Countries of the Middle East	57
Denis Voyskovoy. The Phenomenon of International Conflict in the Context of Globalization	64
Mikhail Naumchyk. Discourse Analysis in the Study of Modern Ideologies	71
Olesya Rubo. China's Cooperation with African Countries in the United Nations as a Contribution to Global Governance and Sustainable Development of the African Continent	77
Alexander Evseenko. Evolution of Political Participation: from the Antique Polis to a Digital Society	85

SOCIOLOGY

Larisa Titarenko. Artificial Intelligence in Higher Education: Dual Consequences	93
Elena Grigorovich. The Development of a Specialist's Professional Culture in the University Educational Environment: a Philosophical and Sociological Analysis	99
Alexander Belski, Hanna Shurko. Transformation of Strategies in Matrimonial Behaviour of Belarusians Based on the Results of the Longitudinal Study «Generations and Gender»	108
Alesya Pokhomova. Visual Representation of a Volunteer's Image on Social Media	116
Maria Sokolovskaja. Aesthetic Dimension of the Life of Modern Belarusian Girls: a Sociological Analysis	122
Marina Horbach. Self-Education Activities of the Population of Belarus in the Context of Sociological Practice	131
Darya Kanashevich. Sociological Justification of an Inclusive Environment as a Resource for Adaptation of Foreign Students at a Regional University	138

PERSONALITY

Anna Klimovich, Pavel Crus. On the 70th Anniversary of the Birth of B. M. Lepeshko (1955–2023). A Brief Biographical and Bibliographical Essay	147
--	-----

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Natalia Nikonovich. Cooperation with the Belarusian Orthodox Church – one of the Priorities of the Philosophy of Religion Sector and Religious Studies at the Institute of Philosophy the National Academy of Sciences of Belarus	151
--	-----

Вероника Николаевна Варич

канд. филос. наук, доц., доц. каф. гуманитарных наук
Брестского государственного технического университета

Veronika Varich

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Humanities
of Brest State Technical University
e-mail: vervarich@yandex.by

КАТЕГОРИЯ СВОБОДЫ В «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА» ГЕГЕЛЯ

Производится анализ гегелевской трактовки свободы на основе тех разделов «Феноменологии духа», которые посвящены исследованию чувственного сознания, рассудка, самосознания и разума. Исходя из реконструкции идей Гегеля об ограниченности свободы в чувственном опыте, о ее становлении в самосознании и об осознании свободы через отчуждение, действие и взаимное признание мыслящих субъектов, производится экстраполяция его взглядов на современные социальные коллизии.

Ключевые слова: свобода, Гегель, «Феноменология духа», самосознание, отчуждение, признание.

The Category of Freedom in Hegel's «Phenomenology of Spirit»

This article analyzes Hegel's understanding of freedom based on the sections of the phenomenology of Spirit devoted to the study of sensory consciousness, reason, self-awareness, and intellect. Building on Hegel's ideas about the limitations of freedom in sensory experience, its formation in self-awareness, and the realization of freedom through alienation, action, and the mutual movement of thinking subjects, it extrapolates his views to contemporary social conflict.

Key words: freedom, Hegel, «The Phenomenology of Spirit», self-awareness, alienation, recognition.

Введение

Кризисные явления в культуре современного общества, связанные с глобализацией, цифровой дегуманизацией и геополитическими конфликтами, выявляют возрастающую потребность в переосмыслении этических и философских оснований свободы. Доминирующие в западном мире либеральные трактовки свободы демонстрируют свою несостоятельность в условиях коллективных вызовов нашего времени, что делает актуальным возвращение к классическим философским системам, способным предложить ее развернутое и обоснованное толкование. Любое упрощенное понимание свободы, включая ее индивидуалистическое толкование, недостаточно для понимания сложной динамики современной жизни. Гегелевская «Феноменология духа» в противовес таким толкованиям предлагает осознание свободы как процесса становления через преодоление противоречий. Свобода в ней раскрывается не как данность или безусловное право, а как драматический путь осознания духом самого себя в диалектике различных форм человеческого сознания и дей-

ствия. Центральная идея гегелевской трактовки состоит в том, что свобода может быть достигнута только в результате преодоления отчуждения в процессе признания взаимозависимости субъектов. Поэтому свобода не может быть противопоставлена солидарности, и любая современная социальная антиномия неразрешима без понимания их взаимной обусловленности.

Актуальность статьи, таким образом, обусловлена необходимостью связать классическую философию с вызовами современной эпохи, когда экзистенциальная неуверенность придает вопросам свободы новое измерение. В этом ключе категория свободы в «Феноменологии духа» Гегеля не является устаревшей умозрительной абстракцией, а может выступить в качестве живого инструмента анализа.

Цель статьи – проследить эволюцию свободы (в гегелевском понимании) от ее зарождения в чувственном сознании до полного осознания в разуме.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, реконструировать ход рассуждений Гегеля

о свободе; во-вторых, уделить особое внимание гегелевской трактовке отчуждения как необходимого условия осознания обретения свободы; в-третьих, раскрыть эвристический потенциал гегелевской трактовки свободы для решения современных этических задач.

Предчувствие свободы (чувственная достоверность и рассудок)

Анализ гегелевской трактовки свободы затруднителен без понимания предмета изложения в «Феноменологии духа» – «являющегося» знания, т. е. тех форм, которые обязательно проходит в своем развитии каждое сознание начиная с естественного, непосредственного знания и заканчивая абсолютным, совершенно опосредованным. В силу этого феноменология (учение о явлениях) духа – это не только наука, изучающая всеобщие формы явления в единичном сознании упомянутого духа, но и тот «путь, каким душа проходит ряд своих формообразований, как ступеней, предназначенных ей ее природой, дабы она приобрела чистоту духа, когда она благодаря полному познанию на опыте самой себя достигает знания того, что она есть в себе самой» [1, с. 54]. Если проводить параллели с естественными науками, то «Феноменологию духа» можно рассматривать как своего рода эмбриологию и палеонтологию духа, которая отображает развитие индивидуального сознания как сокращенное воспроизведение ступеней, пройденных общечеловеческим сознанием в процессе его исторического становления. Этот процесс Гегель называет «образованием» (Bildung) – восхождением от непосредственной, единичной, природной жизни к всеобщему разумному состоянию через усвоение накопленного человечеством социального опыта и знаний. Результат образования – «всеобщность знания, которая есть не обыкновенная неопределенность и скудость здравого человеческого смысла, а развитое и совершенное познание, и не обыкновенная всеобщность дарований разума, развращающихся косностью и сомнением гения, а истина, достигшая свойственной ей формы, – словом, всеобщность, которая способна быть достоянием всякого разума, обладающего самосознанием» [1, с. 48]. Только благодаря так понимаемому образованию индивид может осуществить переход из «царства необходимости» в «царство свободы», т. е. от непосредственного знания окружающего мира,

означающего полную зависимость от природы и социального окружения, к систематическому и аргументированному знанию, обосновывающему способы самостоятельного существования на основе знания их законов.

Чувственная достоверность – это первая форма являющегося знания, непосредственное бытие предмета перед сознанием, кажущееся проявлением свободы как раз в силу непосредственности. Но, по Гегелю, такое явление предмета сознанию ограничено его (предмета) единичностью, поэтому предмет воспринимается как вполне самодостаточный и не может быть интерпретирован в терминах всеобщности или закономерности.

Вместе с тем в каждом факте чувственной достоверности вычленяется ее главное противоречие – противостояние «Я» и предмета: «“я” обладаю достоверностью *через* нечто иное, а именно через вещь; а эта последняя достоверна точно так же *через* нечто иное, а именно через “я”» [1, с. 63]. Чувственная достоверность не дает никакого конкретного знания, она представляет собой естественное сознание в повседневной жизни, внутри которого индивид всегда находит себя как неизбежное обстоятельство. Именно поэтому на ступени чувственной достоверности свобода оказывается ограниченной рамками непосредственного опыта.

Синтез чувственных данных осуществляется на уровне восприятия путем выявления общих признаков и связей между отдельными элементами опыта. Сознание не просто получает данные, но организует их в понятные и общие формы, проявляя таким образом активность субъекта как проявление свободы. Различные свойства предмета предстают в восприятии как безразличные друг другу, но соотносимые благодаря их включенности во всеобщую среду, называемую Гегелем «вещностью». Негативный результат восприятия Гегель видит в том, что сознание не способно полностью избавиться от внешнего ему предмета и потому обречено на бесконечное манипулирование его определениями. Однако сами действия по организации чувственных данных в некоторые структуры означают, что свобода перестает быть простой пассивностью, а превращается в способность отношения к всеобщему.

Эта форма сознания получает дальнейшее развитие в деятельности рассудка,

наиболее ценным достижением которого немецкий мыслитель признает синтезирующую способность. Вслед за Кантом он считает равными «права» противоречащих начал и, соответственно, полагает равными шансы постичь истину с помощью противоположных методов теоретического анализа, а также признает морально равноценными противоположные ценностные установки при исследовании социальных явлений. Вместе с тем распадение на противоположности, фиксируемое рассудком, не является финалом познания. Напротив, в их взаимодействии сознанию открывается нечто находящееся за ними, нечто общее им обоем: «Эта подлинная сущность вещей определилась теперь таким образом, что она не есть непосредственно для сознания, а что это последнее имеет опосредованное отношение к «внутреннему» и в качестве рассудка *проникает взором сквозь этот средний термин игры сил к истинной скрытой основе вещей*» [1, с. 88]. За пределами чувственного мира рассудок находит мир сверхчувственный, т. е. не данный органам чувств в непосредственном восприятии. И в этом сверхчувственном мире свобода проявляется как динамическое взаимодействие противоположных сил, формирующих реальность посредством взаимного отрицания: перед сознанием встает необходимость «*мыслить чистую смену, или противоположение внутри себя самого, т. е. противоречие*» [1, с. 100]. На ступени рассудка сознание выявляет противоречие между «игрой сил» (гегелевский термин) и всеобщим, снятие которого означает переход к более развитой форме свободы – самоопределению сознания как источника собственной воли и действий.

Становление свободы (самосознание)

Самоопределение приводит к столкновению с другими самосознаниями, каждое из которых ищет подтверждения своего существования. Самосознание как «рефлектированное в себя единство» включено в жизнь, постигаемую как нечто непосредственно совпадающее с ним и вместе с тем отличное от него. Выражаясь гегелевским языком, жизнь есть последовательное развертывание устойчивых формообразований и в то же время снятие всего устойчивого и застывшего. Способность живого организма противостоять все изменяющему жизненному потоку для самосознающего субъекта трансформируется в способность обособления

своего «Я» и обретения достоверности в «снятии» самостоятельных предметов. Активное и самостоятельное сознание, преодолевшее свою чувственную достоверность, взаимодействует с миром, в котором оно оставило свой след и даже утвердило сверхчувственное. Не удивительно поэтому, что во внешнем мире самосознание находит своего двойника: «*Самосознание достигает своего удовлетворения только в некотором другом самосознании*» [1, с. 110], – пишет Гегель. И продолжает: «*Самосознание есть для самосознания. Лишь благодаря этому оно, в самом деле, есть, ибо лишь в этом обнаруживается для него единство его самого в его инобытии*» [1, с. 111].

В столкновении двух самосознаний рождается и противопоставление себя Другому, и обнаружение в себе общих с Другим качеств, и моделирование поведения, в наибольшей степени отвечающего всеобщей природе каждого индивида. Каждое самосознание видит в другом свою сущность, но при этом остается существующим само по себе. Это взаимное действование Гегель называет *признаванием*, в ходе которого единство признающих друг друга самосознаний распадается на крайности признающего и признаваемого. В первоначальном стремлении отстоять свободу самосознание подвергает окружающий мир радикальному отрицанию, включая самого себя и другое самосознание. Однако признание, основанное на смерти Другого, не состоится: не только потому, что признавать будет некому, но и потому, что с уничтожением Другого самосознание перестает быть самосознанием. Те действия сознания, которые предпринимались по отношению к вещи, не могут адресоваться другому сознанию, поскольку само его существование представляет атрибутивную ценность для первого сознания: самосознание не только не должно, но и не может использовать другое самосознание в качестве средства для достижения свободы.

В борьбе за признание проявляется фундаментальная диалектика, которая формирует антагонистические, но взаимосвязанные формы свободы, – противоречие господского и рабского сознания: одна из сторон – «сознание самостоятельное, для которого для-себя-бытие есть сущность, другое – несамостоятельное, для которого жизнь или бытие для некоторого другого есть сущность; первое – *господин*, второе – *раб*» [1, с. 115].

Господин, одержавший верх в борьбе за признание, не может быть признан подлинно свободным, поскольку его самостоятельность лишь опосредованно утверждается через подчинение другого. Несамостоятельность же рабского сознания проявляется не столько в прямом подчинении господину, сколько в зависимости от иного самостоятельного бытия вообще: «Оно-то и держит раба; это – его цепь, от которой он не мог абстрагироваться в борьбе» [1, с. 115]. Первичная эмансипация от этой «цепи» происходит в сознании, когда оно испытывает ужас перед лицом «абсолютного господина» – смерти, однако испытания страхом недостаточно для обретения свободы. Вынужденный трудиться и таким образом осваивать предметный мир, раб объективирует волю и сознание в продуктах своего труда. Увидев свое отражение в этих продуктах, сознание проецирует себя на весь мир и повсюду находит в нем лишь себя, не выходя за собственные пределы. Служа господину и обрабатывая вещи, раб убеждается в том, что «та сторона *в-себе-бытия*, или *вещности*, которая обрела форму в труде, не есть какая-либо иная субстанция, как только сознание, и нам обнаружилась некоторая новая форма самосознания: сознание, которое есть для себя сущность в бесконечности или в чистом движении сознания, – сознание, которое *мыслит* или есть свободное самосознание» [1, с. 120]. Таким образом, условием обретения свободы является самоотчуждение самосознания в процессе труда.

Сознание, впервые принявшееся мыслить, Гегель называет стоическим, а стоицизм вполне может считать себя свободным, поскольку «всегда исходит непосредственно из себя и уходит обратно в чистую всеобщность мысли» [1, с. 121]. В действительности оно таковым не является, т. к. абстрагируется от многообразия проявлений познающего субъекта и познаваемого им мира. Со своей стороны, скептицизм с недоверием рассматривает все определенное, и в нем сознание превращается в «головкружительное движение беспрестанно себя порождающего беспорядка». В форме стоицизма сознание противопоставляет себя преходящему миру внешних образований, а на ступени скептицизма обнаруживает собственную изменчивость и «исчезаемость».

Осознание взаимодействия внутри одного и того же сознания преходящей единичности и неизменного начала порождает

новую ступень в становлении свободы – «несчастное сознание».

В результате сложного диалектического взаимодействия действительного сознания и действительного мира, равно противоречивых внутри себя, самосознание отказывается от своей самостоятельности. Будучи неспособным в силу собственной раздвоенности «снять» внешнюю ему действительность, оно «рефлектирует это движение действия обратно в другую крайность, которая вследствие этого изображается как совершенно всеобщее, как абсолютная мощь, от которой во все стороны исходит движение» [1, с. 133]. Благоговение перед ней сводит его собственные действия к нулю, а в стремлении преодолеть свою исчезаемость и достичь единства с этим абсолютным началом сознание пытается уйти от своих природных функций, отречься от плодов собственного труда, исполняет обряды и с помощью всех этих действий завершает отказ от своей воли. Казалось бы, «несчастное сознание» – свидетельство того, что свобода невозможна в принципе. Однако, по Гегелю, окончательный отказ от собственной воли имеет двойное значение для сознания: он «негативен только с одной стороны, *по своему понятию* или *в себе*, но в то же время он положителен, а именно он есть утверждение воли как некоторого «*иного*», и – определенно – воли как чего-то не единичного, а всеобщего» [1, с. 136]. И если в чувственном сознании преодолевается ограничение свободы непосредственным опытом, то в самосознании рамки свободы раздвигаются за пределы единичного сознания, а ее осмысление становится прерогативой разума.

Свобода через отчуждение (разум)

В гегелевском анализе феноменов духа разум предстает как деятельная познавательная сила, организующая значимое содержание опыта через абстракции и всеобщие законы. Развитие разума как созерцательной целостности начинается, по мысли Гегеля, с наблюдения – отыскания «чувственно-наличного модуса» мыслящего сознания. Принципиальное отличие разума от менее развитых форм познания состоит в том, что для него предоставляет интерес только то, что имеет «значение чего-то всеобщего, а не чувственного «этого» [1, с. 146]. Разум не имеет, таким образом, дела с непосредственным чувственным опытом, но отрицание непосредственности не уничтожает

действительность, а преобразует ее в более широкую форму, позволяющую разуму соотносить себя с собственной универсальностью. Происходит самоопределение сознания через отрицание и повторное определение понятий, способствующее их универсализации. Разум преодолевает внешнюю и внутреннюю отчужденность познания, обеспечивая переход от непосредственного единичного чувственного опыта к самопознаваемому универсальному. Свобода в таком случае оказывается следствием внутренней реорганизации познавательных форм и обретения разумом свободной компетенции по созданию общих законов для явлений: «Установилось единство единичного и всеобщего, субъективного и объективного, которое и есть разум как источник всякой достоверности и истины» [2, с. 16].

В то же время согласование субъективного намерения и объективной истины невозможно без процедур объективации и рефлексии, которые делают содержание мысли общезначимым и контролируемым. Такая объективация, по Гегелю, происходит в действии: «Истинное бытие человека, напротив, есть его действие: в последнем индивидуальность действительна, и оно-то и снимает мнимое с обеих сторон» [1, с. 190].

Именно в действии как в простоте конкретного бытия «индивидуальный человек есть сущее для других, всеобщая сущность, и перестает быть мнимой сущностью» [1, с. 190]. Ни внешний облик, ни строение черепа, ни особенности темперамента не позволяют судить о сущностных характеристиках человека. С точки зрения Гегеля, даже природные потребности могут быть удовлетворены только благодаря «всеобщей сохраняющей среде, благодаря *мощи* всего народа» [1, с. 208]. В еще большей степени социальная среда обуславливает подлинное содержание человеческой деятельности: то, что делает человек, есть «всеобщее мастерство и нравы всех»: «Как отдельное лицо в своей *единичной* работе *бессознательно* уже выполняет некоторую *общую* работу, так выполняет оно и *общую* работу, в свою очередь, как свой *сознательный* предмет; целое становится как *целое* его произведением, для которого оно жертвуют собою, и именно поэтому получает от него обратно себя самого» [1, с. 208]. Столь обширная цитата необходима для понимания важнейшей идеи Гегеля: отрицая свою мнимую сущность в процессе труда, человек обретает

всеобщность как выражение его подлинной единичной индивидуальности, и именно такое отчуждение открывает путь к осознанию свободы: «Я созерцаю во всех, что для себя самих они суть лишь такие же самостоятельные сущности, как и я; я созерцаю в них свободное единство с другими так, что само это единство есть как благодаря мне, так и благодаря другим» [1, с. 209].

Тема действия как подлинной действительности человека связывает воедино гегелевские концепции самосознания, разума и духа, образуя необходимое звено в длинной цепи теоретических положений, соединяющей понимание трудовой деятельности как источника свободы самосознания и трактовку морального поступка как единственного критерия моральности или аморальности сознания на завершающей стадии развития духа. Во всех этих рассуждениях лейтмотивом звучит мысль о том, что наличная, осязаемая и видимая действительность не может воплотить в себе свободу, а реальной «средой» ее «обитания» является мышление и порождаемая им реальность. Путь к этой реальности лежит через отчуждение, т. е. объективацию субъективного содержания сознания – вынесение его вовне, позволяющее увидеть и изучить различные мысли и концепции как объективные феномены. Отчуждение не только не является препятствием для достижения свободы, но и служит необходимой ступенью в ее развитии. Сознание дистанцируется от объективированного содержания, а затем вновь присваивает его, углубляя тем самым самопознание и расширяя сферу свободы. Преодоление отчуждения означает переход от фрагментарного опыта к целостному пониманию, когда каждая отрицаемая позиция сохраняется в измененном виде как предпосылка нового, более полного содержания сознания. Свобода в таком случае выступает не как исходное свойство сознания, а как продукт диалектической деятельности разума. В качестве одного из формообразований духа разум оказывается именно той познавательной (и практической) способностью, которая делает возможным осознание свободы и действия по ее обретению.

Понятие отчуждения в «Феноменологии духа» применяется не только для характеристики индивидуального сознания, но и для анализа социальных отношений на разных стадиях манифестации в них всеобщей сущности – абсолютного духа. На этих

уровнях индивидуальная способность воплощать всеобщее в своих действиях получает институциональное и символическое воплощение, что делает свободу социально и культурно обусловленной. Даже самое лаконичное воспроизведение гегелевских рассуждений о семье, гражданском обществе, государстве, морали и религии как формах отчужденного от себя духа вышло бы за рамки этой статьи. Вместе с тем гегелевский анализ проблем отчуждения и свободы достигает большой критической глубины при рассмотрении им общества, раздираемого противоречиями, и поэтому заслуживает специального изучения в отдельном исследовании.

Однако и изложенного выше достаточно для того, чтобы утверждать, что гегелевская концепция свободы, понимаемая как преодоление отчуждения, демонстрирует свою актуальность в условиях современной цифровой эпохи. Информационные технологии и их активное внедрение во все сферы частной и общественной жизни порождают новые формы социального отчуждения, требующего философского осмысления. В этом плане заложенные в «Феноменологии духа» принципы гегелевской диалектики могут послужить методологической основой для осмысления социальных, политических и моральных дилемм современного общества через идею о достижении истинной свободы путем взаимного признания. При всей спорности интерпретации «Феноменологии духа» Р. Брэндомом нельзя не согласиться с

его утверждением о том, что эти «книга дает нам новые темы для размышлений и показывает направление, куда можно двигаться, даже если сам материал, с которым он в столь нетривиальном ключе работает, более-менее знаком нам из литературы и обсуждений последних лет» [3, с. 176].

Заключение

Категория свободы в «Феноменологии духа» Гегеля раскрывает свою сущность как диалектическое восхождение от непосредственной достоверности чувственного сознания через драматические коллизии самосознания к синтетическому единству индивидуального и общего в деятельности разума. Свобода формируется в борьбе за признание, в которой отношения господина и раба становятся поворотным пунктом. Исследование отчуждения в разделе о разуме выявляет его значимость в объективации свободы, дальнейшее развитие которой осуществляется в формах морали, религии и абсолютного знания.

Актуальность гегелевской концепции свободы состоит в том, что она предлагает модель для осмысления и разрешения конфликтов между автономией и социальным единством, между свободой и солидарностью, а также позволяет анализировать кризисы идентичности и нравственные вызовы современности через диалектическое понимание свободы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гегель, Г. Феноменология духа. Философия истории / Г. Гегель. – М. : Эксмо, 2007. – 880 с.
2. Румянцева, Т. Г. Обоснование свободы самосознания в работе «Феноменология духа» Г. В. Ф. Гегеля / Т. Г. Румянцева // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2022. – № 2. – С. 13–18.
3. Брэндом, Р. «Феноменология духа» Георга Гегеля / Р. Брэндом // Логос. – 2023. – Т. 33, № 2 (153). – С. 167–178.

REFERENCES

1. Gegel', G. Fenomenologiya dukha. Filosofiya istorii / G. Gegel'. – M. : Eksmo, 2007. – 880 s.
2. Rumyanceva, T. G. Obosnovanie svobody samosoznaniya v rabote «Fenomenologiya dukha» G. V. F. Gegelya / T. G. Rumyanceva // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. – 2022. – № 2. – S. 13–18.
3. Brendom, R. «Fenomenologiya dukha» Georga Gegelya / R. Brendom // Logos. – 2023. – T. 33, № 2 (153). – S. 167–178.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.03.2026

УДК 172.41

DOI 10.63874/2218-0273-2026-1-11-16

Валентина Николаевна Яхно*канд. филос. наук, доц. каф. социально-гуманитарных и правовых дисциплин
Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого***Valentina Yakhno***Candidate of Philosophical Science,
Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and Legal Disciplines
of Sukhoi State Technical University of Gomel
e-mail: vny56@mail.ru*

ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ МОРАЛЬНЫХ И КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ В КОНЦЕПЦИИ ЭЛЛИОТА ТУРИЕЛА

Рассматривается содержательная и нормативная концепция морали Эллиота Туриела. Выявлено, что мыслитель представил свое понимание нравственной сферы не только как результат изучения процесса морализации действий, но и как эмпирическую гипотезу о видах моральных суждений и проступков, предложил определение морали, согласно которому содержание моральных поступков включало в себя вред, несправедливость и нарушение прав. Эмпирическая часть его концепции содержит опросник (тест), который был предназначен для исследования границ моральной сферы, включая проступки, которые причиняют очевидный вред. Отмечено, что особенность этики Туриела в том, что он не просто фиксирует результаты своих эмпирических исследований, а выводит из них представление о моральном домене. Он утверждает, что анализ проступков участников эксперимента позволяет выявить степень дифференциации моральных (критериальных) и социальных (конвенциональных) норм и нравственного содержания действий и ситуаций.

Ключевые слова: мораль, этика, моральная философия, моральные суждения, вред, справедливость, Эллиот Туриел.

The Problem of Differentiation of Moral Judgments in the Concept of Elliot Turiel

The article discusses the normative ethics of Elliot Turiel. The modern American thinker presented his understanding of the moral sphere not only as a result of studying the process of moralization of actions, but also as an empirical hypothesis about the types of moral judgments and offenses. He proposed a definition of morality, according to which the content of moral actions included harm, injustice and violation of rights. The empirical part of his concept contains a questionnaire (test) that was designed to explore the boundaries of the moral sphere, including offenses that cause obvious harm. The peculiarity of Turiel's ethics is that he does not simply record the results of his empirical research, but deduces from them the idea of the moral domain. He argues that the analysis of the misconduct of the participants in the experiment makes it possible to identify the degree of differentiation of moral (criterion) and social (conventional) norms and the moral content of actions and situations.

Key words: morality, ethics, moral philosophy, moral judgments, harm, justice, Elliot Turiel.

Введение

В течение последних двух десятилетий представители социально-гуманитарных дисциплин стали проявлять все больший интерес не только к теоретическим аспектам этики, но и к возможности эмпирического исследования моральных поступков. В центре внимания, прежде всего, анализ и описание морально значимых феноменов, уточнение отличительных характеристик моральных принципов, идеалов, эмоций, нравственных поступков и проступков.

Несмотря на популярность обращений к этической проблематике в междисциплинарных исследованиях, возможность определить, является ли суждение моральным,

а не каким-либо иным (религиозным, юридическим, было ли оно обоснованным и оправданным) оставалось под вопросом вследствие отсутствия надежных вариантов верификации. Попытка сформировать теорию, опирающуюся на эмпирические результаты исследования нравственных установок и поведенческих моделей, принадлежит современному американскому специалисту в области психологии и моральной философии Эллиоту Туриелу. Хотя эта теория очень значима, ее исследования в русскоязычной литературе ограничиваются работами московского профессора А. В. Прокофьева [1; 2].

Основная цель статьи – эксплицировать проблему дифференциации моральных и конвенциональных суждений в концепции Э. Туриела. Для этого необходимо определить роль социальных взаимодействий в понимании морального поведения в концепции Эллиота Туриела, установить критерии различения собственно моральных (критериальных) и социальных (конвенциональных) правил и охарактеризовать практическую составляющую данной концепции.

Основная часть

Эллиот Туриел (Elliot Turiel) был учеником Лоуренса Кольберга, который, в свою очередь, был последователем творчества «отца детской психологии» Жана Пиаже. Все эти ученые проделали плодотворную работу по изучению взаимосвязи сознания и нравственной эволюции детей и подростков и выразили убеждение в том, что размышления и суждения о собственном опыте играют центральную роль в процессе развития личности подрастающего поколения. Психологическая концепция нравственности Пиаже и Кольберга формируется параллельно с исследованиями в области философии сознания и стремлением таких ученых, как Джон Сёрл и Джон Стюарт Милль дать содержательное определение морального сознания. В отличие от нативистов, считавших, что структуры морального сознания являются врожденными, они полагали, что нормативное мышление формируется у человека поэтапно, т. е. опирается на рассуждения и осмысление собственного опыта, а затем – на социальное обучение. Э. Туриел первоначально следовал теории Кольберга, но позже пришел к убеждению, что моральные оценки не всегда формируются в рамках последовательных стадий развития личности. Он создает теорию, в которой предполагает, что моральное суждение возникает через дифференциацию от неморальных процессов, т. е. моральное познание отличается от познания социальных условностей. Как следствие, социальные условности и мораль должны рассматриваться не как часть одного и того же процесса, а как отдельные области [1].

Теоретические изыскания Туриела напрямую связаны с поиском формы верификации моральных суждений. Чтобы обосновать необходимость очистить моральный домен

от конвенциональных норм, Туриелу нужен был эмпирический материал, но до создания экспериментальной части, мыслитель сосредоточился на поиске особенностей процесса формирования моральных (критериальных) суждений.

Для построения своей концепции он обратился к представителям философии сознания, большей частью к идеям Дж. Сёрла. Первой особенностью, которую принял Туриел, была универсальность моральных принципов. Он интерпретировал эту позицию как утверждение о том, как конкретное моральное суждение может быть распространено на ситуации с участием других людей, других мест и другого времени: т. е. моральные предписания должны быть универсально применимы в одинаковых обстоятельствах и ко всем вне зависимости от возраста или местных традиций культуры.

Следующими особенностями, которые принял Туриел, стали и «категоричность» моральных суждений и «зависимость от авторитетных источников». Он полагал, что суждения о моральных поступках, особенно о долге, практически всегда формулируются как императивы, а это значит, что люди не могут справедливо уклониться от требований, предъявляемых им социумом, и руководствоваться собственными потребностями или своими убеждениями. «Требования категорически обязательны, поскольку их соблюдение является обязательным для поведения каждого лица, которому они адресованы, независимо от того, желает ли он их принять, а также независимо от требований других институтов, таких как закон или этикет, чья обязательность сама по себе может быть сомнительной или изменчивой» [3, с. 36]. Таким образом, хотя одно моральное требование может быть отменено другим, оно не может быть отменено никаким неморальным требованием, и его нормативная обязанность не может быть устранена изменением склонностей, мнений или идеалов.

Формируя тест для определения степени дифференциации моральных и конвенциональных (социальных) суждений, Туриел определяет цель тестирования: определить долю морального содержания в поведении людей. Разрабатывая необходимую диагностику, ученый «черпает вдохновение в философской литературе»: он обращается к анализу различных определений морали,

начиная с рассуждений Аристотеля из «Никомаховой этики», выражает согласие с убеждением Т. Гоббса о том, что цель нравственности – поддерживать гармонию совместного проживания людей в обществе, а это, в свою очередь, предполагает соблюдение правил, запрещающих причинять вред. В работе «Культура морали: социальное развитие, контекст и конфликт» Туриел ссылается на И. Канта, отмечая позицию философа о необходимости «абсолютного запрета на ложь». Этот «запрет является абсолютным, универсальным, и нарушение этого запрета никогда не может быть оправдано» [4, с. 272]. Однако следует отметить, что наибольшее влияние на Э. Туриела оказали такие современные американские мыслители, как Д. Роулз, А. Гевирт, Д. Хайдт, и, конечно, представители психологической науки, прежде всего его учитель Л. Кольберг.

Определяя ключевые характеристики морали, Эллиот Туриел пишет, что моральные предписания обязательны и они универсальны потому, что применимы ко всем в одинаковых обстоятельствах. Они безличны в том смысле, что не основаны на индивидуальных предпочтениях или личных склонностях. Более того, моральные предписания определяются критериями, отличными от согласия, договоренности или институциональной конвенции [3, с. 37].

Тест Туриела, призванный определить, является ли суждение моральным, включает в себя один или несколько вопросов, которые позволяют оценить, считает ли участник опроса свое суждение универсальным и независимым от «авторитета». Туриел поясняет, что институциональная практика порой свидетельствует о возможности со стороны «руководства» (например, директора школы) корректировать те или иные правила поведения и влиять на суждения и поступки человека, «применять санкции», и это необходимо учитывать при разграничении суждений на моральные или конвенциональные. Примеры и детали задаваемых вопросов, которые использует Туриел, варьируются в зависимости от возраста участника (ребенок, подросток или взрослый) и особенностей его культуры. Как универсальность, так и категоричность, по его мнению, являются «формальными» – они не накладывают никаких ограничений на содержание моральных правил или моральных суждений.

Туриел утверждает, что существуют субстанциональные черты, которые являются общими для моральных суждений. Так, важное место в его ценностно-нормативной системе принадлежит убеждению, что моральные суждения связаны с запретом на причинение вреда, со справедливостью и правами личности. Следовательно, если участник эксперимента выносит собственно моральное суждение и его просят объяснить, почему рассматриваемое поведение является неправильным, он говорит о причинении вреда, несправедливости или нарушении его прав. Туриел постоянно подчеркивает, что опыт «претерпевания вреда есть у каждого взрослеющего человека» [2, с. 1256]. В простых «прототипических» случаях, утверждает Туриел, личность может видеть, что поведение имеет негативные последствия, и это приводит ее к осознанию, что поведение неправильно. Таким образом, моральные суждения являются производными от особенностей социальных отношений, включая опыт, связанный с причинением вреда людям, нарушением прав и «конфликтами конкурирующих требований» [3, с. 3]. Допустим, один человек ударил другого и причинил ему физический вред. Восприятие индивидом этого события как проступка, по Туриэлу, проистекает из характеристик и особенностей самого события, т. е. из восприятия последствий для жертвы. Для морального суждения – это случай неспровоцированного причинения физического вреда, а согласно конвенциональной области суждений, такая ситуация – случай несоблюдения норм обращения к человеку, нарушение его прав [3, с. 41].

Поскольку гипотеза Туриела состоит в том, что субъекты (включая детей) отличают моральные суждения от социальных, ему было необходимо объяснить отличительные особенности социальных (конвенциональных) суждений.

Ссылаясь на Дж. Сёрла и других коллег, он пишет, что социальные условности обычно локальны: они различаются в разных местах и в разное время, а функция социальных конвенций, по его мнению, заключается в содействии социальной координации. Так, опрятность, внешний вид, культура поведения за столом, формы и нормы обращения в семье соотносятся с соблюдением конвенциональных норм. Моральные

же нормы связаны с таким качеством личности, как ответственность (включая ответственность за нанесение материального ущерба), а также справедливостью и «нормами щедрости» [3, с. 37–40].

В философском ракурсе в концепции Эллиота Туриела «используются формальные характеристики морали» – это прежде всего объективность моральных норм и основанных на них суждений. Он вносит в число свойств «моральных прескрипций» «обязательность» (как аналог объективности) и набор нравственных требований, которые «универсально приложимы» [2, с. 1264]. В работах Туриела указываются такие нормы, как: справедливость, забота о благополучии, соблюдение прав личности, честность, соблюдение свободы индивидуального выбора [3; 4]. Далее, анализируя поведение субъектов, Туриел уже как психолог рассматривает человека и его поведение как социальное существо, имеющее «опыт претерпевания страданий», «нежелательный опыт» и «вред» [3, с. 43–44].

Таким образом, выдвинув характеристики моральных и конвенциональных суждений, Туриел создает эмпирическую часть исследования – тест, чтобы определить, является ли суждение участника эксперимента о проступке моральным или конвенциональным. Тест начинается с описания гипотетического нарушения. Поскольку Туриел был заинтересован в том, чтобы определить, могут ли, например, дети или подростки отличить моральные поступки от исполнения конвенциональных норм, то действия, о которых он упоминает, включают в себя события, хорошо им знакомые и понятные. Например, мальчик (девочка) не почистил(а) зубы, не вымыл(а) дома пол, разговаривал(а) на уроке во время объяснения нового материала учителем, пришел (пришла) в школу в грязной одежде и т. п. Всего восемнадцать вопросов. Далее участникам задают вопросы, направленные на то, чтобы определить, считают ли они описываемое действие неправильным. Затем, считают ли они, что неправильность действия является «независимой от авторитета» и стали бы они универсализировать суждение, вынося такое же суждение, если бы нарушение произошло в другом месте или в другое время. Эти вопросы могут быть заданы различными способами, а их содержание должно зависеть

от возраста участников и целей исследования. В соответствии с терминологией Туриела ответы на эти вопросы называются «критериальными суждениями», и они имеют решающее значение для определения того, считает ли участник проступок моральным или конвенциональным. Если действие признано неправильным, независимым от авторитета и поддающимся обобщению, участник опроса классифицируется как посчитавший проступок моральным. А если описанное событие (действие) признается неправильным, зависимым от авторитета и не поддающимся обобщению, участник классифицируется как посчитавший проступок на основе конвенционального суждения [3, с. 52].

Участников также просят объяснить, почему нарушение является неправильным. Ответы оцениваются, чтобы определить, ссылаются ли респонденты на вред, справедливость или права, или же они ссылаются на такие факторы, как социальная координация, традиции, обычаи, возможность наказания. Такие показатели, по мнению Туриела, являются своего рода оправданиями, которые следует ожидать, если участники рассматривают нарушение как обычное. Ученый называет эти ответы «категориями обоснования» [3, с. 66–68].

Надо отметить, что в последней четверти XX и в начале XXI в. этот экспериментальный формат использовался в большом количестве исследований, а тест оказался популярным, например у школьных учителей и у кураторов студенческих групп, в т. ч. в нашей стране.

После экспериментов Туриела другие ученые использовали гипотетические ситуации, содержащие описание событий, которые они считали явными случаями моральных проступков (например, кража) или явными случаями обычных поступков (например, разговоры во время урока). Результаты этих исследований в большинстве своем были согласованы с проектом Туриела [5, с. 164–169]. Проступки, которые экспериментаторы считали моральными, обычно оценивались как неправильные независимо от авторитета и поддающиеся распространению в других местах и в другое время. Суждения, согласно которым проступки не являются правильными, обычно оправдывались апелляцией к вреду, причиненному этим проступком другим людям. Проступки, которые, как

считали исследователи, основывались на конвенциональных суждениях, обычно оценивались как неправильные и «зависимые от авторитета», и они не распространялись на другие культуры или времена. Эти проступки оправдывались апелляцией к социальным ожиданиям, необходимостью социальной координации и коммуникации, угрозой наказания и другими подобными факторами. Результаты показали, что эти различия появились в развитии человека очень рано – уже в детстве, к четырем годам. Таким образом, исследования Эллиота Туриела дополнили концепции Пиаже и Кольберга. Они показали, что не только взрослые, но и дети не думают обо всех нормативных правилах одинаково, их нормативное познание не является недифференцированным.

Одной из основных особенностей исследования моральной сферы Туриелом является включение им в большую часть экспериментов проступков человека, причиняющих очевидный вред. Поэтому следует заметить, что в американской моральной философии специфику понимания морали «задает использование когнитивного шаблона вреда», когда моральные агенты считают недопустимым именно причинение вреда, но их интерпретации вредоносности действий могут быть субъективны и многообразны [1, с. 68].

Заключение

Эллиот Туриел в результате своих исследований в области моральной философии и психологии получил результаты, которые позволили ему показать, что нормативное познание детей гораздо сложнее и разнообразнее, чем это обозначили Пиаже и Кольберг.

Также необходимо указать, что концепция Туриела базируется на требовании освободить моральную сферу от конвенциональных элементов и исследовать динамику именно нравственного становления личности. Он утверждает, что игнорировать отли-

чие моральных правил от конвенциональной нормативности опасно, т. к. «это не способствует координации социальных взаимодействий внутри социальных систем». Согласно мыслителю, дифференциация моральных и конвенциональных суждений и принципов необходима, т. к. они относятся к разным доменам и по-разному усваиваются человеком. Туриел полагает, что именно моральные требования являются базовым основанием собственно социальных отношений. Кроме того, он указывает на особенность в усвоении конвенциональных правил: в данном случае главную роль играют нормы, предъявляемые авторитетным источником, и есть возможность использовать поощрения или наказания (особенно в процессе воспитания ребенка). Напротив, в постижении моральных правил основная роль принадлежит опыту взаимодействия между людьми, а это обязательно оказывает позитивное или негативное воздействие на человека (причиняет ему страдание, вред или, напротив, доставляет радость и удовольствие). В итоге определение морали Туриела опирается на эмпирическую гипотезу, согласно которой «моральная сфера относится к предписывающим суждениям о справедливости и благополучии, относящимся к тому, как люди должны взаимодействовать друг с другом» [3, с. 109–111].

Результаты научных изысканий Эллиота Туриела, с одной стороны, стали важным достижением в изучении нравственного развития личности, становления ее морального сознания.

С другой стороны, эмпирические результаты исследований и то, как они были интерпретированы, поднимают ряд новых актуальных вопросов для представителей социально-гуманитарного знания и тем самым мотивируют новые исследования в области моральной философии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Прокофьев, А. В. Требование не вредить в психологических концепциях морали (взгляд через призму моральной философии) / А. В. Прокофьев // Вопросы философии. – 2025. – № 4. – С. 68–79.
2. Прокофьев, А. В. Философский анализ психологических концепций морали: на материале психологии морали Эллиота Туриела / А. В. Прокофьев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29, № 4. – С. 1256–1272.

3. Turiel, E. The development of social knowledge. Morality and convention / E. Turiel // Cambridge Studies in Social and Emotional Development / General ed.: Martin L. Hoffman. – Cambridge University Press, 1983. – URL: <https://zlib.pub/book/the-development-of-social-knowledge-morality-convention-10kto0sfn4og> (дата обращения: 18.06.2025).

4. Turiel, E. The Culture of Morality: social development, context and conflict / E. Turiel // Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – URL: <https://reallib.org/reader?file=1190987&pg=> (дата обращения: 27.03.2026).

5. Нарьян, С. К. Факторы обыденного восприятия моральной релевантности социальных норм / С. К. Нарьян // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – № 23 (1). – С. 159–197. – URL: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.1.6> (дата обращения: 23.06.2025).

REFERENCES

1. Prokofiev, A. V. Trebovanie ne vredit v psikhologicheskikh kontseptsyakh morali (vzglyad cherez prizmu moralnoy filosofii) / A. V. Prokofiev // Voprosy filosofii. – 2025. – № 4. – С. 68–79.

2. Prokof'yev, A. V. Filosofskiy analiz psikhologicheskikh kontseptsiy morali: na materiale psikhologii morali Elliota Turiyela / A. V. Prokof'yev // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya. – 2025. – Т. 29, № 4. – С. 1256–1272.

3. Turiel, E. The development of social knowledge. Morality and convention / E. Turiel // Cambridge Studies in Social and Emotional Development / General ed.: Martin L. Hoffman. – Cambridge University Press, 1983. – URL: <https://zlib.pub/book/the-development-of-social-knowledge-morality-convention-10kto0sfn4og> (date of access: 18.06.2025).

4. Turiel, E. The Culture of Morality: social development, context and conflict / E. Turiel // Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – URL: <https://reallib.org/reader?file=1190987&pg=> (date of access: 27.03.2026).

5. Naryan, S. K. Faktory obydennoho vospriyatiya moral'noy relevantnosti sotsial'nykh normov / S. K. Naryan // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. – 2020. – № 23 (1). – С. 159–197. – URL: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.1.6> (data obrashcheniya: 23.06.2025).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 03.03.2026

УДК 141.319(476)

DOI 10.63874/2218-0273-2026-1-17-21

Анна Игоревна Климович*канд. филос. наук, доц. каф. педагогики, психологии и клинического моделирования
Белорусского государственного медицинского университета***Hanna Klimovich***Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Clinical Modelling
of Belarusian State Medical University
e-mail: 3117135@gmail.com*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ СХОЛАСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В АКАДЕМИЧЕСКИХ КУРСАХ ПОЛОЦКИХ НЕОСХОЛАСТОВ

Определена специфика теоретических источников полоцкой неосхоластики и выявлено их влияние на формирование характерных черт этой философской традиции, интерпретируемой как проект модернизации схоластической традиции. В качестве основного материала для анализа были использованы академические философские курсы профессоров Полоцкой иезуитской академии Д. Анджолини и В. Бучиньского, представляющие собой официальную позицию интеллектуального сообщества Полоцкой иезуитской академии. Методология исследования включала контент-анализ и сравнительно-исторический метод для реконструкции и систематизации теоретических источников. Исследование проводилось в рамках системного и диалектического подходов. В результате были выявлены три вектора модернизации схоластической традиции в творчестве полоцких авторов: структурно-методологический, научно-апологетический и идеологический, позволившие провести реновацию схоластической традиции в соответствии с интеллектуальными вызовами эпохи, сохранив ее основополагающий принцип гармонии веры и разума.

Ключевые слова: неосхоластика, полоцкая неосхоластика, Античность, Средневековье, философская эклектика, Просвещение, немецкий идеализм, Полоцкая иезуитская академия, религиозная философия, Д. Анджолини, В. Бучиньский.

Theoretical Sources of Modernization of the Scholastic Paradigm in the Academical Courses of the Polotsk Neoscholastics

The article is devoted to identifying the specificity of the theoretical sources of Polotsk Neo-Scholasticism and determining their influence on the formation of the characteristic features of this philosophical tradition, interpreted as a project of modernization of the Scholastic tradition. The main material for analysis consists of the academic philosophical courses of G. Angiolini and V. Buczyński, professors at the Polotsk Jesuit Academy, which represent the official position of the intellectual community of the Polotsk Jesuit Academy. The research methodology included content analysis and the comparative-historical method for the reconstruction and systematization of theoretical sources. The study was conducted within the framework of systemic and dialectical approaches. As a result, three vectors of modernization of the Scholastic tradition in the work of the Polotsk authors were identified: structural-methodological, scientific-apologetic, and ideological. These vectors made it possible to renovate the Scholastic tradition in accordance with the intellectual challenges of the era while preserving its fundamental principle of the harmony of faith and reason.

Key words: Neo-Scholasticism, Polotsk Neo-Scholasticism, Antiquity, Middle Ages, philosophical eclecticism, Enlightenment, German idealism, Polotsk Jesuit Academy, religious philosophy, G. Angiolini, V. Buczyński.

Введение

Философский ландшафт Полоцка первой половины XIX в. имел ярко выраженную религиозную доминанту, что соответствовало основополагающим мировоззренческим установкам интеллектуального сообщества Полоцкой иезуитской академии, работавшего над созданием специфического комплекса идей, получившего в отечественной истории философской мысли название полоцкой

неосхоластики. Эта традиция является по сути первым вариантом неосхоластической философии, а ее генезис связан со специфической интеллектуальной ситуацией. На общеевропейском пространстве схоластическая традиция была прервана в результате вытеснения ее идеями радикального Просвещения, а затем романтизмом. В Полоцке же сформировалась специфическая институциональная ниша, позволившая сохранить,

а также развитие идеи схоластической философии и переосмыслить их в соответствии с веяниями времени.

Наряду с сохранением основы религиозной философии для полоцкого философского ландшафта было характерно отсутствие светских салонов, выполнявших функцию в конце XVIII – начале XIX в. площадок для интеллектуальных дискуссий; также здесь не нашли широкого распространения идеи Просвещения, равно как и программные установки эклектической философии. Все это, а также политическая лояльность ордена иезуитов к царской власти, сопряженная с поддержкой со стороны монархов, приток образованных иезуитов из закрываемых европейских коллегий, наличие собственного интеллектуального центра – Полоцкой иезуитской академии и привели к формированию и развитию философской традиции полоцкой неосхоластики. Особое значение в процессе ее генезиса имели теоретические источники, использовавшиеся авторами для формирования собственной философской системы. Поэтому целью исследования было выбрано определение специфики теоретических источников полоцкой неосхоластики, а также выявление их влияния на становление ее характерных черт. В качестве материала для анализа были выбраны академические курсы философии профессоров Полоцкой иезуитской академии – Д. Анджелини и В. Бучиньского, а также публицистические материалы из журнала «Полоцкий ежемесячник», издававшегося в академии.

Основная часть

Выбор в качестве источниковой базы реконструкции теоретических источников академических философских курсов полоцких авторов обусловлен тем, что одним из основных каналов передачи и усвоения философских идей в Полоцке была система образования. Академические философские курсы как основа педагогического процесса наиболее полно и объективно содержат официальную позицию представителей изучаемой философской традиции. В них – важнейшие источники, на которые опирались представители полоцкой неосхоластики; в них раскрыты темы, имевшие для авторов устойчивый интерес. В связи с этим реконструкция теоретических источников академиче-

ских философских курсов и выявление специфики их применения обладают безусловной актуальностью.

Хронологически имеющиеся источники представлены тремя основополагающими группами: античное наследие, средневековая схоластика, западноевропейская религиозная философия XVIII в. Объектом критики в произведениях полоцких авторов выступают современные им течения, фундировавшие собственную рефлексию принципами избыточного рационализма, скептицизма, агностицизма и атеизма.

Античное и средневековое наследие выполняло функцию фундаментальной основы философской рефлексии. Идеи этой группы источников использовались для обоснования непреходящего характера схоластической традиции и одновременно для акцентуации связи полоцкого интеллектуального сообщества с этой традицией. Так, Д. Анджелини для обоснования своей философской позиции прибегает к авторитету Аристотеля [1, р. 24], Сенеки [1, р. 101], Фомы Аквинского и Августина Аврелия [1, р. 178, 179, 214]. Точно так же В. Бучиньский обращается к философскому наследию Августина [2, р. 44], Фомы Аквинского [2, р. 99] и Тертуллиана [2, р. 39].

Использование античного и средневекового наследия обеспечивало формально-методологическую преемственность и связь с общезуитской педагогической традицией. Для этой цели служили также программные установки представителя второй схоластики – Ф. Суареса [1, р. 200].

Третье направление, представленное исследованием философской парадигмы XVIII в., представляет наибольший интерес, поскольку в рамках осмысления его философской проблематики формировалась собственная позиция полоцких авторов. В рамках третьего направления содержательно все источники могут быть разбиты на две большие группы. Первая из них – это иезуитская схоластическая эклектика, вторая – контрпросветительская реакция.

Иезуитская схоластическая эклектика представлена в работах полоцких авторов идеями А. Дженовези, С. фон Шторхенау и Р. И. Бошковича.

Антонио Дженовези – философ-иезуит, оказавший значительное влияние на оформление философской позиции полоцких авто-

ров. Д. Анджолини обращается к нему в контексте исследования концепта очевидной истины для последующего обоснования положений религиозной философии [1, р. 74; 3, р. 95] и для решения противоречий, возникающих в процессе доказательства начала мира во времени [1, р. 265266; 4, р. 116].

В. Бучиньский прибегает к использованию его авторитета в дискуссиях, посвященных герменевтике и проблематике толкования, и в целом высоко оценивает вклад итальянского мыслителя в религиозную философию [2, р. 36, 46]. При этом в творчестве полоцких авторов наблюдается стратегия избирательной рецепции: они заимствуют логико-метафизические конструкции Дженовези и полностью игнорируют его социально-экономические идеи.

Следующий представитель эклектической философии, оказавший влияние на мировоззрение полоцких авторов, – Сигизмунд фон Шторхенау. Шторхенау был австрийским философом, фундировавшим собственную рефлексию идеями Руджера Йосипа Бошковича. С. Фон Шторхенау внес значительный вклад в формирование теоретико-методологических оснований философии религии. Его работы высоко ценились и полоцкими авторами. Так, Д. Анджолини рекомендует его учебник для изучения логики развития истории западноевропейской философии [1, р. IV]. Кроме того, он прибегает к идеям С. фон Шторхенау для решения трудных мест метафизики, связанных с соотношением простого (Бог) и сложного (творение) бытия [1, р. 235–236; 5, р. 50, 83].

Контент-анализ также показывает совпадение структуры работ, посвященных логике у Шторхенау и Анджолини [1, р. 4. 23; 5, р. 50, 83]. В. Бучиньский также активно обращался к творческому наследию Шторхенау. Так, полоцкий автор использовал аргументацию Шторхенау для решения ряда теологических вопросов, затрагивающих проблему существования Бога и души [6, р. 218; 7, р. 247–250].

Третий представитель иезуитской схоластической эклектики – сербско-итальянский иезуит Р. Й. Бошкович – был одним из наиболее видных религиозных философов XVIII в., оказавшим значительное влияние на развитие натурфилософии. Д. Анджолини обращается к нему при рассмотрении проблемы протяженности пространства, смеж-

ности его границ [1, с. 232; 8, с. 64]. В частности, его идеи используются при попытке вписать ньютоновские воззрения в архитектуру схоластической метафизики. Также в рамках метафизической проблематики использует идеи Бошковича и В. Бучиньский в контексте защиты принципа достаточного основания, а также при обращении к идеям вольфианства и немецкого трансцендентального идеализма (Фихте, Шеллинг, Гегель) [9, р. 133, 143].

Очевидно, что натурфилософские воззрения Р. Й. Бошковича также выборочно использовались как элемент апологетической стратегии и переинтерпретировались в соответствии с программными установками схоластической традиции.

Целью источников контрпросветительской реакции выступала выработка соответствующей аргументации против скептицизма, деизма, материализма. Отдельным направлением представлена всесторонняя критика трансцендентального идеализма. Эта группа довольно широка: Я. А. Цаллингер, Н.-С. Бержье, У. Дерем, Н. А. Плюше, С. Пуфендорф, Х. Томазий, Т. И. Веренько, Д. С. Гердиль.

Якоб Антон Цаллингер был австрийским философом, стоявшим на ярко выраженных антикантианских позициях. Его двухтомный труд «Исследование философии Канта» [10] активно использовался полоцкими авторами при рассмотрении идей трансцендентального идеализма через призму религиозной философии. В частности, и Д. Анджолини, и В. Бучиньский разделяют позицию Цаллингера, критиковавшего кантовское доказательство существования Бога, ведущее, по мнению всех трех авторов, к пантеизму и атеизму [10, р. 348–349; 1, р. 8; 9, р. 63]. Рецепция идей Цаллингера также является элементом апологетической стратегии, позволившей осуществлять диалог с современной полоцким авторам философской мыслью.

Николя-Сильвестр Бержье был французским теологом-апологетом, который характеризовал себя как «просвещенный антифилософ» [11, р. 710]. Такое самоопределение отнюдь не означало уход от философии вообще, а выражало отношение автора к современному ему французским представителям радикального направления Просвещения. Д. Анджолини активно использует его

«Историко-догматический трактат об истинной религии» [12] для решения ряда сложных вопросов возникновения политеизма, критериев истинности суждений на основе здравого смысла и чувственного восприятия, а также для обоснования принципа креационизма при помощи свидетельства от авторитета [1, р. 107, 114, 130, 256].

В результате перед нами предстает специфическая модель синтеза традиционной схоластики с новейшими философскими достижениями, основными элементами которой выступают целенаправленное выборочное использование современного автору философского инструментария для защиты традиционной догматики, создание системы альтернативной, подчиненной вере рациональности при одновременной интеграции достижений философской мысли в комплекс идей схоластики для демонстрации ее непреходящей актуальности.

Большой интерес для исследователей имеет линия естественной теологии, представленная работами Уильяма Дерема «Теология физики» и Николя-Анри Плюше «Созерцание природы». В. Бучиньский обращается к этому направлению как части просветительской философии для совмещения собственной теоцентрической системы с научными достижениями, показывая тем самым, что научные изыскания необязательно ведут к секуляризации. В качестве идеологических оппонентов он выбирает Мальбранша, Спинозу и Лейбница [1, р. 77].

Отдельным блоком выделяется социально-правовой вектор полоцкой неосхоластики, фундированный идеями Самуэля Пуфендорфа, Христиана Томазия, Тадеуша Веренько, Джакомо Саверио Гердила. В. Бучиньский анализирует предлагаемые просветителями теории общественного договора и вступает на страницах собственного академического курса с ними в полемику. Он критикует С. Пуфендорфа за идею «социального инстинкта», представляющего собой, по убеждению Пуфендорфа, основу общества, и предлагает альтернативу в виде концепции врожденных обязанностей человека перед собой, семьей, обществом и Богом [6, р. 86–86] и продолжает развивать идеи, предложенные Т. И. Веренько [13, р. 103].

Объектом критики становятся и основанные на рационалистическом подходе к праву идеи Х. Томазия [6, с. 88]. В проти-

вовес им В. Бучиньский обращается к Гердилю, предлагающему ориентироваться на концепт «внутренней доброты» (беневоленции), или «справедливости из милосердия», корнящейся в религиозном воспитании. Это позволило Бучиньскому рассматривать духовно-нравственное развитие личности как основу общественного порядка и как оппозицию рациональному договору, предлагаемому просветителями.

Таким образом, анализ показывает, что формирование полоцкой неосхоластики правомерно рассматривать как целенаправленный проект обращения к консервативным программным установкам, имевший основными задачами переосмысление интеллектуальных вызовов эпохи (радикальное Просвещение, немецкий идеализм, научные достижения современности) и обоснование дальнейшего присутствия идей религиозной философии в качестве полноправного элемента философского проблемного поля. Каждая из перечисленных выше групп источников в этом проекте выполняла собственную функцию. По нашему мнению, в рамках проекта могут быть выделены три основные вектора модернизации схоластической традиции: структурно-методологическая модернизация, научно-апологетическое обоснование схоластической парадигмы, а также идеологическая защита и формирование контрнарратива.

Вектор структурно-методологической модернизации был ответственен за обновление педагогического инструментария, логического аппарата и повышения конкурентоспособности схоластической традиции. Для этого использовались работы А. Дженовези. Структурный анализ курсов Анджелини и Бучиньского показал их принадлежность к подтипу учебных курсов, который распространился в Италии благодаря именно А. Дженовези (логика – метафизика – этика) [14, р. 250]. Полоцкие авторы ушли от формальных канонов «второй схоластики», выделявших отдельной частью физику. Интеграция ее в метафизику позволила сделать раздел метафизики более наукообразным, что было необходимо для дальнейшей возможности существования метафизики в академических планах в качестве учебной дисциплины.

Второй вектор отвечал за возможность включения в религиозную философию

на основе принципа гармонии веры и разума научных и натурфилософских концепций с целью показать, что научные знания не противоречат, а, напротив, подтверждают религиозные истины. В качестве теоретических источников здесь выступают, как это было показано выше, работы Р. Й. Бошковича, У. Дерема и Н. Плюше.

Вектор идеологической защиты был построен на основе всесторонней апологетической стратегии, затрагивающей логику, метафизику и социально-политическую мысль. Он был направлен против панрационализма, скептицизма и агностицизма и представлен антикантiansкой полемикой и теориями, альтернативными идеям общественного договора.

Заключение

Формирование философской традиции полочкой неосхоластики представляло собой проект, имевший целью модерниза-

цию схоластической парадигмы в соответствии с вызовами новой эпохи при сохранении ее внутреннего единства на основе томистского принципа гармонии веры и разума. Важным элементом этого проекта были использовавшиеся теоретические источники, интегрированные в академические философские курсы в соответствии с обозначенной выше целью. Также в рамках проекта, на наш взгляд, представляется возможным выделить структурно-методологический, научно-апологетический и идеологический векторы модернизации. В результате в рамках полочкой неосхоластики была сформирована собственная модель рациональности, фундированная томистскими идеями. Изучение ее теоретических источников позволило также выделить специфические механизмы адаптации религиозного мировоззрения к новым вызовам, рождающимся в эпохи социальной турбулентности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ (REFERENCES)

1. Angiolini, G. *Instutiones Philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis* / G. Angiolini. – Polock, 1819. – 310 p.
2. Buczyński, V. *Instutiones philosophicae, pars prima continens logicam* / V. Buczyński. – Viennae, 1843. – 159 p.
3. Genuensis, A. *Institutiones logicae in usum tironum scriptae* / A. Genuensis. – Neapoli, 1720. – 235 p.
4. Genuensis, A. *Disciplinarum metaphysicarum elementa mathematicum in morem adornata* / A. Genuensis. – Remondini, 1779. – 447 p.
5. Storchenau von, S. *Instutiones logicae* / S. von Storchenau. – Venetiis : Rossi, 1794. – 307 p.
6. Buczyński, V. *Instutiones philosophicae, pars tertia continens ethicam* / V. Buczyński. – Viennae, 1844. – 206 p.
7. Storchenau von, S. *Instutiones metaphysicae* / S. von Storchenau. – Vien : Trattner, 1772. – 421 p.
8. Boscovich, R. J. *Theoria philosophiae naturalis redacta ad uncam legem virium in natura existentium* / R. J. Boscovich. – Chicago ; London : Open Court Publishing Company, 1922. – 470 p.
9. Buczyński, V. *Instutiones philosophicae, pars secunda continens metaphysicam* / V. Buczyński. – Viennae, 1844. – 302 p.
10. Zallinger, J. A. *Disquisitiones philosophiae Kantianae Lib. 1* / J. A. Zallinger. – Wien : Augustae Vindelicorum, 1799. – 432 p.
11. Butterwick-Pawlikowski, R. *Enlightenment and Catholicism in Europe: A Transnational History* / R. Butterwick-Pawlikowski // *Journal of Jesuit studies*. – 2016. – Nr 3. – P. 679–761.
12. Bergier, N. S. *Traité historique et dogmatique de la vraie religion, avec la réfutation des erreurs qui lui ont été opposées dans les différens siecles* / N. S. Bergier. – Paris, 1786. – Vol. 2. – 690 p.
13. Werenko, T. *Jus naturae et gentium commoda auditoribus method explanatum* / T. Werenko. – Venetius : Niccolaum Pezzana, 1767. – 719 p.
14. Schmutz, J. *Medieval philosophy after medieval ages* / J. Schmutz // *The Oxford handbook of medieval philosophy*. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – P. 245–266.

Елена Анатольевна Лагуновская

канд. филос. наук, доц., доц. каф. всеобщей истории и политологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Alena Lahunouskaya

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General History and Political Science
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: helenlaguna@yandex.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ БРЕСТСКОГО РЕГИОНА О РОЛИ ОБРАЗОВАНИЯ В ТРАНСЛЯЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Проводится социально-философский анализ роли системы образования в трансляции религиозных ценностей в условиях секуляризованного общества. На основе эмпирических данных социологического опроса выявляется структурная репрезентация запросов молодежи к институту образования в зависимости от конфессиональной принадлежности респондентов (на примере Брестского региона) в контексте реализации права на свободу совести. Особое внимание уделяется исследованию противоречия между принципом светского образования и позицией большей части молодежи о необходимости информирования о ценностях мировых религий. Обосновывается необходимость формирования способностей культурно-религиоведческой компетентности и ценностно-смысловой рефлексии молодежи как условий гармоничного сосуществования различных мировоззренческих групп в светском государстве.

Ключевые слова: религиозные ценности, ценностное сознание, ценностные ориентации, идентичность, секуляризация, светское государство, свобода совести, молодежь, мировоззрение.

Brest Region Youth's Perceptions of the Role of Education in the Transmission of Religious Values: a Social and Philosophical Analysis

This article provides a socio-philosophical analysis of the role of the education system in the transmission of religious values in a secularized society. Based on empirical survey data, the structural representation of young people's needs for education is identified based on the respondents' religious affiliation (using the Brest region as an example) in the context of realizing the right to freedom of conscience. Particular attention is paid to exploring the contradiction between the principle of secular education and the position of the majority of young people regarding the need to be informed about the values of world religions. The need to develop cultural and religious competence and value-semantic reflection in young people is substantiated as a prerequisite for the harmonious coexistence of various ideological groups in a secular state.

Key words: religious values, value consciousness, value orientations, identity, secularization, secular state, freedom of conscience, youth, worldview.

Введение

Проблема институциональной трансляции религиозных ценностей является актуальной для социальной философии в связи с одновременным протеканием в современном мире процессов секуляризации и ренессанса религиозности, требующих научного осмысления.

В условиях современной цивилизации образование как один из главных социальных институтов оказывается в центре противостояния, взаимодействия и конкуренции светских и религиозных мировоззренческих парадигм.

В Республике Беларусь реализуются принципы светскости и свободы совести, поэтому особенно важным видится исследование возможностей реагирования системы образования на запрос к нему части общества о необходимости информирования о традиционных духовно-нравственных ценностях, в том числе и религиозных.

Взаимодействие образования и религии как социальных институтов имеет междисциплинарный характер и является объектом изучения социальной философии, социологии религии, педагогики, религиоведения и культурологии.

Первое направление исследования данной темы в современной науке представлено теоретическими разработками западных ученых, посвященными месту и роли религии в секулярном обществе (П. Бергер, Х. Казанова, Э. Мендета, Ю. Хабермас и др.) [1–4].

Второе направление составляют исследования Л. Е. Землякова, Т. В. Лисовской, В. В. Старостенко, Н. Н. Сухотского, С. Г. Карасевой, Е. В. Шкуровой, Н. С. Щечкина и др., посвященные социальным и политическим аспектам исторической эволюции и современного состояния взаимодействия институтов образования и религии в Беларуси [5–10].

Вопросы сотрудничества институтов образования и религии в области духовно-нравственного воспитания молодого поколения исследуются Е. М. Бабосовым, И. В. Котляровым и др. [11; 12]. В работах А. И. Осипова и О. В. Дьяченко акцентируется внимание на потенциальных рисках, связанных с внедрением религиозных знаний в систему образования [13; 14].

Кафедра всеобщей истории и политологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина на протяжении последних пяти лет проводит исследования ценностных ориентаций молодежи Брестского региона, влияния социокультурных условий и факторов на формирование отношения молодежи к религии и ее ценностям [15; 16]. В октябре 2022 г. было проведено социологическое исследование «Конфессиональные ценности в сознании современной белорусской молодежи» (на примере Брестского региона), эмпирическим объектом которого стала молодежь в возрасте от 16 до 31 года в количестве 300 человек, проживающих в Бресте и городах Брестской области, а также в сельской местности. Однако социально-философский анализ полученных результатов социологического опроса, выявляющий особенности представлений молодежи Брестчины о роли образования в трансляции религиозных ценностей в зависимости от конфессиональной принадлежности респондентов, до настоящего времени не проводился, что и составляет научную актуальность проблемы.

В Брестском регионе представлено исторически сложившееся конфессиональное многообразие (православие, католицизм,

протестантизм, иудаизм) и высокая степень религиозной самоидентификации молодежи: 88,5 % молодых людей принадлежат к христианским конфессиям: 64,2 % – православные, 8,6 % – католики, 15,7 % – протестанты; 10,4 % опрошенных конфессиональную принадлежность не определили [16, с. 121].

Респондентам были заданы вопросы: «Считаете ли Вы необходимым знакомство с религиозными ценностями как частью мировой культуры на общеобязательных предметах в школах, ссузах, вузах?» и «Считаете ли Вы необходимым введение специальных курсов по информированию о ценностях мировых религий (христианство, ислам, буддизм) в школах, ссузах, вузах?». Значительный разброс мнений относительно форм и степени включения знаний о религиозных ценностях в образование (сторонники знакомства с религиозными ценностями на обязательных предметах – 49,2 %, приверженцы факультативности – 52,6 %, категорические противники – 19,8 %) свидетельствует о наличии сложной структуры в представлениях молодежи Брестского региона, требующей теоретического осмысления.

Цель статьи – провести социально-философский анализ представлений молодежи Брестского региона о роли образования в трансляции ценностей мировых религий и на этой основе выявить особенности взаимодействия мировоззренческих установок с институциональными ожиданиями в зависимости от конфессиональной принадлежности респондентов.

Основная часть

В условиях современной цивилизации образование выступает как сложноорганизованный социальный институт, выполняющий функции воспроизводства культурного кода, социализации индивидов и легитимации определенных ценностных систем.

В контексте социально-философского анализа принципиальное значение имеет понимание двойственной природы образования: с одной стороны, оно выступает компонентом светского государства, реализующим свободу совести и транслирующим научно-рациональную картину мира, с другой стороны, оно призвано решать задачи духовно-нравственного воспитания личности.

И именно в сфере духовно-нравственного воспитания институтом религии накоплен многовековой опыт.

Правовой основой взаимодействия образования и религии в Республике Беларусь является светский характер обучения, закрепленный в законодательстве. Однако светский характер обучения не предполагает полное исключение ознакомления с религиозными ценностями как частью мировой культуры из образовательных практик.

С учетом кризисных процессов в духовной сфере жизнедеятельности общества, отмечаемых в современных социально-философских исследованиях, актуализируется потребность в осмыслении морального и созидательного потенциала традиционных ценностей, и в первую очередь – ценностей христианства, являющихся фундаментом национальной культуры белорусского народа. Образование в этой связи призвано транслировать знания о религии как о древнейшей форме культуры, играющей важную роль в духовной жизни общества, что не нарушает ни прав атеистов, ни прав верующих.

Данные социологического опроса молодежи Брестской области свидетельствуют о неоднозначном и дифференцированном отношении к включению религиозного компонента в образование. Почти половина респондентов (49,2 %) считают необходимым знакомство с религиозными ценностями как частью мировой культуры в рамках общеобязательных предметов; противоположную позицию занимает 21,6 %, а 28 % затруднились с ответом, что говорит о несформированности определенного мнения у значительной части молодежи и открытости вопроса для дальнейшего обсуждения.

Для социально-философского анализа многовекторной структурной репрезентации запросов молодежи к институту образования представляется эвристичным обращение к концептуальной дихотомии Ю. Хабермаса – «система» и «жизненный мир».

Согласно немецкому философу, в современных обществах происходит «колонизация жизненного мира системой», т. е. вторжение инструментальной рациональности в сферу межличностных коммуникаций и смыслообразования.

В условиях светского государства образование функционирует как «система» по

логике институционального воспроизводства и транслирует отношение к религии как к одному из объектов изучения наряду с другими феноменами мирового культурного наследия. Однако образование как часть «жизненного мира» включено в сферу личностных смыслов, ценностей и идентичностей. Поэтому у верующей части общества существует запрос к образованию о формировании духовно-нравственных ценностных оснований личности. Большая часть молодых респондентов (67,2 %) верят в Бога, в сверхъестественные силы – 3,7 %, каждый пятый (20,1 %) не смог однозначно определить своего отношения к вере, а 8,6 % указали, что не являются верующими, не ответили на вопрос 0,4 % опрошенных [16, с. 121]. Следовательно, эмпирически фиксируемая многовекторная позиция в ответах молодежи обусловлена противоречием между системной логикой института и экзистенциальными запросами жизненного мира.

Однако наиболее показательной является дифференциация мнений молодежи в зависимости от конфессиональной принадлежности, требующая философской интерпретации. Идею знакомства с ценностями мировых религий на общеобязательных предметах поддержали 66,7 % протестантов и 52,9 % православных, тогда как среди католиков этот показатель составил 21,7 %, а среди респондентов, не имеющих конфессиональной принадлежности, – 28,5 %.

Относительно введения специальных курсов о ценностях мировых религий как обязательных высказались за только 8,6 %, более половины опрошенных поддержали их исключительно как курсы по выбору (52,2 %), а 19,8 % выступили категорически против них. По конфессиональному признаку сторонники факультативности преобладают среди протестантов (61,9 %) и православных (55,2 %). Среди молодежи, не имеющей религиозной принадлежности, и выступающей мировоззренческим меньшинством, поддерживают такие курсы как обязательные 7,1 %, как курсы по выбору – 39,3 %, а выступают противниками – более половины (53,6 %).

Данные показатели можно рассматривать как наличие негласного общественного консенсуса относительно факультативной формы как компромисса между различными

мировоззренческими позициями, наиболее соответствующего принципу светского образования.

Анализ ценностных ориентаций показывает, что для респондентов, имеющих конфессиональную принадлежность, наиболее значимыми ценностями являются семья, счастье, здоровье и любовь. Иерархию ценностей молодых людей, не имеющих конфессиональной принадлежности, возглавляют интеллектуальные способности, независимость и самостоятельность, самореализация, здоровье.

Такое различие свидетельствует о разных аксиологических матрицах: для первой группы характерна ориентация на ценности, опосредованные межличностными отношениями и имеющие экзистенциальный смысл, для второй – на ценности индивидуального достижения и автономии. Это свидетельствует о корреляции конфессиональной идентичности с определенным типом ценностного сознания и отношения.

Эти исследования указывают на дихотомию «системы» и «жизненного мира» в образовательном пространстве: 52,6 % опрошенных поддерживают факультативные курсы, в то время как 8,6 % считают, что они должны быть обязательными.

С учетом высокого уровня приоритетности факультативного изучения среди протестантов и православных, можно сделать вывод о принятии данными группами молодежи именно «системной» логики: религия признается важным компонентом культурного наследия, доступ к которому должен быть обеспечен, но выбор его характера остается за индивидом. В то же время запрос на «знакомство с религиозными ценностями на общеобязательных предметах» (49,2 % в целом и около 60 % среди верующих) исходит из логики «жизненного мира». Для верующего человека, декларирующего свою конфессиональную принадлежность, духовно-нравственные религиозные ценности не могут быть просто объектом изучения.

Исходя из логики «жизненного мира», полученные знания в дальнейшем осмысливаются и усваиваются как духовное основание бытия, интериоризируются во внутреннюю структуру личности.

Образование как часть жизненного мира сталкивается, таким образом, с

запросом на формирование ценностей как духовно-нравственных ориентиров с учетом наследия и опыта ценностей мировых религий. Однако этот запрос может вступить в конфликт интересов с атеистической и агностической частями современного общества в связи с их опасением возможного навязывания религиозных ценностей.

В этой коллизии целесообразным вектором развития системы образования представляется, с одной стороны, передача знаний о религии как феномене мировой культуры, а с другой – тактичное реагирование на экзистенциальный запрос части общества на информирование о духовно-нравственных религиозных ценностях как части общечеловеческого гуманистического опыта в контексте соблюдения прав другой, атеистической или агностической его части.

Светский характер образования в этих условиях предстает как институциональный механизм, обеспечивающий легитимное сосуществование различных мировоззренческих позиций.

На основании проведенного социально-философского анализа предлагается следующая типология представлений молодежи о роли образования в трансляции религиозных ценностей в зависимости от конфессиональной принадлежности или ее отсутствия (на примере представлений молодежи Брестского региона):

1. *Эксплицитно-миссионерский тип* наиболее выражен у протестантской молодежи. Высокие показатели поддержки необходимости изучения ценностей мировых религий как в обязательной (66,7 %), так и в факультативной (61,9 %) форме при минимальном отказе от их изучения (9,5 %) свидетельствуют о позиции, предполагающей активную трансляцию знаний о религии и ее ценностях. При таком восприятии конфессиональная идентичность, основанная на личном выборе, не замыкается в приватной сфере, а стремится к экспликации и заявлению о своей позиции в публичном дискурсе. Светское образование рассматривается как легитимное и эффективное пространство для информирования о религиозных ценностях, нацеленного на просвещение и нравственное воспитание, что не исключает, однако, и планов на возможную прозелитическую деятельность.

2. *Культурно-трансляционный тип* характерен для православных респондентов. Умеренно-высокий уровень поддержки обоих форматов (52,9 и 55,2 %) указывает на восприятие религии и ее ценностей как неотъемлемой части морального фонда, исторического и культурного наследия белорусского народа. Значимость изучения религиозных ценностей на общеобязательных предметах в школах, ссузах, вузах видится в передаче этого фонда следующим поколениям, в сохранении и укреплении культурной и национальной идентичности в условиях современной цивилизации. В этом типе восприятия религиозные ценности, принципы и нормы исторически доминирующей в стране конфессии, передающиеся из поколения в поколение, понимаются как основа традиции, транслируемой через систему образования как в обязательном, так и в факультативном формате.

3. *Институционально-автономный тип* восприятия представляет молодежь католического вероисповедания. Знакомство с религиозными ценностями как частью мировой культуры на общеобязательных предметах либо факультативно в школах, ссузах, вузах для приверженцев католицизма не является актуальным, что говорит об эффективности осуществляемой работы по информированию о ценностях своей конфессии Католической церковью и показывает, насколько доступно и приоритетно доносится информация и транслируются ценности. Низкая поддержка образовательных инициатив (21,7 и 26,1 %) при доминировании отрицательного отношения (34,8 %) и рекордной доле затруднившихся ответить (43,5 %) отражает установку на строгое разграничение сфер компетенции институтов образования и церкви. Трансляция знаний о религиозных ценностях понимается прежде всего как направление деятельности Католической церкви с ее развитой системой катехизации. Светское образование воспринимается как потенциально некомпетентное или не соответствующее пространство для решения задачи ознакомления с религиозными ценностями, что порождает либо скептицизм, либо стремление сохранить независимость религиозной социализации от государства.

4. *Секулярно-индивидуалистический тип* преобладает среди молодежи, не идентифицирующей себя с какой-либо конфессией. Преобладание отрицательного отношения к любым формам информирования о религии и ее ценностях через систему образования отражает осознанную секулярную позицию (против – 53,6 %). В таком типе восприятия знакомство с религиозными ценностями понимается как личное дело каждого индивида, что соответствует принципу свободы совести. Формирование религиозной грамотности в системе образования, финансируемой государством, рассматривается как нарушение принципа светскости и потенциальная угроза для личного экзистенциального выбора в условиях реализации права на свободу совести.

Логика данного типа предполагает строго нейтральный характер образования, а процесс ценностного самоопределения как независимый от внешних условий и факторов выбор.

Такая типология демонстрирует фундаментальные различия в понимании роли религии в обществе и функций образования в трансляции ее ценностей в зависимости от конфессиональной принадлежности или ее отсутствия.

Эти различия имеют мировоззренческий характер и должны учитываться при разработке образовательной политики. Система образования должна обеспечивать легитимное сосуществование и диалог представителей всех этих позиций.

При этом необходимо принять во внимание имеющееся в научном дискурсе мнение исследователей о том, что наиболее распространенной причиной конфликтов в конфессиональной сфере является отсутствие религиозной грамотности.

В целях предотвращения вызовов и угроз в конфессиональной сфере представляется целесообразным смещение акцента от «трансляции ценностей» к развитию культурно-религиоведческой компетентности в процессе формирования религиозной грамотности. Прямая трансляция религиозных ценностей со стороны государства и его органов в плюралистическом обществе может вызвать отторжение и быть воспринята как идеологическое давление у части населения. Оптимизации, систематизации и

целенаправленности процесса формирования религиозной грамотности будет способствовать развитие у молодежи двух взаимосвязанных способностей.

Во-первых, культурно-религиоведческой компетентности – способности воспринимать религию как сложный социокультурный феномен, знать основы традиционных вероучений, понимать их роль в истории и культуре, отличать конструктивные индивидуальные и социальные практики от деструктивных.

Во-вторых, ценностно-смысловой рефлексии – способности к самостоятельному осмыслению универсальных моральных категорий (добра, справедливости, долга, любви, милосердия, совести, ответственности), которые разработаны как в религиозных этических системах, так и в светской гуманистической традиции.

Такой подход, реализуемый через качественное преподавание в учреждениях общего среднего образования факультативного курса «Основы духовно-нравственной культуры и патриотизма» и интеграцию представлений о гуманистических ценностях мировых религий как части общечеловеческого культурного опыта в гуманитарные дисциплины (историю, литературу, обществоведение), в полной мере соответствует принципу светского государства.

Для повышения эффективности идейно-нравственной работы с молодежью и формирования всесторонне развитой личности необходима дальнейшая разработка научно-методического сопровождения курса для старших классов и высшей школы, а также проведение социологических исследований на республиканском уровне, что позволит сформировать целостный учебно-методический комплекс, обеспечивающий преемственность в формировании ценностных ориентаций молодежи от средней школы к высшей.

Заключение

Проведенный социально-философский анализ представлений молодежи Брестского региона о роли образования в трансляции ценностей мировых религий позволяет сделать ряд теоретических и практических выводов.

1. Эмпирически подтверждено, что образование функционирует как сложный институт, в котором пересекаются и конкурируют различные мировоззренческие позиции. Выявленная дифференциация мнений в зависимости от конфессиональной принадлежности свидетельствует о том, что религиозная идентичность выступает значимым фактором, формирующим специфические ожидания от системы образования. Предложенная типология представлений молодежи о роли образования в трансляции религиозных ценностей (эксплицитно-миссионерская, культурно-трансляционная, институционально-автономная и секулярно-индивидуалистическая позиции) позволяет концептуализировать эти различия как проявление устойчивых структур ценностного сознания и отношения.

2. Интерпретация полученных социологических данных на основе концепции Ю. Хабермаса выявила противоречие между системной логикой светского образования, требующей нейтральной репрезентации темы религии, и логикой жизненного мира верующих, предполагающей эмоциональную вовлеченность в нее, формирование духовно-нравственных ценностных ориентаций, и, в конечном итоге, интериоризацию религиозных ценностей. Образование на рациональной основе способно сохранять баланс между этими полюсами, поэтому факультативное изучение религии и ее ценностей является эмпирически обоснованным и социально приемлемым механизмом снятия этого противоречия.

3. Исследование показало, что трансляция конфессиональных ценностей в светском образовании не может и не должна осуществляться в форме прямой индоктринации. Наиболее адекватной стратегией представляется формирование культурно-религиоведческой компетентности и развитие способности к ценностно-смысловой рефлексии. Такой подход в условиях реализации свободы совести позволит молодому человеку не только получить знания о ценностях мировых религий как части культурного наследия, но и сформировать собственную осознанную позицию по экзистенциальным вопросам.

Итак, социально-философский анализ представлений молодежи о роли

образования в трансляции ценностей мировых религий подтверждает, что образование в современном белорусском обществе, транслируя религиозные ценности как образцы и идеалы, представленные в мировой и национальной культуре, призвано создавать условия для диалога представителей различных мировоззренческих позиций, способствуя формированию рефлексивной, толерантной и всесторонне развитой личности, способной к ответственному выбору в

сложном, мультикультурном, поликонфессиональном и плюралистичном мире. Перспективы дальнейших исследований связаны с проведением сравнительного анализа динамики ориентаций молодежи различных регионов Беларуси по вопросу репрезентации религиозных ценностей в структуре образования, а также разработки конкретных педагогических методик, реализующих в условиях светского государства принцип религиозной грамотности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бергер, П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / П. Бергер ; пер. с англ. Р. Сафронова. – М. : Новое лит. обозрение, 2019. – 208 с.
2. Казанова, Х. Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы / Х. Казанова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razмышlyaya-o-postsekulyarnom-tri-znacheniya-sekulyarnogo-i-tri-vozmozhnosti-vyhoda-za-ego-predely> (дата обращения: 19.03.2026).
3. Mendieta, E. Rationalization, modernity and secularization / E. Mendieta. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315711461-15/rationalization-modernity-secularization-eduardo-mendieta> (дата обращения: 9.03.2026).
4. Хабермас, Ю. Между натурализмом и религией: философские статьи. Христианская философия и пантеизм / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2011. – 331 с.
5. Лисовская, Т. В. Смена парадигмы государственно-конфессиональных отношений в Беларуси в XX в. / Т. В. Лисовская // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2024. – № 1. – С. 31–48.
6. Старостенко, В. В. Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории / В. В. Старостенко. – Могилев : Изд-во Могилев. гос. ун-та, 2011. – 272 с.
7. Сухотский, Н. Н. Историко-социологический аспект взаимоотношений институтов образования и религии в Беларуси в XX веке / Н. Н. Сухотский // Вестник Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2024. – № 1. – С. 131–139.
8. Карасева, С. Г. Знания о религии в школах Беларуси: состояние и перспективы / С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова. – Мн. : Изд. центр БГУ, 2015. – 63 с.
9. Шкурова, Е. В. Кросс-конфессиональный подход к социологическому исследованию религиозности населения Беларуси : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.01 / Шкурова Елена Валерьевна. – Мн., 2023. – 22 с.
10. Щекин, Н. С. Социально-политические особенности светского и религиозного образования в Республике Беларусь / Н. С. Щекин, Л. Е. Земляков // Проблемы управления. – 2009. – № 4. – С. 80–89.
11. Бабосов, Е. М. Сорботничество религии и образования в духовном возвышении человека / Е. М. Бабосов // Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы : материалы междунар науч. конф., Минск, 27–28 мая 2014 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии НАН Беларуси. – Ми. : Право и экономика, 2014. – С. 28–32.
12. Котляров, И. В. Формирование христианских ценностей в современных условиях / И. В. Котляров // Весті БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2025. – № 2. – С. 97–100.
13. Осипов, А. И. Духовность. Традиция. Патриотизм / А. И. Осипов. – Мн. : Молодеж. науч. о-во, 2001. – 99 с.
14. Дьяченко, О. В. Религиоведческий компонент общего среднего образования Республики Беларусь / О. В. Дьяченко // Психолого-педагогическое образование в системе высшей

школы – 2 : сб. науч. ст. Респ. науч.-практ. конф., Могилев, 18 марта 2014 г. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2014. – С. 43–48.

15. Скакун, Е. В. Религиозные ценности в структуре образования белорусской молодежи / Е. В. Скакун // Молодежь. Духовность. Отечество: православие и культура : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. в рамках епархиал. этапа XXXII Междунар. Рождеств. образоват. чтений / Под ред. Н. П. Яловой (гл. ред.), Л. Ю. Малыхиной, О. П. Бурко. – Брест : Изд-во БрГТУ, 2023. – С. 118–121.

16. Лагуновская, Е. А. Место и роль семьи в формировании у молодежи представлений о ценностях христианских конфессий / Е. А. Лагуновская, Е. В. Скакун // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 120–129.

REFERENCES

1. Berger, P. Svyashchennaya zavesa. Elementy sociologicheskoy teorii religii / P. Berger ; per. s angl. R. Safronova. – M.: Novoe lit. obozrenie, 2019. – 208 s.

2. Kazanova, Kh. Razmyshlyaya o postsekulyarnom: tri znacheniya «sekulyarnogo» i tri vozmozhnosti vyhoda za ego predely / Kh. Kazanova. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshlyaya-o-postsekulyarnom-tri-znacheniya-sekulyarnogo-i-tri-vozmozhnosti-vyhoda-za-ego-predely> (data obrashcheniya: 19.03.2026).

3. Mendieta, E. Rationalization, modernity and secularization / E. Mendieta. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315711461-15/rationalization-modernity-secularization-eduardo-mendieta> (data obrashcheniya: 9.03.2026).

4. Khabermas, Yu. Mezhdunarodnyy aspekt razvitiya religii: filosofskie stat'i. Khristianskaya filosofiya i panteizm / Yu. Khabermas. – M. : Ves' Mir, 2011. – 331 s.

5. Lisovskaya, T. V. Smena paradigmy gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenij v Belarusi v XX v. / T. V. Lisovskaya // Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2024. – № 1. – С. 31–48.

6. Starostenko, V. V. Religiya i svoboda sovesti v Belarusi: ocherki istorii / V. V. Starostenko. – Mogilev : Izd-vo Mogilev. gos. un-ta, 2011. – 272 s.

7. Suhotskii, N. N. Istoriko-sociologicheskij aspekt vzaimootnoshenij institutov obrazovaniya i religii v Belarusi v XX veke / N. N. Suhotskii // Vestnik Bresckaga universiteta. Seryya 1, Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. 2014. – № 1. – С. 131–139.

8. Karasyova, S. G. Znaniya o religii v shkolakh Belarusi: sostoyanie i perspektivy / S. G. Karasyova, Ye. V. Shkurova. – Mn. : Izd. centr BGU, 2015. – 63 s.

9. Shkurova, Ye. V. Kross-konfessional'nyj podkhod k sotsiologicheskomu issledovaniyu religioznosti naseleniya Belarusi : avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk : 22.00.01 / Shkurova Yelena Valer'evna. – Mn., 2023. – 22 s.

10. Shchekin, N. S. Sotsial'no-politicheskie osobennosti svetskogo i religioznogo obrazovaniya v Respublike Belarus' / N. S. Shchekin, L. E. Zemlyakov // Problemy upravleniya. – 2009. – № 4. – С. 80–89.

11. Babosov, Ye. M. Sorabotnichestvo religii i obrazovaniya v dukhovnom vozvyshenii cheloveka / Ye. M. Babosov // Religiya i obrazovanie v svetskikh obshchestvakh: opyt, problemy, perspektivy : materialy mezhdunar. nauch. konf., Minsk, 27–28 maya 2014 g. / Nats. akad. nauk Belarusi, In-t filosofii NAN Belarusi. – Mn. : Pravo i ekonomika, 2014. – С. 28–32.

12. Kotlyarov, I. V. Formirovanie khristianskikh tsennostej v sovremennykh usloviyakh / I. V. Kotlyarov // Vesci BDPU. Seryya 2, Gistoryya. Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekonomika. Kul'turalogiya. – 2025. – № 2. – С. 97–100.

13. Osipov, A. I. Dukhovnost'. Traditsiya. Patriotizm / A. I. Osipov. – Mn. : Molodezh. nauch. o-vo, 2001. – 99 s.

14. D'yachenko, O. V. Religiovedcheskij komponent obshchego srednego obrazovaniya Respubliki Belarus' / O. V. D'yachenko // Psikhologo-pedagogicheskoe obrazovanie v sisteme vysshej shkoly – 2 : sb. nauch. st. Rесп. nauch.-prakt. konf., Mogilev, 18 marta 2014 g. – Mogilev : MGU im. A. A. Kuleshova, 2014. – С. 43–48.

15. Skakun, Ye. V. Religioznye tsennosti glazami molodezhi Brestskogo regiona / Ye. V. Skakun // Khristianskie tsennosti i voprosy natsional'noj bezopasnosti : sb. nauch. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / M-vo obrazovaniya Resp. Belarus', Brest. gos. tekhn. un-t ; redkol.: L. Yu. Malykhina (gl. red.), V. N. Varich, N. N. Kovaleva, O. P. Burko. – Brest : BrGTU, 2024. – S. 147–153.

16. Lagunovskaya, Ye. A. Mesto i rol' sem'i v formirovanii u molodezhi predstavlenij o tsennostyakh khristianskikh konfessij / Ye. A. Lagunovskaya, Ye. V. Skakun // Vesnik Grodzenskaga dzyarzhavnaga universiteta imya Yanki Kupaly. – 2024. – T. 14, № 1. – S. 120–129.

Рукапіс надрукаваны ў рэдакцыю 31.03.2026

УДК 172.12: 004.8

DOI 10.63874/2218-0273-2026-1-31-38

Полина Сергеевна Навицкая*аспирант 1-го обучения отдела истории философии**Института философии Национальной академии наук Беларуси***Polina Navitskaya***1-st Year Postgraduate Student of the Department of History of Philosophy**of the Institute of Philosophy of National Academy of Sciences of Belarus**e-mail: polina.navitskaya@mail.ru*

ВОЗМОЖНОСТИ ЭТИЧЕСКОГО И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ОБЗОР НАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТОВ)

Выявлены возможности этического и правового регулирования ИИ на основании рассмотренных национальных и международных документов. Исследовано этическое сопровождение ИИ, изучен опыт белорусских ученых. Определена специфика правового регулирования ИИ. Раскрыта вариативность определения правового статуса ИИ. Гибридный подход, включающий как этические принципы, так и правовые нормы, сформулирован как наиболее эффективный и оптимальный в регулировании и сопровождении ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта, этика, био-медицинская этика, правовое регулирование.

The Possibilities of Ethical and Legal Regulation of Artificial Intelligence (Review of National and International Documents)

The possibilities of ethical and legal regulation of AI are revealed (based on national and international documents). The ethical support of AI is investigated, including the experience of Belarusian scientists. The specifics of legal regulation of AI have been determined. The variability of the definition of the legal status of AI is revealed. The hybrid approach, which includes both ethical principles and legal norms, is formulated as the most effective and optimal in regulating and supporting AI.

Key words: artificial intelligence, artificial intelligence technologies, ethics, biomedical ethics, legal regulation.

Введение

Искусственный интеллект (далее – ИИ) активно внедряется и используется во многих теоретических и практических областях жизнедеятельности и творчества человека. ИИ является инновационным компонентом в совершенствовании всех сфер социального обслуживания, политики, экономики и науки. Но, несмотря на наличие весомых преимуществ и прогнозирование дальнейших успехов, как разработчики, так и пользователи сталкиваются с рядом социальных, правовых и этических проблем внедрения и использования технологий ИИ.

В настоящее время идет активное обсуждение этико-правовых документов, регулирующих использование ИИ.

Вопрос о способах такого регулирования не теряет своей актуальности, потому что

что возможности инструментов ИИ также стремительно развиваются.

Цель настоящей статьи – выявить возможности этического и правового регулирования ИИ на основании обзора национальных и международных документов.

Возможности этического регулирования искусственного интеллекта

Одним из масштабных и всеобъемлющих документов, касающихся этического сопровождения ИИ, является глобальный стандарт по этике ИИ – «Рекомендация по этике ИИ» [1], разработанная ЮНЕСКО и опубликованная ноябре 2021 г. Этот стандарт применим ко всем 194 государствам – членам ЮНЕСКО. Защита прав и достоинства человека, а также такие ценности, как справедливость и прозрачность ИИ, положены в основу этого стандарта. Кроме того, принципы документа ориентированы на различные области человеческой деятельности – от творчества до науки [1].

Научный руководитель – Валерия Николаевна Соколичик, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси

26 октября 2021 г. в России состоялось подписание *Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта* [2]. Этот документ был разработан Альянсом в сфере искусственного интеллекта (при поддержке Минэкономразвития РФ на основании корпоративной инициативы). «Разрабатываемые Акторами технологии ИИ должны способствовать или не препятствовать реализации всех потенциальных возможностей человека для достижения гармонии в социальной, экономической, духовной сфере и наивысшего расцвета личности» [2]. Документ ориентирован прежде всего на гуманистический подход, который трактует человека как самоценность, морального субъекта и творческую, деятельностную единицу.

Отдельную проблему представляет регуляция использования ИИ в сфере здравоохранения. 14 февраля 2025 г. в России был принят *Кодекс этики применения искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья* [3]. Он содержит набор рекомендаций и этических принципов, которые необходимы для гуманного применения ИИ в системе здравоохранения.

Основными проблемами использования ИИ в медицине, согласно Кодексу, являются следующие:

«– повышенный риск причинения вреда здоровью пациентов в силу потенциальных ошибок обработки данных и знаний, а также заключений (рекомендаций), формируемых СИИ;

– проблемы кибербезопасности, включая несанкционированное вмешательство в алгоритмы работы ИИ или доступ к персональным данным пациентов;

– необходимость предоставления гражданину или его законному представителю в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства (в том числе с применением технологий ИИ), о его последствиях» [3].

Следует сказать, что перечисленные вопросы затрагивают не только сферу медицинской практики, но и науку, образование и политику. Эти проблемы универсальны и требуют дальнейшего детального рассмотрения. По мнению Н. Н. Иванца, «активное проникновение цифровых технологий в клиническое здравоохранение сталкивается

с недостаточным законодательным регулированием, отсутствием нормативной базы, стандартов и регламентов проведения, единых оценочных критериев. Для клинического применения цифровые продукты должны быть лицензированы и сертифицированы, но для этого они должны быть обеспечены строгим научным обоснованием и иметь достаточную доказательную базу эффективности и безопасности» [4, с. 11].

Этические проблемы напрямую связаны с вопросами социального и законодательного сопровождения технологий ИИ, в первую очередь ориентированного на благо людей как в настоящем, так и будущем. Этика задает новые вопросы и векторы возможных ответов, прежде всего затрагивающих природу человека.

Несомненно, стремительное развитие ИИ включает и экзистенциальные риски, которые не только трансформируют всю общественную структуру, но и ставят под сомнение саму автономность и субъектность человека, его творческий и когнитивный потенциал.

Основные этические проблемы, неизбежно возникающие с использованием технологий ИИ, связаны с:

1) ответственностью и со-ответственностью всех участников процесса (разработчик (создание продукта) – пользователь (применение продукта));

2) доверием как отдельного человека, так и общества (социальное доверие);

3) конечной целью применения – благом либо пользой (утилитарный аспект);

4) конфиденциальностью и сохранностью персональных данных;

5) автономностью и субъектностью человека, утверждением его естественной «природы»;

6) справедливостью.

Поэтому необходимым требованием в глобальном плане является дальнейшее теоретическое и практическое исследование функциональных способностей и возможностей ИИ на всех этапах его работы, а также создание этических регламентов его сопровождения во избежание рисков и угроз для отдельного человека и общества в целом. Эта стратегическая задача требует трансдисциплинарных подходов, включающих потенциал технических, социальных и нейро-

наук, а также ориентацию на практическое внедрение.

Белорусские исследования в области этики искусственного интеллекта

В Беларуси вопрос о том, что представляет собой этически ориентированный ИИ, находится в стадии обсуждения. Обширное исследование, выявляющее этическую структуру взаимодействия с искусственным интеллектом, провели в 2023 г. В. Н. Сокольчик и А. И. Разуванов [5]. Их интервью с разработчиками и пользователями ИИ в сфере научных исследований позволили предложить следующие этические принципы сопровождения ИИ. К *объективным* этическим принципам были отнесены те, реализация которых должна осуществляться на уровне общества в целом и которые необходимо встроить в деятельность социальных институтов:

1) безопасности (отсутствие рисков и угроз как для разработчиков, так и пользователей);

2) управляемости (ИИ должен быть подчинен контролю и регулированию со стороны человека);

3) объяснимости (прозрачность действий алгоритма и отсутствие некорректных высказываний),

4) эффективности (ориентация на положительные и оптимальные результаты применения ИИ в биомедицине) [5].

Субъективные этические принципы реализуются на уровне отдельной личности, затрагивают психологическую индивидуальную реакцию пользователей на деятельность ИИ в процессе совместного взаимодействия. К ним относятся принципы:

1) справедливости (в противовес потенциальной дискриминации и неравенству, которые может порождать ИИ),

2) доверия (включает такие компоненты, как информационная культура, наличие доступа к системам, ориентация на положительный результат применения) [5].

Предполагается, что в процессе применения правовых и этических аспектов сопровождения ИИ оказание медицинской помощи и состояние медицины в целом во многом улучшится.

Особенно необходимо применение таких *биоэтических* принципов, как:

1) «не навреди» (предполагает превентивные меры предосторожности и особенно актуален для ИИ и иных видов современных биотехнологий, которые не должны использоваться во зло, разрушать жизненный мир человека и его ценности);

2) соблюдение врачебного долга не только в вопросах оказания помощи, но и в обязанности предоставлять пациенту возможности реализовать его право на информированное согласие на использование ИИ или других биотехнологических процедур;

3) справедливость как равенство доступа к медицинским услугам, оказанию медпомощи и использованию передовых цифровых технологий и собственно ИИ;

4) признание жизни высшей ценностью и повышение ее качества является главной целью медицины, а ее достижение предполагает минимизацию человеческих страданий посредством ИИ и биотехнологий;

5) уважение личности и утверждение ее достоинства в контексте взаимодействия врач – пациент.

Важно, чтобы эти этические принципы нашли свое институциональное воплощение в этических кодексах, регулирующих практическое применение ИИ.

Правовое регулирование искусственного интеллекта

Правовой аспект сопровождения технологий ИИ предполагает, с одной стороны, реализацию их положительного потенциала, а с другой – защиту от рисков их применения и внедрения.

Как пишет Х. Хиллигосс, «в 2020 г. Центр Беркмана Кляйна по изучению интернета и общества (Berkman Klein Center for Internet & Society) провел метаанализ существующих наборов принципов, таких как *Асиломарские принципы* и *Пекинские принципы*, и выделил восемь базовых принципов правового регулирования ИИ: конфиденциальность, подотчетность, безопасность, прозрачность и объяснимость, справедливость и недискриминация, контроль человека над технологиями, профессиональная ответственность и уважение человеческих ценностей» [7].

Асиломарские принципы [8] представляют собой один из первых и довольно масштабных документов, разработанных в 2017 г. на конференции в Асиломаре (Кали-

форнія). Они касаются безопасного и положительного использования ИИ в любых областях человеческой деятельности.

В 2018 г. на конференции в Пекине, посвященной ИИ, были сформулированы *Пекинские принципы*. Они сосредоточены на глобальном совместном сотрудничестве и международных усилиях в разработке и регулировании ИИ, а также связывают эти приоритеты с достижением целей устойчивого развития.

К этическим стандартам в области ИИ, согласно Пекинским принципам, относятся неприкосновенность частной жизни, безопасность ИИ, утверждение человеческого достоинства, открытость и прозрачность ИИ. Все они подчеркивают, что ценности, заложенные в технологии ИИ и применяемые при взаимодействии с ними, должны оставаться человекоориентированными. Регулирование ИИ должно подразумевать, что его использование осуществляется во благо человека.

В 2019 г. Совет Европы инициировал процесс обсуждения и создания правового документа по регулированию алгоритмов ИИ. При этом особое внимание уделялось воздействию ИИ на права человека и возможности следования ИИ этическим ценностям.

Обсуждение началось в сентябре 2022 г. при участии 46 государств.

17 мая 2024 г. была принята ***Рамочная конвенция об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве закона*** [9].

Первыми подписали договор Андorra, Грузия, Исландия, Норвегия, Молдова, Сан-Марино, Великобритания, Израиль, США и Европейский союз.

Согласно конвенции, деятельность ИИ должна осуществляться в соответствии со следующими правовыми регламентами, опирающимися на фундаментальные этические принципы:

1. Человеческое достоинство и индивидуальная автономия (уважение личности пациента и его решений, а также право на информированное согласие по тем или иным медицинским вмешательствам и процедурам).

2. Равенство и недискриминация (обеспечение равного доступа к медицинским услугам и помощи для всех слоев

населения, независимо от социального статуса и половой принадлежности).

3. Соблюдение конфиденциальности и защита персональных данных (сохранность личной информации пациентов).

4. Прозрачность и надзор (контроль над медицинскими процедурами и исследованиями со стороны, как профессионалов, так и этических комитетов).

5. Подотчетность и ответственность (со-ответственность медицинского персонала за оказание медицинской помощи и пациентов за выполнение указанных рекомендаций).

6. Надежность (обеспечение безопасности для пациентов в процессе оказания медицинской помощи и консультирования).

7. Безопасные инновации (прежде всего направленные на улучшение качества жизни) [9].

В настоящее время *Регламент об искусственном интеллекте ЕС* [10], вступивший в силу с 1 августа 2024 г., является всеобъемлющим правовым документом о регулировании ИИ в мире.

На основе его классификации ИИ подразделяется на четыре категории в соответствии с возможностями его функционирования и потенциальными угрозами для человека и государства в целом:

1) Unacceptable Risk – неприемлемый риск ИИ (если он представляет собой инструмент контроля и манипуляции людьми; оказывает негативное влияние на физическое и психологическое состояние человека; несет угрозу для его безопасности и здоровья; содержит дискриминационный элемент);

2) High Risk – высокий риск ИИ (если создается угроза основным правам человека);

3) Limited Risk – риск прозрачности ИИ (когда ограничивается возможный доступ человека к информации о деятельности технологий ИИ);

4) Minimal or No Risk – минимальный риск ИИ (используется как инструмент, подконтрольный человеку) [10].

Для регулирования выделенных категорий ИИ был создан нотифицирующий орган, который обязан проводить оценочные аудиты по итогам использования алгоритмов ИИ. Ответственность за применение и потенциальные риски лежит на разработчиках, которые обязаны персонально оценить

качество ИИ и проверить корректность его действий. В случае если обнаружены неприемлемый и высокий риски ИИ, то дальнейшее использование продукта запрещается.

Осенью 2024 г. в Беларуси состоялось заседание Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь, на котором был рассмотрен вопрос о правовом регулировании использования и развития технологий ИИ [11].

На заседании было принято решение разработать проект Закона Республики Беларусь «О технологиях искусственного интеллекта», в котором должны быть артикулированы ответственность субъектов в сфере ИИ, основные нормативно-правовые стратегии регулирования деятельности ИИ и законодательные программы по минимизации рисков его развития и впоследствии применения.

В апреле 2025 г. был принят модельный закон стран СНГ «О технологиях искусственного интеллекта» [12].

В этом документе обозначены основные правовые подходы к регулированию ИИ, возможные риски и защита, а также основные направления мониторинга социальной, политической, экономической и этической безопасности граждан.

Стремительное развитие ИИ и других цифровых систем поставило перед правом новые задачи в создании всеобъемлющей нормативной стратегии, которая должным образом регулировала бы применение этих инновационных компонентов. Это положило бы начало работе с новым, довольно специфическим предметом регулирования, не встречавшимся раньше. Предполагается, что создание правового регулятора будет способствовать оптимальному развитию ИИ и его продуктивному использованию в любой сфере человеческой деятельности.

Таким образом, в существующих документах можно выделить ведущие стратегии правового сопровождения ИИ:

1) акцентирование на наиболее общих вопросах как создания, так и правового сопровождения ИИ в целом;

2) учет различных аспектов применения ИИ в юриспруденции (например, в составлении аргументации, консультировании и анализе правовых документов);

3) планирование создания правовой инфраструктуры взаимодействия человека и технологий ИИ;

4) установление корректного правового статуса ИИ с учетом возможной ненадежности его решений.

Гибридный подход к определению нормативного статуса искусственного интеллекта

Множественность и вариативность форм ИИ затрудняют запуск регулятивных процессов, поскольку предполагают совершенно разные преимущества и в то же время риски для общества (в частности, нарушение безопасности и отсутствие подотчетности человеку).

При этом стремительная динамика развития алгоритмов ИИ и расширение сфер их применения также затрудняют процесс создания нормативного документа не только в области права, но и этики. И теоретики, и практики сталкиваются с задачей, каким образом корректно трактовать ИИ и на каких именно аспектах сопровождения технологий ИИ необходимо акцентировать внимание.

Формирование универсального понятийно-категориального аппарата в сфере регулирования технологий ИИ является одной из наиболее сложных, дискуссионных и вместе с тем актуальных задач.

Отсутствие единого определения ИИ порождает ситуацию нормативной дезориентации и неопределенности, которая, в свою очередь, усугубляется стремительным развитием самих технологий.

Еще более неопределенным остается этико-правовой нормативный статус искусственного интеллекта, который мог бы закрепить положение ИИ в человеческом мире, установить режим, определяющий границы его действий и ответственность за них.

С учетом вариативности задач ИИ исследователи выделяют несколько вариантов в понимании статуса ИИ как:

1) пассивного объекта;

2) вспомогательного инновационного инструмента-помощника, оснащенного периферийными техническими функциями;

3) полноправного субъекта [6].

Последняя позиция на сегодняшний день – самая дискуссионная. Ее сторонники наделяют ИИ статусом субъекта и утверж-

дают, что он обязан нести полную ответственность за причинение вреда человеку. Между тем этический и философский анализ проблемы показывает, что при всех своих возможностях нынешний ИИ не имеет собственных целей, сознания (и самосознания) и не совершает поступков, а потому не обладает субъектностью. В случае определения ИИ как инструмента-помощника возникают не только правовые вызовы, но и обостряются этические проблемы. Они связаны прежде всего с недоверием к алгоритму, к его ответственному и справедливому использованию, к гарантиям эффективности и управляемости. Ответственность в данном случае носит коллективный характер, и несут ее, с одной стороны, разработчики, закладывающие определенные этические нормы в дизайн программного продукта, а с другой – пользователи этого продукта. При этом мера ответственности каждой из сторон остается неопределенной.

Гибридный подход в регулировании ИИ включает и этические, и правовые рекомендации, которые необходимо выработать для безопасного и эффективного использования технологий ИИ.

Этика и право вместе должны гарантировать безопасное и управляемое развитие и применение ИИ, которое не сможет нарушить права человека и дестабилизировать общественную систему в целом. В будущем, по мнению, возможно создание трансдисциплинарного направления, включающего в себя использование, как юриспруденции и этики, так и потенциала технических дисциплин и нейронаук для объяснения функциональности ИИ, а также для обсуждения возможных мер его регулирования и внедрения.

Не исключено, что со стремительным развитием ИИ регуляция приобретет гибридную форму, включающую как уже сложившиеся традиционные юридические практики, так и всеобъемлющие процессы цифровизации и алгоритмизации [6].

Заключение

Возможности этического регулирования ИИ состоят, с одной стороны, в создании этического кодекса, который артикулировал бы этические принципы и нормы сопровождения ИИ. Этические принципы в этой области опираются в первую очередь на права человека и ориентированы на признание человеческого достоинства и повышение качества жизни человека. Этическое регулирование формирует общие и базовые ценности и для разработчиков, и для пользователей.

В данной сфере уже принят ряд международных документов, формулирующих подходы к этическому регулированию, которое призвано обеспечить ответственное и гуманное применение ИИ в различных областях человеческой деятельности.

С другой стороны, наряду с этическим регулированием, необходимо принятие нормативно-правовых документов, определяющих ответственность сторон «пользователь ИИ – разработчик – специалист», а также упорядочивающих всю сферу многообразных общественных отношений (прежде всего социальных), затронутых внедрением ИИ.

Законодательное регулирование ориентировано на всеобъемлющие правовые требования, носящие жесткий характер, которые призваны обеспечить безопасность сопровождения ИИ и предотвратить возможные риски для жизни человека.

Гибридный подход, включающий как этические, так и правовые механизмы, является наиболее оптимальным и эффективным для регулирования применения ИИ, основная цель которого – минимизация угроз и стимулирование эффективности.

Этика создает ориентир и «базис» регулирования, право обеспечивает его контроль и исполнение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ethics of Artificial Intelligence // Unesco. – URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (дата обращения: 14.01.2025).
2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // Альянс в сфере искусственного интеллекта. – URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 10.09.2025).

3. Кодекс этики применения искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья // Информационно-правовой портал. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411615533/#review> (дата обращения: 31.03.2025).
4. Иванец, Н. Н. Цифровые технологии в сфере психического здоровья: проблемы и перспективы / Н. Н. Иванец, М. А. Кинкулькина, Ю. Г. Тихонова // Национальное здравоохранение. – 2023. – № 4 (2). – С. 5–14.
5. Сокольчик, В. Н. Иерархия этических принципов использования искусственного интеллекта в медицине и здравоохранении / В. Н. Сокольчик, А. И. Разуванов // Исследования в цифровой экономике. – 2023. – № 4. – С. 48–84.
6. Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. акад. РАН В. А. Лекторского. – СПб. : Юрид. центр, 2022. – 328 с.
7. Hilligoss, H. Principled Artificial Intelligence: Mapping Consensus in Ethical and Rights-based Approaches to Principles for AI / H. Hilligoss // Berkman Klein Center for Internet & Society. – 2020. – Nr 1. – URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:42160420>.
8. Asilomar AI Principles // Future of Life Institute. – URL: <https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles/> (дата обращения: 14.01.2025).
9. The Framework Convention on Artificial Intelligence. – URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (дата обращения: 10.10.2024).
10. AI Act // Regulation (EU) 2024. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai> (дата обращения: 14.01.2025).
11. Конституционный суд Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <http://www.kc.gov.by/-document-76543> (дата обращения: 12.01.2025).
12. Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта» // Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/10 (дата обращения: 10.09.2025).
13. Сокольчик, В. Н. Принципы и правила ответственного (этичного) использования ИИ в современной науке / В. Н. Сокольчик, П. С. Навицкая // Проектирование будущего и горизонты цифровой реальности : тр. Восьмой междунар. белорус.-рос. науч.-практ. конф., Минск, 29–30 мая 2025 г. / НАН Беларуси, Отд. гуманитар. наук и искусств, Ин-т философии НАН Беларуси, Ин-т приклад. математики. им. М. В. Келдыша Рос. акад. наук ; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Мн. : Четыре четверти, 2025. – С. 218–227.

REFERENCES

1. Ethics of Artificial Intelligence // Unesco. – URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics> (data obrashcheniya: 14.01.2025).
2. Kodeks etiki v sfere iskusstvennogo intellekta // AI'yans v sfere iskusstvennogo intellekta. – URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (data obrashcheniya: 10.09.2025).
3. Kodeks etiki primeneniya iskusstvennogo intellekta v sfere okhrany zdorov'ya // Informacionno-pravovoj portal. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411615533/#review> (data obrashcheniya: 31.03.2025).
4. Ivanets, N. N. Tsifrovye tekhnologii v sfere psikhicheskogo zdorov'ya: problemy i perspektivy / N. N. Ivanets, M. A. Kinkul'kina, Yu. G. Tikhonova // Natsional'noe zdravookhranenie. – 2023. – № 4 (2). – S. 5–14.
5. Sokol'chik, V. N. Ierarkhiya eticheskikh printsipov ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v meditsine i zdravookhraneni / V. N. Sokol'chik, A. I. Razuvanov // Issledovaniya v tsifrovoi ekonomike. – 2023. – № 4. – S. 48–84.
6. Chelovek i sistemy iskusstvennogo intellekta / pod red. akad. RAN V. A. Lektorskogo. – SPb. : Yurid. tsentr, 2022. – 328 s.
7. Hilligoss, H. Principled Artificial Intelligence: Mapping Consensus in Ethical and Rights-based Approaches to Principles for AI / H. Hilligoss // Berkman Klein Center for Internet & Society. – 2020. – Nr 1. – URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:42160420>.

8. Asilomar AI Principles // Future of Life Institute. – URL: <https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles/> (data obrashcheniya: 14.01.2025).

9. The Framework Convention on Artificial Intelligence. – URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (data obrashcheniya: 10.10.2024).

10. AI Act // Regulation (EU) 2024. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai> (data obrashcheniya: 14.01.2025).

11. Konstitutsionnyi sud Respubliki Belarus' : [sait] . – URL: <http://www.kc.gov.by/document-76543> (data obrashcheniya: 12.01.2025).

12. Model'nyj zakon «O tekhnologiyakh iskusstvennogo intellekta» // Mezhparlamentskaya Assambleya gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv. – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/mod-elnie_kodeksi_i_zakoni/10 (data obrashcheniya: 10.09.2025).

13. Sokol'chik, V. N. Printsipy i pravila otvetstvennogo (etichnogo) ispol'zovaniya II v sovremennoy nauke / V. N. Sokol'chik, P. S. Navitskaja // Proektirovanie budushchego i gorizonty tsifrovoy real'nosti : tr. Vos'moj mezhdunar. belorus.-ros. nauch.-prakt. konf., Minsk, 29–30 maya 2025 g. / NAN Belarusi, Otd. gumanitar. nauk i iskusstv, In-t filosofii NAN Belarusi, In-t priklad. matematiki im. M. V. Keldysha Ros. akad. nauk ; redkol. A. A. Lazarevich (pred.) [i dr.]. – Mn. : Chetyre chetverti, 2025. – S. 218–227.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.01.2026

Tian Jing*Graduate Student of the Department of Philosophy and Methodology of Science
of Belarusian State University***Тянь Цзин***соискатель каф. философии и методологии науки
Белорусского государственного университета
e-mail: jingt7575@gmail.com*

PHILOSOPHICAL AND IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE EDUCATION SYSTEM IN MODERN CHINA

The educational system of modern China is considered. The main content of the philosophical and ideological foundations of the Chinese education system in the historical perspective of its formation is revealed. It is noted that the philosophy of education in China, which emerged at the beginning of the 20th century, was shaped by Western ideas, but at the same time retained a strong connection with national philosophical traditions and millennia-old cultural customs. It is shown that the modern Chinese education system is the result of a synthesis of traditional values and Western concepts, which ensures its uniqueness and high adaptability in the context of global transformations.

Key words: China, education philosophy, confucianism, marxism, education.

Философские и идеологические основания системы образования в современном Китае

Рассматривается система образования современного Китая. Раскрывается основное содержание философско-идеологических оснований китайской системы образования в исторической перспективе ее становления. Отмечается, что философия образования в Китае, возникшая в начале XX в., сформировалась под влиянием западных идей, но при этом сохранила прочную связь с национальными философскими традициями и тысячелетними культурными обычаями. Показано, что современная китайская система образования является результатом синтеза традиционных ценностей и западных концепций, что обеспечивает ее уникальность и высокую адаптивность в условиях глобальных трансформаций.

Ключевые слова: Китай, философия образования, конфуцианство, марксизм, образование.

Introduction

Education in the modern Chinese state occupies a strategically important place. Acting as a marker of historical greatness, China's education system demonstrates a high potential for adaptation and embeddability into the modern globalizing world, being an effective tool for constructing a new kind of social reality. Deep connection with philosophical ideas pre-determines the identity and originality of the modern educational system, making it a source of development and prosperity of the nation.

The aim of this article is to identify the specifics of the Chinese education system, substantiate its philosophical, ideological foundations and methodological development priorities, which determine the rapid pace of

formation of high competitiveness. Accordingly, the author of the article in the process of realizing the goal solves a number of problems: briefly analyzes the historical basis of the Chinese education system, substantiates the philosophical and ideological foundations of the Chinese education system, exploits the specifics of the philosophy of education in China.

Main part

Education philosophy is a branch of philosophical knowledge that studies the goals, value orientations, methods, and ideals of education viewed as social practice. This area of philosophy covers the ontological, epistemological and axiological aspects of education. The peculiarity of the Chinese philosophy of education lies in the unique combination of Confucian traditions with Marxist ideology, rethought under socialist modernization and the idea of a «harmonious socialist society». This combination highlights a collectivist and state orientation: education becomes a means of national

Научный руководитель – Анастасия Сергеевна Комаровская, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и историко-правовых дисциплин Академии управления при Президенте Республики Беларусь

revival, in which personal development is subordinated to public interests and the tasks of innovative growth. In this regard, a strategy of interdisciplinarity is used in the development of the philosophy of education in China, which combines theoretical research of philosophy with specific pedagogical practices.

Through traditional Chinese philosophy, adapted to the ideology of the modern Chinese state, this allows to directly influence the practice of disseminating the values of the state in the educational process at all levels of education.

The philosophy of education arose in China at the beginning of the 20th century. The disciplinary formulation of the philosophy of education was associated with the influence of Western philosophical ideas, which influenced the intensity and focus of the modernization of Chinese education. At the same time, one should not lose sight of the fact that the philosophy of education in China is based on the rich heritage of national philosophical traditions and millennial practices.

From a historical point of view, the Chinese philosophy of education developed from a Confucian orientation, where the emphasis was on the education of virtue, harmony and respect for the teacher, to the Taoist understanding of the natural development of the personality and the Buddhist emphasis on spiritual self-improvement. These traditions laid the foundation for the perception of education as a process of formation not only of knowledge, but also of a moral nature. For example, Confucianism had the most profound effect on the educational system of modern China. The central categories of «ren» (humanity), «li» (ritual, order) and respect for the teacher determined the structure of teaching and upbringing. It was Confucianism that formed the system of state exams, where knowledge of classical texts became a criterion for the selection of officials and one of the main indicators of the effectiveness of education. The teacher was considered not only as a bearer of knowledge, but also as a moral mentor, and education was understood as a means of forming a harmonious society and strengthening state power. «The Confucian tradition, condemning the tendency to gain money and material gain to the detriment of high morality and duty, at the same time skillfully directed the social activity of the individual into the prestigious channel of reproduction of Confucian principles of life, the

successful mastery of which guaranteed authority, power and prosperity» [1].

In turn Taoism introduced the value of individuality and natural development into the philosophy of education. The Taoist principle of «wu-wei» (non-action) emphasized the need to abandon excessive pressure and strict discipline, and training was supposed to help a person find a balance with nature and himself. Taoist practices, such as meditation, contemplation, have become an integral part of education, forming internal freedom and the ability to self-know.

Buddhism expanded the educational system by adding a spiritual dimension. Monastic schools, where instruction was combined with religious practice, shaped the values of compassion, tolerance, and discipline. Buddhist educational philosophy focused on internal self-improvement, abandoning material attachments and finding a path to enlightenment.

Thus, Chinese educational philosophy has a powerful historical framework, which is a synthesis of three traditions: Confucianism, which forms the priority of social harmony and moral education; Taoism, emphasizing the importance of natural development and harmony with nature; and Buddhism, which sees the purpose of education in spiritual self-improvement.

It was the interaction of these traditions that created a unique educational model, where learning is considered not only as the transfer of knowledge, but also as the formation of personality, values and spiritual culture.

In the XIX–XX centuries Chinese education philosophy entered into an active dialogue with Western concepts. This process was primarily caused by the crisis of the traditional Confucian model based on the examination system (keju), which ceased to meet the requirements of modernization and social development. The pressure of the Western powers showed the need for reform, and Chinese thinkers began to look for new guidelines in Western philosophy and pedagogy. Western philosophical and pedagogical works were translated into Chinese and actively studied. Influenced by the ideas of J.-J. Russo and I. Kant's emphasis shifted to rational and natural education, where personality was seen as an autonomous subject. J.-J. Rousseau inspired Chinese educators to rethink the role of nature and education, and Kant's ideas predetermined the inclusion of categories of freedom and responsibility in the educational discussions of Chinese thinkers.

The mechanism of influence of Western ideas on Chinese education philosophy launched educational reforms, which resulted in the abolition of the examination system in 1905 and the creation of a new type of school. Chinese students increasingly began to go to study in Europe and the United States, bringing new ideas and adapting them to the national tradition. Universities and pedagogical institutes appeared in China, where Western concepts were integrated into the curriculum.

A particularly strong influence on China's education system was the pragmatism of John Dewey. In the period 1919–1921 Dewey visited China and gave over 200 lectures, which were later translated by Hu Shi. The audience at the lectures reached thousands of listeners, which made his ideas massive. The ideas of J. Dewey had a radical impact on the transformation of the education system in China. The 1922 reform introduced project learning and a program of individualization of learning based on J. Dewey's ideas, adapted by his students Hu Shi and Tao Xingzhi, ideas that made a real change in the foundation of the education system, shifting the focus from the idea of «education is life» to «life is education».

J. Dewey's idea that «education is life, not preparation for life» contributed to a smooth transition from the Confucian tradition to pragmatic general education, stimulating practice-oriented schools, critical thinking and social adaptation during the Republican China period. J. Dewey emphasized that learning should be based on the child's real experience through activity, project method and solving practical problems, and not on passive assimilation of knowledge. «Dewey's own distinctly American philosophy, pragmatism, is often described as a call for action and progress, whereby humans manipulate nature in ways instrumental to the achievement of flexibly determined ends» [2]. Chinese educators embraced J. Dewey's emphasis on the student's experience and activity, which was an important step in the transition from book memorization to practical teaching methods.

In the 1920s and 1930s, China attempted to introduce an American-style education system, the result of which was an understanding of the unacceptability of foreign educational models by Chinese society in its purest form. At the same time, selective assimilation of individual components is a very successful solution

that can not only change, but update the outdated elements of the Chinese education system, making it more mobile.

After the institutional consolidation of Marxism in 1921, a radical restructuring of all spheres of society began in Chinese society, including the education system. «After the foundation of the People's Republic of China in 1949, especially during the 1980s, under the guidance of Marxism, the discipline of educational philosophy has been maturing» [3, p. 13]. The new ideal of the educational standard was the Soviet education system, focused on social justice and collectivism. She strengthened the idea of the comprehensive development of the individual and emphasized the social function of education as a tool for the formation of civic responsibility and collective identity. Combined with critical pedagogy focused on identifying power structures and inequality, the Chinese Communist Party was given an effective tool to analyze social problems and develop social reforms. During this period, the traditional foundations of the education system were completely leveled, as well as pragmatic orientations, the historical foundation was criticized in order to belittle the significance.

Later, after the period of the Great Proletarian Cultural Revolution, in the 1980s, the «open door» policy created the conditions for the revival of the philosophy of education in China, building Western and Soviet theories around the traditional Confucian core.

As a result, Western and Soviet ideas did not replace Confucianism, did not form the basis for creating a new educational model, but were adapted, built into the classical education system. Thus, the emphasis on moral education remained, but it was supplemented by a pragmatic approach and scientific systematicity.

Thus, the philosophy of education in China has gone from Confucian morality and the examination system to a multi-paradigm model where national values and Western concepts are combined. This process was not simple copying, but purposeful adaptation and integration, which made it possible to create a unique educational system that meets the challenges of modernization and globalization. Today, one of the main tasks of the Chinese government is «reinforcing a High-Quality Education System. The 14th Five-Year Plan and Vision 2035 was endorsed by the 13th National People's Congress in 2021 (National People's

Congress, 2021). It sets China's development goals from 2021 to 2025 and puts forward China's long-term development plan towards 2035. In education sector, it proposes to reinforce a high-quality education system» [4, p. 3].

From a methodological point of view, the modern Chinese philosophy of education, combining traditional approaches with Western innovations, demonstrates its advantages through multifunctionality and high efficiency in the perspective of the challenges of our time. The speculative-deductive method, inherited from the Confucian tradition, provides a basis for thinking about the essence of education and its moral goals. The empirical-positivist method, borrowed from Western science, contributes to the transformation of pedagogy into an independent field of research. The interpretation-hermeneutic approach is used to comprehend the cultural and symbolic aspects of education, and the method of critical emancipation, which came from Western philosophy, reveals social contradictions and inequalities in the educational system.

The theoretical basis of the philosophy of education in China is developing according to the «tradition – borrowing – integration» scheme, demonstrating the pattern of transition from a single Confucian paradigm to a multi-paradigm system, where national values are combined with Western philosophical and scientific approaches. This synthesis allows Chinese educational philosophy to serve as a guide for building a modern educational paradigm and practical reform that meets the challenges of globalization and the preservation of cultural identity.

So, the modern paradigm of education philosophy in China is multi-paradigm integration:

- 1) traditional Confucian values;
- 2) Western scientific and pragmatic approaches;
- 3) of Marxist and critical theories;
- 4) constructivist ideas of cognitive and sociocultural development.

This integration allows Chinese educational philosophy to simultaneously maintain cultural identity and respond to the challenges of the modern world, forming an educational system that combines humanistic values, scientific rigor, and social responsibility.

Modern challenges, such as digitalization, globalization, environmental crisis and social inequality, require education philosophy to find new conceptual solutions to train specialists who can effectively solve them. In the context of the rapid development of technology and artificial intelligence, educational philosophy must not only adapt to new forms of learning, but also maintain a humanistic orientation, ensuring a balance between technical skills and the formation of value guidelines.

In the 21st century, intercultural dialogue is of particular importance. Eastern traditions in education, for example, the Confucian idea of education of virtue and harmony, and Western approaches, such as pragmatism, critical pedagogy, constructivism, can be integrated into a single system capable of responding to current challenges. This integration allows for educational models that are both culturally identity-aware and open to innovation.

For legal and social institutions, the philosophy of education plays the role of a conceptual foundation. Legal practice focused on the protection of human rights, justice and equality is directly related to philosophical ideas about freedom, dignity and responsibility of the individual.

Therefore, the development of educational philosophy has not only academic, but also applied significance through direct influence on the formation of a legal culture, civil society and sustainable democratic institutions.

Conclusion

«Looking back at history and looking forward to the future, we could understand education modernization in China in the face of 2035 by exploring the modernization of educational ideas, education systems, talent training modes, educational governance systems and governance abilities» [5, p. 3]. Modern Chinese philosophy of education is formed under the conditions of historically determined symbiosis of traditional values and Western theories. Confucian ideas continue to play a role in moral education, but at the same time pragmatic and constructivist approaches are actively used. Western concepts have influenced the modern Chinese philosophy of education, where today the emphasis is on interaction, teamwork and personality development in society.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Байдарова, М. Е. Конфуцианская традиция-цивилизация в контексте модернизации КНР / М. Е. Байдарова. – Казахский Национальный университет им. аль-Фараби. – URL: https://china.ivran.ru/f/Bajdarova_M._E._Konfucianskaya_tradiciya-civilizaciya_v_kntekste_morednizacii_KNR.pdf (дата обращения: 13.11.2025).
2. Ralston, S. J. John Dewey's experience in China (1919–1921) / S. J. Ralston. – Journal of East China Normal University (Educational Sciences), 2019. – URL: https://www.academia.edu/38321974/John_Deweys_Experience_in_China_1919_1921 (date of access: 15.11.2025).
3. Y. Lu. Educational Philosophy in China: A Centennial Retrospect and Prospect / Y. Lu, Y. Chi // Frontiers of Education in China. – 2007. – Vol. 2, iss. 1. – P. 13–29.
4. N. Liu. Editors Education in China and the World Achievements and Contemporary Issues / N. Liu, Z. Feng, Q. Wang. – Shanghai Jiao Tong University Press, 2024. – 620 p.
5. D. Guo. The Frontier of Education Reform and Development in China / D. Guo. – Springer Singapore, 2023. – 415 p.

REFERENCES

1. Baidarova, M. E. Konfutsianskaya traditsiya-tsivilizatsiya v kontekste modernizatsii KNR / M. E. Baidarova. – Kazakhskii Natsional'nyi universitet im. al'-Farabi. – URL: https://china.ivran.ru/f/Bajdarova_M._E._Konfucianskaya_tradiciya-civilizaciya_v_kontekste_morednizacii_KNR.pdf (data obrashcheniya: 13.11.2025).
2. Ralston, S. J. John Dewey's experience in China (1919–1921) / S. J. Ralston. – Journal of East China Normal University (Educational Sciences), 2019. – URL: https://www.academia.edu/38321974/John_Deweys_Experience_in_China_1919_1921 (date of access: 15.11.2025).
3. Y. Lu. Educational Philosophy in China: A Centennial Retrospect and Prospect / Y. Lu, Y. Chi // Frontiers of Education in China. – 2007. – Vol. 2, iss. 1. – P. 13–29.
4. N. Liu. Editors Education in China and the World Achievements and Contemporary Issues / N. Liu, Z. Feng, Q. Wang. – Shanghai Jiao Tong University Press, 2024. – 620 p.
5. D. Guo. The Frontier of Education Reform and Development in China / D. Guo. – Springer Singapore, 2023. – 415 p.

Рукапіс надіслано у редакцію 29.01.2026

Чжан Юньпэн*аспирант 2-го года обучения Института философии Национальной академии наук Беларуси***Zhang Yunpeng***2-nd Year Postgraduate Student of the Institute of Philosophy
of National Academy of Sciences of Belarus***e-mail: Zhangyp0618@gmail.com**

КИТАИЗАЦИЯ МАРКСИЗМА В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Анализируется роль марксизма как философского учения в культурной политике современного Китая. Рассматривается явление китаизации марксизма – его постепенное теоретическое развитие и практическое применение в качестве идеологического ориентира и фундамента культурной модернизации Китая. Марксистская теория в культурных реалиях Китая, соединенная с его культурными традициями, в итоге сформировала марксистскую теоретическую систему с китайской спецификой. На протяжении своего развития марксистская теория в Китае продвигалась от теоретических идей Мао Цзэдуна к формированию теории социализма с китайской спецификой в «Период реформ и открытости», а затем – к системе идей Си Цзиньпина: теория эволюционировала от теории революции к теории созидания и, наконец, к теории обновления. Китаизация марксизма означает переход от заимствования идей к самостоятельным инновациям, к образованию синтеза марксизма, китайских традиционных и социалистических ценностей. Путь развития марксизма в Китае не только демонстрирует адаптивность теории к конкретным историческим условиям, но и предоставляет ценные примеры для понимания теоретических инноваций в схожих социокультурных контекстах.

Ключевые слова: марксизм, марксистская философия, китаизация марксизма, культура Китая, культурная модернизация, традиция, ценности, глобализация.

Sinicization of Marxism in Conditions of Cultural Modernization

This article analyzes the role of Marxism as a philosophical doctrine in cultural policy in contemporary China. The phenomenon of the sinicization of Marxism is examined – its gradual theoretical development and practical application as an ideological guideline and foundation for the cultural modernization of China. Marxist theory in China's cultural realities, combined with its cultural traditions, ultimately formed a Marxist theoretical system with Chinese characteristics. Throughout its development, Marxist theory in China has progressed from the theoretical ideas of Mao Zedong to the formation of the theory of socialism with Chinese characteristics in the «Period of Reform and Opening Up», and then to the system of Xi Jinping Thought: the theory evolved from the theory of revolution to the theory of creation and, finally, to the theory of renewal. The author argues that the sinicization of Marxism signifies a transition from the borrowing of ideas to independent innovation, to the formation of a synthesis of Marxism, Chinese traditional, and socialist values. The development of Marxism in China not only demonstrates the adaptability of theory to specific historical conditions but also provides valuable examples to understand theoretical innovations in similar socio-cultural contexts.

Key words: Marxism, Marxist philosophy, Sinicization of Marxism, Chinese culture, cultural modernization, tradition, values, globalization.

Введение

Глобализационные процессы влияют на все культуры мира, включая китайскую. Необходимость осуществления модернизации культуры становится тем вызовом времени, на который необходимо отвечать со всей ответственностью перед будущим. Модернизируются материальная и духовная культура Китая, происходит системная модерни-

зация всех сфер общества, которая имеет философско-идеологическое обоснование – марксистскую философию, получившую свое развитие и дополнение в трудах политических лидеров, определяющих основные направления культурной политики страны.

Осуществляющийся в настоящее время процесс культурной трансформации нуждается в теоретическом осмыслении, а его идейно-мировоззренческие основы – в экспликации. Этим объясняется актуальность настоящего исследования.

Научный руководитель – Елена Владимировна Свечникова, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси

Теоретической базой исследования стали работы, в которых анализируется процесс модернизации культуры Китая: работа Хэ Чуаньци, в которой раскрывается суть китайской культурной модернизации в международном контексте; исследование философа Дун Бяо, в котором затрагиваются аксиологические аспекты культурной модернизации; работы Чжан Дайняня, Хоу Дунчэна, Ту Кэгуо, где раскрываются существенные характеристики процесса культурной модернизации в Китае и практика применения философии марксизма в культуротворческом и культурно-инновационном процессах (Хуан Кайфэн, Чжан Дайнянь и др.).

Целью исследования является определение роли марксистской философии в культурной модернизации Китая.

Задачи исследования:

- 1) эксплицировать философские основы культурной модернизации Китая;
- 2) выявить цели культурной модернизации и провести анализ ценностей, лежащих в основе социокультурных преобразований современного китайского общества.

Объект исследования – современная китаизированная марксистская философия как фактор развития и модернизации культуры Китая.

Материалами исследования стали аналитические и философские труды ученых Китайской академии наук, Центра исследований модернизации Китая, Института идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи при Пекинском университете и др.

В работе использованы общенаучные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, обобщение, сравнительный анализ.

Для анализа ценностной основы марксистской философии и ее влияния на общество и культуру применен аксиологический подход.

Философско-идеологические аспекты культурной модернизации рассматриваются сквозь призму философско-культурологического анализа.

Марксистская философия с китайской спецификой как основа культурной модернизации современного Китая

Культурная модернизация тесно связана с практикой социальных преобразований в Китайской Народной Республике.

В условиях сочетания глобализации и локализации академическое понимание культурной модернизации изменялось, и со временем была сформирована органичная теоретическая система, сочетающая универсальные законы с конкретными путями развития.

Понятие «культурная модернизация» с точки зрения китайской научной гуманитарной мысли – это комплексное обновление и модернизация культурной системы страны от ценностей и концепций до содержания, форм культуры и методов распространения культурных образцов, с целью адаптации к современным социально-экономическим, политическим и технологическим условиям. Это включает в себя не только модернизацию культурных продуктов и услуг, но (что еще важнее) модернизацию культурных концепций, культурных институтов и методов культурного участия.

«Если Земля – материальный дом человечества, то культура – духовный дом человечества, а культурная жизнь – духовная жизнь человечества. Если экономическая модернизация – это модернизация материальной жизни человечества, то культурная модернизация – это модернизация духовной жизни человечества, модернизация духовного дома человечества. С обогащением материальной жизни потребность в духовной жизни растет с каждым днем, и значение культуры и культурной модернизации становится все более заметным» [1, с. 1]. Из этого следует, что культурная модернизация представляет собой всеобъемлющую самореформу культурных систем, которая производится в целях адаптации к современным экономическим и социальным условиям. Как отмечает директор Центра исследований модернизации Китая при Академии наук КНР Хэ Чуаньци, «модернизация охватывает сложный процесс формирования, развития, трансформации и международного взаимодействия современной культуры; интерактивный процесс инноваций, отбора, распространения и изыятия культурных элементов; а также международное взаимодействие, в котором различные страны стремятся догнать, достичь и сохранить лидирующие позиции в глобальных культурных изменениях» [2, с. 153]. Иными словами, идет постоянный процесс появления новых культурных элементов, заменяющих старые, а различные страны, развиваясь и заимствуя

друг у друга положительный опыт, формируют глобальный «культурный рынок». При этом важным аспектом становится конкурентоспособность страны на «культурном рынке».

Доктор философии Дун Бяо, научный руководитель докторантуры в Институте идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи при Пекинском университете, утверждает: «В новую эпоху достижение широкого мирового признания и принятия модернизации в китайском стиле имеет решающее значение не только с точки зрения ВВП, производства крупномасштабного оборудования и передовой науки и технологий, но... с точки зрения влияния на идеологические теории и культурные ценности» [3, с. 38]. Суть культурной модернизации можно свести к целостной реформе ценностей, культурных институтов, методов распространения культуры. С точки зрения аксиологии культура смещается от традиционных, консервативных ценностей к современным, балансируя между рациональностью и этикой гуманности. По содержанию культура творчески интерпретирует культурные традиции, обобщая современный социальный опыт для формирования современных и универсальных культурных практик. Относительно методов распространения и функционального позиционирования культура выходит за рамки географических и медийных ограничений, создавая трансвременную и транспространственную систему культурной коммуникации. В то же время она расширяет свою функцию от простого обучения до духовного руководства, услуг по распространению знаний и формирования единой ценностной системы. Поэтому, чтобы превзойти западные стандарты модернизации и использовать парадигму и направляющую роль китайской модернизации, мы должны отстаивать принцип китайской субъективности и китайской культуры, постоянно укреплять культурную уверенность и самостоятельность, содействовать творческой трансформации и инновационному развитию традиционной культуры, опираясь на ее корни, впитывая зарубежные влияния и устремляясь в будущее. Опираясь на усиление коммуникационной силы китайской культуры, мы должны представить миру достоверный, привлекательный и достойный уважения образ

Китая и сформировать саму суть дискурса китайской модернизации [3, с. 38].

Кроме того, процесс модернизации всегда сопровождается развитием и вызовами, представляя собой постоянное стремление человечества к идеальной социальной форме. В этом контексте роль человека считается ключевым элементом в практике модернизации. Как отмечает доцент кафедры политологии и истории Таншаньского педагогического университета Го Хайли, «модернизация – это практический способ для людей стремиться к идеальному государству. Возникающие при этом трудности и негативные последствия подчеркивают проблему модернизации человечества. Социальная модернизация невозможна без модернизации человечества; эти два фактора взаимно усиливают друг друга» [4, с. 57]. Эта точка зрения также отражает то, что культурное развитие – это динамичный, целостный процесс, а не частичное или формальное обновление. Культурная модернизация и развитие человека неразрывно связаны между собой, и для достижения устойчивого и скоординированного развития модернизация должна проводиться с учетом как материальных, так и гуманистических аспектов. Это также демонстрирует, что конечная цель любой культурной реформы – это содействие всестороннему развитию людей на практике. В целом культурная модернизация – это системный проект, движимый базовыми ценностями, пронизывающий все аспекты и в конечном итоге направленный на развитие самих людей.

Процесс культурной модернизации Китая определяется следующим образом: «Процесс культурной модернизации Китая – это сложный интерактивный процесс между традиционной и современной культурами, а также между национальной и зарубежной культурами» [1, с. 14]. Выбранный Китаем путь культурной модернизации постепенно обрел черты, отличающие его от западной модели. Его суть кроется в традиционной культуре Китая, марксизме и социалистических принципах. Эти три составляющие образуют устойчивую идейную, теоретическую и ценностную основу, которая определяет уникальный путь развития страны.

Во-первых, марксистское руководство предоставляет фундаментальную методологию, которая позволяет диалектически рас-

смагивать взаимосвязь между традицией и современностью, избегать одностороннего культурного развития и способствовать достижению динамического равновесия в культурном развитии. С философской точки зрения марксистская методология не только предоставляет аналитические инструменты, но и способствует культурной рефлексии и инновациям, гарантируя, что культурная модернизация неразрывно связана с реальностью. В контексте глобализации этот принцип становится еще более важным, позволяя китайской культуре открыто впитывать внешние элементы, сохраняя при этом собственную логическую связность. «Теория комплексных культурных инноваций», предложенная Чжан Дайнянем, известным современным китайским философом, дает объяснение и иллюстрацию этого принципа. Он подчеркнул: «В культурном развитии я всегда отстаивал концепцию “комплексных инноваций”... Я выступаю против тотальной вестернизации и теории китайского культурного превосходства. Я должен анализировать китайскую и западную культуры, развивая прекрасные традиции и впитывая лучшие черты западной культуры. Это сочетание называется комплексными инновациями... Эта новая культурная система, руководствующаяся принципами марксизма-ленинизма и основанная на социалистических ценностях, объединяет сильные стороны китайской и западной культур для обновления китайской культуры. Она является одновременно продолжением традиционной культуры и выходом за рамки существующей. Это и есть новая культура» [5, с. 15].

Во-вторых, богатое наследие традиционной культуры Китая составляет краеугольный камень его национальной идентичности. «В процессе китаизации марксизма традиционная китайская культура преобразовалась в соответствии с реальными потребностями. Придавая большое значение практике, уважая историю и адаптируясь к концепции модернизации, она исследовала новые формы и постепенно достигла творческой трансформации. Именно эту цель преследует модернизация традиционной китайской культуры... Сегодня модернизационное строительство в Китае не может основываться на человеческих чувствах, ностальгии по родине или патриотизме. Оно должно основываться на договорах, конку-

ренции как условия и эффективности как принципе. Только на этой основе можно говорить о человеческих чувствах и справедливости» [6, с. 68]. Это рассуждение директора Института философии Шанхайской академии общественных наук Хуан Кайфэна указывает на доминирующее положение традиционной культуры в процессе модернизации и неизбежный путь ее творческой трансформации. В ней также рассматривается важнейший вопрос, как традиционная культура может сохранять свою жизнеспособность в условиях модернизации. Субъективность традиционной культуры заключается не в замкнутом, самодостаточном сохранении, а в постоянной корректировке своих коннотаций и преобразовании своих форм посредством активного диалога и интеграции с иностранными культурами. Это позволяет эффективно избегать ограничений культурной изоляции, одновременно используя ее глубокое наследие для извлечения ценных ресурсов, точно адаптируя эти традиционные ресурсы к потребностям современной эпохи. Это гарантирует, что традиционная культура в своем творческом преобразовании прочно укоренена в фундаменте национальной идентичности и не отклоняется от основополагающего направления развития китайской культуры.

Наконец, ее социалистическая природа фундаментально определяет ее ценностную ориентацию. Директор Института социализма с китайской спецификой при партийной школе провинции Гуандун Чжан Цзинь критически отмечает, что «любая культурная политика, противоречащая основным социалистическим ценностям, наносит ущерб развитию передовой социалистической культуры» [7, с. 80]. Он также предложил практическую теорию «постоянного повышения культурной продуктивности, расширения внутреннего культурного спроса и инноваций на рынке культурного потребления», подтвердив, что культурное развитие должно отдавать приоритет инклюзивности и справедливости, поощрять различных субъектов к активному участию в культурном творчестве и избегать монополии и отчуждения культурных ресурсов. В конечном счете, это обеспечивает совместное использование культурных достижений народом, что отличает ее от модели культурного развития, движимой логикой капитала.

Подводя итог, можно сказать, что три характеристики марксистского руководства, фундамента выдающейся традиционной культуры Китая и социалистических качеств имеют свою стержневую позицию и тесно взаимосвязаны. Первая задает направление, средняя укрепляет основу, а вторая уточняет ценностную ориентацию. Вместе они составляют фундаментальную гарантию упорядоченного продвижения культурной модернизации Китая и сохранения его собственной субъективности.

Однако для глубокого понимания сути культурной модернизации необходимо рассмотреть недостатки прошлого культурного развития Китая. Традиционная китайская культура в начале Нового времени характеризовалась закрытостью, монополией элит на культурные ресурсы, культурной стагнацией и т. д. Эти недостатки было необходимо преодолеть. И общество, в первую очередь интеллигенция несколько десятилетий вели дискуссии по ключевым проблемам культуры. В итоге «культурная модернизация Китая неотделима как от традиционной культуры, так и от международного взаимодействия» [1, с. 14].

Таким образом, сохранение культурной идентичности при переходе от прежней закрытости и монополии к открытости и совместному использованию – это фундаментальная проблема культурной модернизации Китая. Это не отрицание традиций, но их восстановление и совершенствование. Глобализационные процессы не только инспирируют культурную модернизацию, но и укладывают ее.

Вице-президент Мянъянской муниципальной философской ассоциации профессор Хоу Дунчэн отметил: «Чтобы сохранить свои отличительные особенности, нация должна сделать это посредством процесса принятия модернизации. Для достижения своих собственных интересов и целей социального развития она должна использовать рыночные силы, предоставляемые глобализацией, или участвовать в процессе глобализации. Нация или страна, изолированная от мира, какими бы яркими ни были ее уникальные особенности, в конечном итоге окажется безжизненной» [8, с. 44–45].

Глобализация, предоставляя ресурсы для культурных инноваций и расширяя международные перспективы, также несет с со-

бой глубокие противоречия и проблемы в китайской культурной сфере. Конкуренция в экономической, военной и культурной сферах становится все более ожесточенной. Такая международная ситуация создает благоприятные внешние условия для роста китайского культурного разнообразия и международного культурного обмена и сотрудничества. Однако она создает и серьезные проблемы обострения межнациональных конфликтов, культурной экспансии и культурной гомогенизации.

В академических кругах прошли обсуждения проблем, с которыми сталкивается культурное развитие Китая. Социальный философ, бывший президент Международного института конфуцианских исследований Шаньдунской академии общественных наук Ту Кэгуо констатировал, что «в процессе создания культурной мощи культурное развитие Китая сталкивается не только со сложной международной обстановкой, но и с вызовами новой внутренней ситуации: как устранить идеологические препятствия на пути развития и построить передовую социалистическую культуру Китая; как ускорить индустриализацию, маркетинговую и интернационализацию культуры, одновременно способствуя достижению целей материального строительства цивилизации, повышая уровень культурных учреждений и качество культурной жизни во всем обществе и непрерывно удовлетворяя растущие культурные потребности широких масс; как усилить культурное строительство Китая в условиях политической многополярности, экономической и культурной глобализации, жесткой научно-технической конкуренции, информационного взаимодействия и дальнейшего развития и совершенствования внутренней рыночной экономики» [9, с. 2].

По отношению к основным целям культурной модернизации сочетание этих внутренних и международных вызовов еще больше подчеркивает специфику китайского пути развития. Цель культурной модернизации Китая заключается не в саморазвитии в замкнутой среде, а в поиске независимого развития в глобальном культурном ландшафте, в котором долгое время доминировали развитые западные страны.

Проведение культурной модернизации Китая в условиях глобализации идет на основе марксистской философии, дополнен-

ной идеями Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху. Как отметил доктор философии Шэнь Сянпин, «марксизм эффективен не только потому, что его основные принципы научны, но и потому, что он обладает свойством теоретической инновации, идущей в ногу со временем» [10, с. 112].

Заключение

Проведенный анализ показал, что специфическим проявлением китаизации марксизма в сфере культуры в современных условиях является постоянное исследование культурной модернизации на основе марксистской методологии. Марксистская философия обладает значительным теоретическим инновационным потенциалом, благодаря чему китайская культура может развиваться, отвечая вызовам времени. Это позволяет эффективно направлять практику культурной модернизации Китая, дополняя традиционную китайскую культуру социалистическими ценностями, и формируя путь культурного развития с китайской специфи-

кой. Культурная модернизация – это не только систематическое обновление ценностных концепций, форм содержания и методов коммуникации, но и практический процесс конструирования культурной субъективности в условиях противоречий между глобализацией и локализацией.

Новизна работы состоит в том, что в ней обобщен опыт новейших исследований культурной модернизации Китая и выделены три ее важнейших аспекта: марксистская философия, социалистические принципы и ценности и философско-мировоззренческие основания традиционной культуры.

Основная задача культурной модернизации Китая заключается в установлении баланса между традицией и современностью, локальным и глобальным. Идет реконструкция духовных основ культуры Китая, непрерывное институциональное развитие и внедрение культурных инноваций, формируется независимый китайский культурный дискурс в рамках глобальной межкультурной коммуникации, что создает основу для развития глобального культурного разнообразия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 中国现代化报告2009: 文化现代化研究 / 中国现代化战略研究课题组. –北京: 中国科学院中国现代化研究中心, 2008. – 22 页. = Отчет о модернизации Китая за 2009 год: исследование культурной модернизации / Исслед. группа по стратегии модернизации Китая. – Пекин : Центр исслед. модернизации Китая Китайск. Акад. наук, 2008. – 22 с.
2. 何传启. 中国文化现代化的路径图 / 何传启 // 中国科学院院刊. – 2009. – Vol. 24, № 2. – Р. 152–158. = Хэ Чуаньци. Путь культурной модернизации Китая / Хэ Чуаньци // Журнал Академии наук Китая. – Т. 24, № 2. – 2009. – С. 152–158.
3. 董彪. 中国式现代化的传统文化根基 / 董彪 // 东北师大学报: 哲学社会科学版. – 2023. – № 3. – Р. 33–40. = Дун Бяо. Традиционные культурные основы модернизации в китайском стиле / Дун Бяо // Журнал Северо-Восточного педагогического университета: философия и социальные науки. – 2023. – № 3. – С. 33–40.
4. 郭海莉. 论现代化、人与人的现代化 / 郭海莉 // 唐山师范学院学报. – 2003. – № 6. – Р. 55–58. = Го Хайли. О модернизации и модернизации в отношениях между людьми / Го Хайли // Журнал Таншаньского педагогического колледжа. – 2003. – № 6. – С. 55–58.
5. 张岱年. 文化传统和综合创新 / 张岱年 // 江海学刊. – 2003. – 10月. – Р. 14–15. = Чжан Дайнянь. Культурные традиции и комплексные инновации / Чжан Дайнянь // Журнал исследований Цзяньхай. – 2003. – Окт. – С. 14–15.
6. 黄凯锋. 马克思主义中国化与中国传统文化现代化的互动融合 / 黄凯锋 // 毛泽东邓小平理论研究期刊. – 2010. – Vol. 8, № – Р. 65–87. = Хуан Кайфэн. Интерактивная интеграция китаизации марксизма и модернизации традиционной китайской культуры / Хуан Кайфэн // Исследования по теории Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. – 2010. – Т. 8, № 1. – С. 65–87.
7. 张谨. 中国文化现代化的矛盾分析及解决途径 / 张谨 // 甘肃社会科学期刊. – 2010. – № 1. – Р. 76–80. = Чжан Цзинь. Анализ и решения противоречий в культурной модернизации Китая / Чжан Цзинь // Журнал социальных наук Ганьсу. – 2010. – № 1. – С. 76–80.

8. 侯东成. 全球化与马克思主义哲学的发展 / 侯东成 // 天府新论期刊. – 2001. – № 4. – P. 42–45. = Хоу Дунчэн. Глобализация и развитие марксистской философии / Хоу Дунчэн // Tianfu New Theory. – 2001. – № 4. – С. 42–45.
9. 涂可国. 全球化背景下的中国文化发展之道 / 涂可国 // 人文天下期刊. – 2017. – 9月. – P. 2–12. = Ту Кэгуо. Путь развития китайской культуры в контексте глобализации / Ту Кэгуо // Мир гуманитарных наук. – 2017. – Сент. – С. 2–12.
10. 沈湘平. 中国式现代化道路的传统文化根基 / 沈湘平 // 中国社会科学. – 2022. – № 8. – P. 109–207. = Шэнь Сянпин. Традиционная культурная основа пути модернизации Китая / Шэнь Сянпин // Китайские общественные науки. – 2022. – № 8. – С. 109–207.

REFERENCES

1. 中国现代化报告2009: 文化现代化研究 / 中国现代化战略研究课题组. –北京: 中国科学院中国现代化研究中心, 2008. – 22 p. = Otchet o modernizatsii Kitaya za 2009 god: issledovanie kul'turnoj modernizatsii / Issled. gruppа po strategii modernizatsii Kitaya. – Pekin : Tsentr issled. modernizatsii Kitaya Kitais. Akad. nauk, 2008. – 22 s.
2. 何传启. 中国文化现代化的路径图 / 何传启 // 中国科学院院刊. – 2009. – Vol. 24, Nr 2. – P. 152–158. = Khe Chuan'tsi. Put' kul'turnoy modernizatsii Kitaya / Khe Chuan'tsi // Zhurnal Akademii nauk Kitaya. – T. 24, № 2. – 2009. – S. 152–158.
3. 董彪. 中国式现代化的传统文化根基 / 董彪 // 东北师大学报: 哲学社会科学版. – 2023. – Nr 3. – P. 33–40. = Dun Byao. Traditsionnye kul'turnye osnovy modernizatsii v kitaiskom stile / Dun Byao // Zhurnal Severo-Vostochnogo pedagogicheskogo universiteta: filosofiya i sotsial'nye nauki. – 2023. – № 3. – S. 33–40.
4. 郭海莉. 论现代化、人与人的现代化 / 郭海莉 // 唐山师范学院学报. – 2003. – Nr 6. – P. 55–58. = Go Hajli. O modernizacii i modernizacii v otnosheniyakh mezhdu lyud'mi / Go Hajli // Zhurnal Tanshan'skogo pedagogicheskogo kolledzha. – 2003. – № 6. – С. 55–58.
5. 张岱年. 文化传统和综合创新 / 张岱年 // 江海学刊. – 2003. – 10月. – P. 14–15. = Chzhan Dainyan'. Kul'turnye traditsii i kompleksnye innovatsii / Chzhan Dainyan' // Zhurnal issledovaniy Tszyankhai. – 2003. – Okt. – S. 14–15.
6. 黄凯锋. 马克思主义中国化与中国传统文化现代化的互动融合 / 黄凯锋 // 毛泽东邓小平理论研究期刊. – 2010. – Vol. 8, Nr – P. 65–87. = Khuan Kaifen. Interaktivnaya integratsiya kitaizatsii marksizma i modernizatsii traditsionnoi kitaiskoi kul'tury / Khuan Kaifen // Issledovaniya po teorii Mao Tszeduna i Den Syaopina. – 2010. – T. 8, № 1. – S. 65–87.
7. 张谨. 中国文化现代化的矛盾分析及解决途径 / 张谨 // 甘肃社会科学期刊. – 2010. – Nr 1. – P. 76–80. = Chzhan Tszin'. Analiz i resheniya protivorechii v kul'turnoi modernizatsii Kitaya / Chzhan Tszin' // Zhurnal sotsial'nykh nauk Gan'su. – 2010. – № 1. – S. 76–80.
8. 侯东成. 全球化与马克思主义哲学的发展 / 侯东成 // 天府新论期刊. – 2001. – № 4. – P. 42–45. = Khou Dunchen. Globalizatsiya i razvitie marksistskoj filosofii / Khou Dunchen // Tianfu New Theory. – 2001. – № 4. – S. 42–45.
9. 涂可国. 全球化背景下的中国文化发展之道 / 涂可国 // 人文天下期刊. – 2017. – 9月. – P. 2–12. = Tu Keguo. Put' razvitiya kitaiskoi kul'tury v kontekste globalizatsii / Tu Keguo // Mir gumanitarnykh nauk. – 2017. – Сент. – S. 2–12.
10. 沈湘平. 中国式现代化道路的传统文化根基 / 沈湘平 // 中国社会科学. – 2022. – Nr 8. – P. 109–207. = Shen' Syanpin. Traditsionnaya kul'turnaya osnova puti modernizatsii Kitaya / Shen' Syanpin // Kitaiskie obshchestvennye nauki. – 2022. – № 8. – S. 109–207.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.01.2026

Ксения Владимировна Дирко

магистр полит. наук, преподаватель-стажер каф. истории и социальных наук
Белорусского государственного университета иностранных языков

Ksenia Dirko

Master of Political Sciences, Trainee-Lecturer of the Department of History and Social Sciences
of Belarusian State University of Foreign Languages
e-mail: kseniadirko13@gmail.com

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ: КОНЦЕПТ И КЛЮЧЕВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Исследуются место и значение политики памяти в политической науке, осуществляется концептуальное осмысление этого понятия и выявление его ключевых измерений. Анализируются различные подходы ученых в области политологии и истории к определению политики памяти и ее разграничению со смежными понятиями (историческая политика, символическая политика). Особое внимание уделяется выражению основных идей и отличительных особенностей политики памяти в различных теоретических моделях, а также определению роли и значения этого инструмента в контексте его практического применения в современных политических процессах.

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, символическая политика, политизация истории, коммеморация.

Memory Policy: the Concept and Key Dimensions in Political Science

The article is devoted to the study of the place and significance of memory politics in political science, and is also aimed at conceptualizing memory politics and identifying its key dimensions. The article analyzes various approaches of scientists in the field of political science and history to the definition of memory politics and its differentiation from related concepts (historical politics, symbolic politics). Special attention is paid to expressing the main ideas and distinctive features of memory politics in various theoretical models, as well as defining the role and significance of memory politics in the context of its practical application in modern political processes.

Key words: politics of memory, historical politics, symbolic politics, politicization of history, commemoration.

Введение

В современном мире история все чаще становится ареной политических конфликтов и инструментом конструирования национальной идентичности, что обуславливает повышенный интерес к исследованиям в области политики памяти. В этой связи проблема исследования политики памяти выходит на первый план, как в области теоретического осмысления основных ее положений, так и для правильной практической интерпретации исторических событий.

Интерес к исследованию политики памяти проявляют многие ученые, работающие как в области истории, так и в сфере политологии. Особое значение в изучении теоретических аспектов этой проблематики имеют труды О. Ф. Русаковой, П. Нора, О. В. Нагорных, Л. М. Неяковского, Д. А. Аникина, Г. Касьянова, А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, С. П. Поцелуева,

А. Г. Цымбала, С. С. Лифанова, С. Льюиса, Дж. Вавжиняка и Р. Трабы.

Так, О. Ф. Русакова, П. Нора, А. Г. Цымбал, О. Ю. Малинова и С. П. Поцелуев исследуют вопросы происхождения и соотношения политики памяти с другими концептами, такими как историческая и символическая политика.

С. С. Лифанов, О. В. Нагорных, Л. М. Неяковский, Д. А. Аникин, А. И. Миллер, С. Льюис, Дж. Вавжиняк и Р. Траба анализируют отличительные черты, особенности становления и реализации политики памяти в различных государствах. Несмотря на значительное количество исследований в области политики памяти, проблема остается актуальной в связи с усиливающейся политизацией истории в современном мире.

Актуальность исследования политики памяти в первую очередь обусловлена отсутствием в научном сообществе единого понимания понятия «политика памяти». Это

создает трудности для исследований, поскольку разные авторы могут вкладывать в него разный смысл. Поэтому актуальна научная проблема уточнения концепта политики памяти и выделения его ключевых измерений.

Актуальность исследования повышает то, что в ряде государств существуют острые противоречия, связанные с разными интерпретациями исторических событий. Эти расхождения приводят к социальной напряженности, политической нестабильности и даже вооруженным столкновениям. Исследование политики памяти помогает понять причины идеологических столкновений и найти пути их разрешения. В последнее время в условиях активной цифровизации общества появляются новые формы коммеморации, новые способы доступа к исторической информации и новые каналы коммуникации. Поэтому на современном этапе развития общества актуально не только понимать, как конструируется память о прошлом, но и критически оценивать предлагаемые нарративы. Такой подход позволяет выявлять манипуляции и другие формы искажения истории.

Цель статьи – выявить сущность концепта политики памяти и охарактеризовать его ключевые измерения в политической науке. Задачи статьи:

- 1) сформировать четкое и операциональное определение, которое может быть использовано в дальнейших исследованиях;
- 2) разграничить концепт «политики памяти» со смежными концептами (историческая политика, символическая политика) и выявить их взаимосвязь;
- 3) оценить влияние политики памяти на политическую систему общества.

Основная часть

В современной политике наблюдается активное использование исторического знания. Различные политические акторы, преследуя собственные цели, формируют определенные представления о национальной идентичности, легитимируют свои действия и мобилизуют электорат, опираясь на исторические нарративы. В этой связи анализ политики памяти приобретает особую важность, позволяя выявить политические мотивы, лежащие в основе предлагаемых интерпретаций прошлого.

Изучение отношения к прошлому в научной литературе характеризуется разнообразием используемых понятий, описыва-

ющих схожие явления и процессы: историческая политика, политика памяти, политика прошлого, коллективная и социальная память, культура памяти, политическое использование прошлого, символическая политика и другие соперничающие между собой определения. Вопрос памяти привлекает внимание историков по всему миру, что в сочетании с различиями в исторических контекстах и методологических подходах обуславливает широкий спектр исследований по данной тематике.

Современные исследования, посвященные изучению «памяти», – это междисциплинарная исследовательская область, разработку которой ведут представители политической науки и истории с конца 1990-х гг. Политизация истории оказывается процессом, при котором исторические нарративы, факты и интерпретации используются для достижения политических целей, укрепления идеологий или легитимации определенных политических сил. Политика памяти выступает инструментом, играющим ключевую роль в данном процессе, формируя то, как общество помнит прошлое и какие уроки из него извлекает.

В научном сообществе наряду с понятием «политика памяти» активно используется и понятие «историческая политика». Нередко оба понятия используются как взаимозаменяемые. Однако все больше исследователей подчеркивают необходимость их разграничения. Понятие «политика памяти» впервые появилось во Франции для обозначения неразрывной связи между политическими процессами и интерпретациями истории [1, с. 65].

Понятие же «историческая политика» возникло в Германии в 1980-е гг. и стало распространенным в посткоммунистических государствах после его повторного введения в научный оборот группой польских историков в 2004 г. [1, с. 66].

В настоящее время среди ученых отсутствует консенсус в отношении определения и содержания понятия «политика памяти». Разнообразие подходов к этой теме, демонстрируемое исследователями, лишь подчеркивает актуальность ее дальнейшего изучения.

Автором концепции «политики памяти» считается П. Нора, который исследует ее через призму «мест памяти». По его мнению, именно «места памяти», сочетающие в себе материальные и духовные аспекты,

становятся со временем благодаря целенаправленной деятельности важными символическими элементами национального наследия, формирующими коллективную память [2, с. 78].

По утверждению О. В. Нагорных, после падения социализма в Польше обрела популярность идея *polityka pamięci*, суть которой заключалась не в установлении исторической правды, а в использовании истории для целенаправленного формирования выгодного образа прошлого в общественном и индивидуальном сознании. Польские теоретики и практики посткоммунистической эпохи рассматривали «политику памяти» как набор инструментов для конструирования общественного мнения о прошлом с целью манипулирования настоящим [3, с. 95].

Польский социолог Лех Нияковский рассматривает «политику памяти» и «историческую политику» как синонимы, однако считает, что более корректно использовать понятие «политика памяти», под которым он понимает любые легальные и легитимные действия государственных институтов, направленные на формирование, изменение или укрепление коллективной памяти общества [4, с. 55].

Д. А. Аникин также считает понятие «политика памяти» наиболее подходящим для научного анализа и определяет его как целенаправленные действия по формированию востребованного образа прошлого в политическом контексте, выражающиеся в вербальных и визуальных практиках [5, с. 36].

Другого мнения придерживается украинский исследователь Г. Касьянов. Он предлагает различать «историческую политику» и «политику памяти». Первая, по его утверждению, являясь формой политической деятельности, направлена на конструирование и инструментализацию исторической памяти, а также представляет собой арену борьбы за власть. Она служит для обеспечения лояльности и поддержания идейно-политического контроля над обществом. В отличие от этого «политика памяти» – более узкое понятие, сфера влияния которого ограничивается формированием коллективной или исторической памяти, не затрагивая профессиональную историографию или дидактику истории [6, с. 27].

По мнению А. Миллера, история неизменно подвергается политизации, и это практически неизбежно. В связи с этим он определяет «политику памяти» как комп-

лекс практик, посредством которых различные политические силы стремятся закрепить конкретные трактовки исторических событий в качестве господствующих [7, с. 118]. При этом он подчеркивает, что доминирующую роль здесь играет государство.

Схожей позиции придерживается и О. Ю. Малинова. Она рассматривает «политику памяти» как деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение определенной версии коллективного прошлого и создание для этого необходимой культурной среды, системы образования и правовой базы. По ее утверждению, именно такое понимание наиболее адекватно отражает процессы, происходящие не только в глобальном масштабе, но и на региональном уровне [8, с. 63].

О. Ю. Малинова также обращает внимание на то, что «политика памяти» является составным элементом символической политики, которую она определяет как публичную деятельность, направленную на создание и продвижение интерпретаций социальной реальности и борьбу за их доминирование [8, с. 72]. Это поле взаимодействия акторов с разными интересами, стремящихся к утверждению своего видения.

Однако существует и иное понимание «символической политики». Так, С. Поцелуев определяет это направление как особый вид политической коммуникации, ориентированной на внушение смыслов посредством визуализации [9, с. 65].

Тем не менее О. Ю. Малинова, опираясь на теорию П. Бурдьё, подчеркивает, что «политику памяти» по праву можно считать одной из основных областей символической политики, поскольку внедрение новых представлений о реальности часто достигается через переосмысление прошлого или конструирование будущего, ограничивающее восприятие настоящего [8, с. 74].

При исследовании «политики памяти» А. Г. Цымбал приходит к выводу, что в науке существует дифференциация подходов к изучению данного понятия. Одни считают, что историческая политика является частью «политики памяти», другие же утверждают, что оба понятия входят в состав более крупной области – символической политики [10, с. 39].

Используя концепцию «черного ящика» Д. Истона, определить «политику памяти» можно как процесс преобразования внешних стимулов политической системой.

Согласно этой модели, политическая система реагирует на требования и поддержку, формируя решения и действия в сфере «политики памяти». Требования, связанные с перераспределением ценностей, выступают как один тип входных стимулов.

Другой тип – это поддержка, выражающая готовность общества одобрять политическую систему в том случае, если ее действия соответствуют общественным ожиданиям [11, с. 391]. Таким образом, поддержка со стороны общества выступает как один из ключевых факторов, определяющих эффективность политической системы в данной области.

На основании вышеизложенных мнений можно сформулировать общее авторское видение понятия «политика памяти». Итак, *политику памяти можно представить как систематизированную совокупность идей, ценностей и событий, в рамках которой происходит целенаправленное переосмысление прошлого и формирование образов будущего с целью влияния на восприятие настоящего.*

С практической точки зрения «политика памяти» в политической системе общества может рассматриваться как источник применения символических средств для достижения различных политических целей.

С. С. Лифанов утверждает, что в политической науке и в политике в целом «политика памяти» сосредоточена на проблемах власти, структуре властных отношений и ее легитимации [12, с. 81]. Также он отмечает, что в контексте политического менеджмента исследования «политики памяти» могут использоваться для достижения конкретной (хотя и не всегда очевидной) цели – конструирования дискурса идентичности, где «политика памяти» занимает центральное место. Этот дискурс, будучи частью идеологической стратегии государства и его информационной политики, может быть использован для манипулирования общественным мнением, эскалации или сглаживания конфликтов, а также для продвижения геополитических интересов [12, с. 86].

Различные же трактовки исторического прошлого могут провоцировать и усиливать ксенофобию. В этой связи необходимо государственное вмешательство, которое правомочно определять объективную истину в исторических аспектах. Роль государства в таких противоречиях способствует не только разоблачению ложных данных,

но и консолидации всего гражданского общества.

В своих рассуждениях С. С. Лифанов приходит к тому, что противоречия во мнениях о прошлом существуют не только между участниками одного общества, но и между сторонними по отношению друг к другу представителями обществ. Так, он приходит к выводу о наличии принципиальных различий между западно- и восточноевропейскими подходами к формированию «политики памяти». Эти различия, как показывают исследования, напрямую связаны с разными целями и мотивами, которыми руководствуются субъекты политической деятельности в указанных регионах для формирования и продвижения различных версий исторического прошлого [12, с. 88].

По мнению С. С. Лифанова, для западной модели «политики памяти» характерны следующие черты:

1. Доминирующая роль темы Холокоста и формирование чувства коллективной вины за прошлое, что часто заслоняет другие исторические события.

2. Замещение западноевропейской модели восточноевропейской линией двойных жертв.

3. Трансформация в идеологический проект для геополитического доминирования.

4. Активное использование новейших манипулятивных технологий и эмоционального воздействия в ущерб фактической точности и интеллектуальной глубине при конструировании исторической памяти в информационном пространстве постправды [12, с. 90].

Важной особенностью западноевропейской модели является активная актуализация упущенных событий национальной истории в общественном сознании и их восстановление в исторической памяти в публичном пространстве [13, с. 5].

К примеру, в государствах Балтии и Польше политика памяти зачастую используется для одностороннего переосмысления советского прошлого с возложением всей вины за преступления тоталитаризма исключительно на СССР и современную Россию как его правопреемника [14, с. 73].

В восточноевропейской модели приоритет в «политике памяти» отдается истории государства, при этом региональные практики коммеморации в основном касаются вопросов территориальной и политической самостоятельности. Особое внимание уделя-

ется юбилейным датам, связанным с единением региона или государства, его образованием как самостоятельной административной единицы или основанием городов. Эти события используются для подчеркивания их уникальности и символической значимости.

Исключительное значение имеет другой элемент коллективного прошлого – Великая Отечественная война. Она занимает центральное место в коммеморативных практиках, при этом государственная политика памяти пользуется широкой поддержкой населения, ведь масштаб трагедии Великой Отечественной войны затронул большое количество людей [15, с. 447].

Заключение

Итак, в рамках политической теории политика памяти имеет прикладное значение, поскольку ее исследование находится на стыке различных наук: политологии, истории и международных отношений. Ее изучение способствует ответу на важные для политической науки вопросы о власти и государстве. В научном сообществе наблюдается дифференцированный подход к исследованиям политики памяти и ее значения

для политики в целом. Политика памяти тесно соприкасается с исторической и символической политикой.

Таким образом, политику памяти можно представить как систематизированную совокупность идей, ценностей и событий, в рамках которых происходит целенаправленное переосмысление прошлого и формирование образов будущего с целью влияния на восприятие настоящего.

Основная задача политики памяти – выражение тесной связи между политикой и способами осмысления истории. Ключевые идеи заключаются в выражении конкретных представлений об истории для коллективного применения, а основным субъектом по ее формированию выступает государство.

В рамках исследования политики памяти сформированы две модели: западная и восточная. Первая основана на выражении определенных идей и исторических событий в качестве доминирующих в публичном пространстве путем применения тактик манипулирования. Восточная опирается на историю государства, ее важнейшие события и увековечивание памяти о Великой Отечественной войне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2015. – 376 с.
2. Nora, P. Ernest Lavis: Son rôle dans la formation du sentiment national / P. Nora // *Revue historique*. – 1962. – Nr 463. – P. 73–106.
3. Нагорных, О. В. Политика декоммунизации в современной Польше: сущность, направления, механизмы реализации : дис. ... канд. полит. наук : 5.5.2 / Нагорных Олег Владимирович ; Урал. федер. ун-т им. Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2022. – 205 л.
4. Nijakowski, L. M. Polska polityka pamięci : esej socjologiczny. / L. M. Nijakowski. – Warszawa : Wydaw. Akad. i Profesjonalne, 2008. – 270 s.
5. Аникин, Д. А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве / Д. А. Аникин // *Известия Саратовского университета*. – 2012. – № 2. – С. 34–41.
6. Касьянов, Г. Past Continuous: історична політика 1980-х – 2000-х. Україна та сусіди / Г. Касьянов. – Київ : Лау, рус. Антропос-Логос-Фільм, 2018. – 420 с.
7. Миллер, А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти / А. И. Миллер // *Полития*. – 2016. – № 1. – С. 111–121.
8. Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – М. : Полит. энцикл., 2015. – 207 с.
9. Поцелуев, С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме / С. П. Поцелуев // *Полис*. – 2012. – № 5. – С. 62–75.
10. Цымбал, А. Г. Историческая политика: к проблеме концептуализации понятия / А. Г. Цымбал // *Высэйшая школа*. – 2023. – № 4. – С. 38–41.
11. Easton, D. An Approach to the Analysis of Political System / D. Easton // *World Politics*. – 1957. – Nr 9. – P. 383–400.
12. Лифанов, С. С. Историческая память и наднациональная идентичность на Западе / С. С. Лифанов // *Дискурс-Пи*. – 2021. – № 4. – С. 78–93.

13. Lewis, S. Introduction: Regions of Memory in Theory: Regions of Memory / S. Lewis, J. Wawrzyniak // *Regions of Memory Transnational Formations* / Ed. by S. Lewis, J. Wawrzyniak, J. Olick, M. Pakier. – London, 2022. – P. 1–16.

14. Траба, Р. Польские споры об истории в XXI веке / Р. Траба // *Историческая политика в XXI веке*. – 2012. – № 3. – С. 65–102.

15. Миллер, А. И. Политика памяти в России – региональное измерение : монография / под ред. А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Д. В. Ефременко ; РАН, ИНИОН, Отд. полит. науки ; Центр по изучению культур. памяти и символической политики Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. – М. : Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН, 2023. – 471 с.

REFERENCES

1. Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovej. – Ekaterinburg : Diskurs-Pi, 2015. – 376 s.

2. Nora, P. Ernest Lavis: Son rôle dans la formation du sentiment national / P. Nora // *Revue historique*. – 1962. – Nr 463. – P. 73–106.

3. Nagornykh, O. V. Politika dekomunizatsii v sovremennoy Pol'she: sushchnost', napravleniya, mekhanizmy realizatsii : dis. ... kand. polit. nauk : 5.5.2 / Nagornykh Oleg Vladimirovich ; Ural. feder. un-t im. B. N. Yel'cina. – Yekaterinburg, 2022. – 205 l.

4. Nijakowski, L. M. Polska polityka pamieci : esej socjologiczny / L. M. Nijakowski. – Warszawa : Wydaw. Akad. i Profesjonalne, 2008. – 270 s.

5. Anikin, D. A. Strategii politiki pamyati na postimperskom prostranstve / D. A. Anikin // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. – 2012. – № 2. – S. 34–41.

6. Kas'yanov, G. Past Continuous: istorichna polityka 1980-kh – 2000-kh. Ukraina ta susydy / G. Kas'yanov. – Kyiv : Lau, rus. Antropos-Logos-Fil'm, 2018. – 420 s.

7. Miller, A. I. Politika pamyati v postkommunisticheskoy Yevrope i ee vozdeystvie na yevropeyskuyu kul'turu pamyati / A. I. Miller // *Politiya*. – 2016. – № 1. – S. 111–121.

8. Malinova, O. Yu. Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti / O. Yu. Malinova. – M. : Polit. encikl., 2015. – 207 s.

9. Poceluev, S. P. Simvolicheskaya politika: konstellyatsiya ponyatiy dlya podkhoda k probleme / S. P. Poceluev // *Polis*. – 2012. – № 5. – S. 62–75.

10. Cymbal, A. G. Istoricheskaya politika: k probleme konceptualizatsii ponyatiya / A. G. Cymbal // *Vysheyshaya shkola*. – 2023. – № 4. – S. 38–41.

11. Easton, D. An Approach to the Analysis of Political System / D. Easton // *World Politics*. – 1957. – Nr 9. – P. 383–400.

12. Lifanov, S. S. Istoricheskaya pamyat' i nadnatsional'naya identichnost' na Zapade / S. S. Lifanov // *Diskurs-Pi*. – 2021. – № 4. – S. 78–93.

13. Lewis, S. Introduction: Regions of Memory in Theory: Regions of Memory / S. Lewis, J. Wawrzyniak // *Regions of Memory Transnational Formations* / Ed. by S. Lewis, J. Wawrzyniak, J. Olick, M. Pakier. – London, 2022. – P. 1–16.

14. Traba, R. Pol'skie spory ob istorii v XXI veke / R. Traba // *Istoricheskaya politika v XXI veke*. – 2012. – № 3. – S. 65–102.

15. Miller, A. I. Politika pamyati v Rossii – regional'oe izmerenie : monografiya / pod red. A. I. Millera, O. Yu. Malinovej, D. V. Yefremenko ; РАН, ИНИОН, Отд. полит. науки ; Центр по изучению культур. памяти и символической политики Еввропейского ун-та в Санкт-Петербурге. – М. : Ин-т науч. информ. по обшchestv. naukam РАН, 2023. – 471 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 12.12.2025

УДК 327

DOI 10.63874/2218-0273-2026-1-57-63

Ирина Александровна Малиук*магистр полит. наук, аспирант 2-го года обучения каф. политологии
Белорусского государственного экономического университета***Irina Maliuk***Master of Political Science, 2-nd Year Postgraduate Student
of the Department of Political Science of Belarusian State Economic University
e-mail: irina_st66@mail.ru*

РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В ПРОТИВОСТОЯНИИ ВНЕШНЕМУ ВМЕШАТЕЛЬСТВУ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Исследуется роль исламского фактора как инструмента противодействия внешнему вмешательству в странах Ближнего и Среднего Востока на примере Ирана, Ливана и Афганистана. Анализируется влияние исламского фактора на укрепление суверенитета, формирование устойчивых государственных институтов, социальную консолидацию и обеспечение внутренней и региональной безопасности. Особое внимание уделяется механизмам мобилизации общества, институционализации власти и использованию религиозной идентичности для противостояния внешнему давлению. Сделан вывод, что если глобализацию понимать не только как процесс экономической интеграции, но и как механизм закрепления американского влияния через международные институты и транснациональные корпорации, то сопротивление этому влиянию становится многомерным стратегическим действием, трансформируется в широкую, многоуровневую антиимпериалистическую борьбу, охватывающую различные регионы мира.

Ключевые слова: исламский фактор, внешнее вмешательство, региональная безопасность, исламская революция.

The Role of the Islamic Factor in Countering Foreign Interference in the Countries of the Middle East

This article examines the role of the Islamic factor as a tool for countering external interference in the countries of the Near and Middle East, using Iran, Lebanon and Afghanistan as examples. It analyses the influence of the Islamic factor on strengthening sovereignty, forming stable state institutions, social consolidation, and ensuring internal and regional security. Particular attention is paid to the mechanisms of mobilising society, institutionalising power, and using religious identity to counter external pressure. It is concluded that if globalization is understood not only as a process of economic integration, but also as a mechanism for consolidating American influence through international institutions and transnational corporations, then resistance to this influence becomes a multidimensional strategic action, and resistance to it is transformed into a broad, multi-level anti-imperialist struggle encompassing various regions of the world.

Key words: Islamic factor, external interference, regional security, Islamic revolution.

Введение

Ближний и Средний Восток на протяжении длительного исторического периода выступает одним из ключевых центров мировой политики. Географическое положение региона, расположенного на пересечении транспортных и торговых маршрутов, определило его устойчивую значимость для внешних акторов. Накопленные здесь запасы

энергоресурсов, а также высокая концентрация культурных, религиозных и цивилизационных центров формируют многослойный характер регионального развития и одновременно повышают уровень его уязвимости к внешнему воздействию. Внешнее вмешательство в страны региона проявляется комплексно: через военные интервенции (операции в Ираке 1991 и 2003 гг., в Афганистане и Ливии 2011 г.), экономическое давление (санкции, контроль экспортно-импортных потоков) и информационные воздействия, включая медийные кампании и пропаганду.

Цель статьи – определить роль исламского фактора как механизма противо-

Научный руководитель – Юлианна Игоревна Малевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений Белорусского государственного университета

действия внешнему вмешательству и укреплению суверенитета государств региона.

Задачи исследования:

1) анализ исторического и современного проявления исламского фактора в регионе;

2) оценка влияния исламского фактора на формирование устойчивых государственных институтов и внутреннюю безопасность;

3) анализ примеров использования исламского фактора в противостоянии иностранному давлению на примере Ирана, Ливана и Афганистана.

В статье исламский фактор рассматривается как ключевой элемент политической идентичности и социального консенсуса, способный обеспечивать внутреннюю и региональную устойчивость.

Основная часть

Исламский фактор представляет собой комплексное явление, включающее политические, социальные, культурные и идеологические проявления, формируемые влиянием ислама как религии на региональные и глобальные процессы. С одной стороны, это традиционные религиозные ценности, которые формируют политическую культуру, укрепляют общественные институты и определяют нормы взаимодействия внутри общества. С другой стороны, это действия различных политических и вооруженных формирований, оперирующих исламской риторикой в целях достижения своих стратегических и тактических задач. В политическом измерении исламский фактор проявляется в формировании государственной идеологии в ряде стран Ближнего и Среднего Востока, где ислам одновременно служит источником легитимности власти и средством мобилизации общества.

В ряде научных работ исламский фактор описывается преимущественно через призму активности исламистских групп и движений, опирающихся на религиозную риторику. Они формируют давление на политическую динамику, международные процессы и механизмы обеспечения национальной безопасности отдельных государств. К исламскому фактору в этом случае относят фундаменталистские течения, радикальные формы религиозного активизма, такие

как ваххабизм, салафизм, иные идеологически жесткие направления [1, с. 69].

Подобное восприятие сложилось на фоне длительных конфликтов в странах Ближнего и Среднего Востока и усиления активности транснациональных террористических сетей в 1990–2000-е гг. В результате исламский фактор на протяжении длительного времени рассматривался преимущественно через призму насильственных радикальных проявлений. Вместе с тем такой подход не позволяет полностью оценить многообразие механизмов, посредством которых ислам оказывает влияние на социально-политические процессы. В нашем исследовании предлагается рассмотреть исламский фактор как комплекс ценностных, институциональных и идентификационных структур, способствующих повышению устойчивости государств и усилению их способности противостоять внешним воздействиям.

Одним из наглядных примеров такого противостояния служит Исламская революция 1979 г. в Иране, которая стала следствием сложного сочетания социальных, экономических и политических факторов. Политика шаха Мохаммеда Резы Пехлеви, ориентированная на радикальную вестернизацию и укрепление прозападного авторитарного режима, сопровождалась масштабной концентрацией власти, коррупцией и нарушением традиционных религиозных норм. Несправедливое распределение нефтяных доходов, социальное расслоение, рост урбанизированного бедного населения, отсутствие социальных лифтов и жесткая деятельность спецслужбы САВАК привели к массовому недовольству населения [2].

Исламский фактор в данном случае проявился как объединяющая сила, способная формировать коллективную идентичность и мобилизовать широкие слои населения на достижение общих целей. Риторика аятоллы Рухоллы Хомейни, построенная на антимонархических и антиимпериалистических мотивах, придала протесту духовную легитимность. Она превратила социальное недовольство в организованное политическое движение, способное противостоять внешнему вмешательству, прежде всего со стороны США и западных держав, поддерживавших шахский режим.

После падения монархии был проведен референдум, по результатам которого население утвердило создание Исламской Республики Иран. Конституция, принятая в декабре 1979 г., закрепила ключевые принципы государственной политической системы Исламской Республики Иран, в основе которой лежит концепция «Вилайят-е факих» – верховенства исламского права. Эта модель позволила создать централизованную систему управления, способную поддерживать стабильность и контролировать функционирование всех государственных институтов [2].

Неотъемлемым элементом внешней стратегии западных держав является контроль над информационным пространством. Противники США, такие как Китай, Россия, Иран и их региональные партнеры, становятся объектами системной дезинформации, направленной на подрыв легитимности их политических институтов. В случае с Ираном западная пропаганда часто изображает Исламскую революцию как катастрофическое событие, приведшее к власти «диктаторов». При этом системно игнорируются социальные и экономические проблемы, которые существовали в стране до 1979 г.

До революции большинство населения страны не имело доступа к базовым социальным и медицинским услугам. Средняя продолжительность жизни в сельской местности не превышала 50 лет, две трети населения страдали от недоедания, а уровень грамотности был крайне низок. Результаты экономического и социального развития при этом концентрировались в руках узкой элиты и приближенных к шахскому режиму групп. В этом контексте Исламская революция положила начало процессам более справедливого распределения ресурсов и социальной интеграции населения.

На международной арене независимый внешнеполитический курс Ирана стал фактором сдерживания интервенций США и их союзников на Ближнем Востоке. Тегеран сыграл важную роль в ликвидации террористических анклавов, таких как «Исламское государство» в Ираке и Сирии, а также продолжает препятствовать распространению экстремистских группировок в регионе.

После свержения шахского режима страна взяла курс на использование собственных природных и экономических ресур-

сов в интересах национального развития и обеспечения благосостояния населения. Несмотря на многолетние экономические санкции и фактическую международную изоляцию, Иран сумел достичь ощутимых результатов в различных секторах экономики и науки. По показателю ВВП с учетом паритета покупательной способности в 2024 г. страна входила в двадцатку ведущих экономик мира [3]. В области научных исследований и разработок страна занимает 15-е место среди мировых государств, демонстрируя высокий уровень инновационного потенциала [4].

Важным стратегическим направлением является интеграция экономического и инфраструктурного потенциала страны с соседними регионами. Объединение возможностей многомиллионного населения Ирана и Центральной Азии открывает значительные перспективы для экономического роста и укрепления региональной кооперации. В этом контексте особое значение имеют подписанные соглашения о зоне свободной торговли с Евразийским экономическим союзом, а также реализация крупных транспортно-логистических проектов, таких как международный коридор «Север – Юг» и китайская инициатива «Один пояс – один путь» [5].

Следование религиозным принципам не устраняет политических противоречий и не отменяет необходимости политической борьбы, без которой невозможно динамичное социальное развитие. Однако Исламская революция 1979 г. стала ярким примером того, как религиозный фактор может выступать объединяющей и мобилизующей силой. Влияние Хомейни и шиитского духовенства позволило создать устойчивые институциональные структуры, способные контролировать ключевые сферы власти, обеспечивать легитимность нового политического режима и защищать страну от внешнего давления. Более того, на протяжении более чем сорока лет существования Исламская Республика Иран демонстрировала устойчивость своей системы и способность адаптироваться к политическим, экономическим и социальным вызовам. Победа революции стала прецедентом для государств Ближнего и Среднего Востока, продемонстрировав потенциал религиозных норм

и ценностей как инструмента противодействия внешнему вмешательству.

Другим примером функционирования исламского фактора в качестве механизма сопротивления внешней интервенции является ситуация в Ливане, где на основе шиитской общины сформировалось движение «Хезболла». Его возникновение относится к первой половине 1980-х гг. и связано с изменениями в региональной политической структуре после израильского военного вторжения 1982 г. В этих условиях шиитские районы Ливана испытали наиболее серьезное давление, что создало социально-политический запрос на формирование сил самообороны и политического представительства.

Начиная с 1990-х гг. «Хезболла» прошла эволюцию от полувоенной организации к значимому политическому субъекту Ливана. Первое участие в парламентских выборах в 1992 г. принесло движению 8 из 128 депутатских мандатов. В дальнейшем парламентское присутствие укрепилось: в 2018 г. «Хезболла» получила 12 мест, а в 2022 г. – 13. Однако ее политическое влияние значительно шире прямого представительства в законодательном органе. В условиях фрагментированной и конфессионально распределенной политической системы Ливана «Хезболла» играет ключевую роль в коалиционном процессе. Ее парламентская фракция «Верность сопротивлению» входит в «Альянс 8 марта». Блок также объединяет крупнейшую христианско-националистическую силу страны – «Свободное патриотическое движение». Коалиция удерживает доминирующие позиции и в исполнительной власти: из 24 министров действующего кабинета 16 принадлежат политическим силам «Альянса 8 марта», включая двух членов «Хезболлы».

Военно-политический аспект деятельности «Хезболлы» достиг кульминации в 2000 г., когда Израиль был вынужден вывести войска с оккупированных территорий Южного Ливана после 18-летнего присутствия. Этот отход был воспринят значительной частью ливанского общества как победа движения и укрепил его легитимность. Следующее масштабное противостояние произошло в ходе Второй ливанской войны 2006 г., когда Израиль предпринял очередную попытку подавления военного потен-

циала организации. Однако кампания завершилась без стратегических достижений Израиля. Спустя 34 дня боевых действий израильские войска покинули территорию Ливана, не достигнув поставленных целей [6].

Международное отношение к движению «Хезболла» остается поляризованным. Террористической организацией «Хезболлу» признают Аргентина, Австралия, Австрия, Бахрейн, Великобритания, Гватемала, Германия, Гондурас, Израиль, Канада, Колумбия, Литва, Нидерланды, ОАЭ, Парагвай, Сербия, Словения, США, Чехия, Эстония. Ряд государств, включая Францию и Новую Зеландию, а также Европейский союз, квалифицируют террористическим лишь ее военное крыло. При этом такие крупные международные акторы, как Китай и Россия, не относят движение к террористическим структурам.

Таким образом, в ливанском контексте исламский фактор проявляется как структурный элемент, позволяющий местным политическим силам противостоять внешнему давлению и интервенциям. «Хезболла» служит примером того, как религиозно мотивированная организация может трансформироваться в устойчивый политический институт, обладающий значительным социальным, политическим и военно-стратегическим потенциалом, определяющим траекторию развития Ливана и баланс сил на Ближнем Востоке.

Не меньшую роль в региональных процессах играет Афганистан. После вывода советских войск в начале 1990-х гг. страна оказалась в состоянии политического хаоса. Свержение режима президента Наджибуллы в 1992 г. привело к соперничеству между различными группировками моджахедов за контроль над территорией и ресурсами. Именно в этот период возник «Талибан» – движение, первоначально состоявшее из религиозно ориентированных студентов («талибов») и молодых мулл из племенных общин. Их идеологической целью стало создание государства, основанного на ортодоксальном шариате, с устранением коррумпированных лидеров моджахедов и западного влияния. Движение быстро расширило свое влияние на юго-западные регионы страны, захватило провинцию Герат в 1995 г. и Кабул в 1996 г., провозгласив Исламский Эмират Афганистан. К концу 1998 г. талибы

контролировали почти 90 % территории страны [7].

Роль исламского фактора проявлялась в Афганистане в нескольких измерениях. Во-первых, религия обеспечивала легитимизацию власти Талибана. Во-вторых, ислам служил культурно-политическим каркасом для восстановления порядка в условиях социальной дезорганизации. В-третьих, исламская идентичность позволяла противостоять внешнему вмешательству, формируя локальные структуры самоуправления и сопротивления иностранному идеологическому и военному влиянию.

При этом международное сообщество оценивало деятельность Талибана крайне отрицательно. Период присутствия США в Афганистане охватывает более двух десятилетий (с 2001 г.). Вмешательство было оправдано необходимостью борьбы с терроризмом и свержением режима Талибана. В течение двадцати лет Соединенные Штаты и их союзники контролировали ключевые регионы страны, финансировали проамериканские правительства и формировали военные структуры, ориентированные на внешние интересы. Этот период характеризовался значительными затратами на поддержание военной и административной инфраструктуры, многочисленными жертвами среди гражданского населения, разрушением социально-экономических связей и устойчивой государственности [8].

Несмотря на внешнюю поддержку, проамериканские правительства Афганистана так и не смогли установить полный контроль над территорией страны. Военные операции и помощь моджахедам создавали временные очаги стабильности, однако общенационального порядка достичь не удавалось. Внутренние конфликты, коррупция и социальная нестабильность оставались постоянной проблемой. Присутствие иностранных сил воспринималось значительной частью населения как оккупация, что усиливало антиамериканские настроения и стимулировало сопротивление. Вывод войск США в 2021 г. стал прямым следствием политической и военной активности Талибана, который сумел консолидировать силы и установить контроль над всей территорией страны [9].

Таким образом, можно утверждать, что Афганистан продемонстрировал способность проводить независимую внутреннюю

и внешнюю политику, опираясь на национальные интересы и исламские ценности. Возвращение Талибана к власти позволило стране восстановить суверенитет и самостоятельно определять приоритеты в управлении государством и формировании внешнеполитического курса.

Активное взаимодействие с крупными державами, такими как Китай, Россия и Иран, стало ключевым элементом внешней политики Афганистана. Эти страны рассматриваются Кабулом как гарант региональной стабильности. Поддержка со стороны Пекина выражается в инвестициях в инфраструктурные проекты и транспортные коридоры, расширении торговых связей и дипломатическом признании, включая аккредитацию посла Афганистана [10]. Россия проявляет готовность рассмотреть возможность снятия с Талибана статуса террористической организации [11]. Иран, ранее критически настроенный к Талибану из-за его внутренней политики, демонстрирует постепенное смягчение позиции. С учетом негативного опыта американского военного присутствия в Афганистане Тегеран видит потенциал конструктивного сотрудничества с Кабулом. Переговоры касаются вопросов безопасности, границ, торговли, водных ресурсов и противодействия террористическим угрозам, включая «Исламское государство» и другие экстремистские группировки [12].

Заключение

Если глобализацию понимать не только как процесс экономической интеграции, но и как механизм закрепления американского влияния через международные институты и транснациональные корпорации, то сопротивление этому влиянию становится многомерным стратегическим действием. Это сопротивление трансформируется в широкую, многоуровневую антиимпериалистическую борьбу, охватывающую различные регионы мира. В такой интерпретации глобальная система оказывается ареной противостояния между центрами силы и социально-политическими акторами, выступающими за сохранение автономии, культурной самобытности и политического суверенитета.

С точки зрения западных держав подобные формы сопротивления квалифицируются как проявление международного

терроризма. Однако для движений, действующих на Ближнем Востоке и в других регионах, они представляют собой механизмы политической самообороны, направленные против вмешательства, экономической эксплуатации и попыток внешнего контроля. Эти акторы проявляют себя не только в традиционных зонах напряженности Ближнего и Среднего Востока, но и в различных частях мира: в государствах Южной и Северной Америки, на территории Европы, а также в странах Юго-Восточной Азии. В этих регионах они действуют в рамках широкой сети контактов, симпатизирующих групп и союзнических структур, которые формируются на основе общих антигегемонистских настроений. Таким образом, противостояние превращается в многоуровневый феномен

борьбы против однополярного мирового порядка и универсализации интересов западных держав.

В результате формируется своеобразный транснациональный фронт. Несмотря на его неоднородность, он объединен общей целью – противодействием политическому, экономическому и культурному доминированию США. Глобализация в таком понимании перестает быть нейтральным процессом и становится полем борьбы за распределение власти в мировом масштабе. А действия акторов, сопротивляющихся внешнему давлению, приобретают значение важного элемента международной политической динамики, формирующей новые конфигурации глобального порядка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пузырев, Д. Исламский фактор в мировой политике / Д. Пузырев // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 3. – С. 67–73.
2. Исламская революция в Иране 1979 // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». – 2023. – URL: <https://bigenc.ru/c/islamskaia-revoliutsiia-v-irane-1979-afef01> (дата обращения: 13.11.2025).
3. Иран: ВВП на душу населения, ППС // The Global Economy. – 2024. – URL: https://ru.theglobaleconomy.com/Iran/GDP_per_capita_PPP/ (дата обращения: 13.11.2025).
4. Иран занимает 15-е место в мире по производству науки // IRNA. – 2024. – URL: <https://clck.ru/3QPDYM> (дата обращения: 13.11.2025).
5. Страны ЕАЭС планируют развивать евразийскую транспортную инфраструктуру с учетом коридоров «Север – Юг» и «Восток – Запад» // ЕЭК. – 2025. – URL: <https://eec.eaeunion.org/be/news/strany-eaes-planiruyut-razvitie-evraziyskoy-transportnoy-infrastruktury-s-uchetom-koridorov-sever-yu/> (дата обращения: 13.11.2025).
6. Левитт, М. «Хезболла»: глобальные следы деятельности ливанской «Партии Бога» / М. Левитт // Ближний Восток: нефть и политика. – 2014. – С. 115–150.
7. Феномен движения Талибан // Институт стратегического анализа и прогноза. – 2023. – URL: <https://www.isap.center/article/636> (дата обращения: 15.11.2025).
8. Гасайниев, З. Г. Военная операция США на территории Афганистана в 2001–2014 гг. и ее последствия / З. Г. Гасайниев // Символ науки. – 2020. – № 2. – С. 20–23.
9. Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределенность / И. А. Сафранчук, М. А. Конаровский, Г. Г. Мачитидзе [и др.]. – М. : МГИМО, 2022. – 32 с.
10. Си Цзиньпин принял верительные грамоты от посла талибов // Ведомости. – 2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/02/01/1017825-si-tszipin-prinyal-veritelnegramoti-ot-posla-talibov> (дата обращения: 15.11.2025).
11. Решение об исключении «Талибана» из списка террористов принято на высшем уровне // ТАСС. – 2025. – URL: <https://tass.ru/politika/22043279> (дата обращения: 15.11.2025).
12. Новый шаг Тегерана и Кабула по устранению препятствий на пути всестороннего сотрудничества // NourNews. – 2023. – URL: <https://NourNews.ir/n/154661> (дата обращения: 15.11.2025).

REFERENCES

1. Puzyrev, D. Islamskij faktor v mirovoj politike / D. Puzyrev // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2011. – № 3. – S. 67–73.
2. Islamskaya revolyuciya v Irane 1979 // Nauchno-obrazovatel'nyj portal «Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya». – 2023. – URL: <https://bigenc.ru/c/islamskaia-revoliutsiia-v-irane-1979-afef01> (data obrashcheniya: 13.11.2025).
3. Iran: VVP na dushu naseleniya, PPS // The Global Economy. – 2024. – URL: https://ru.theglobaleconomy.com/Iran/GDP_per_capita_PPP/ (data obrashcheniya: 13.11.2025).
4. Iran zanimaet 15-e mesto v mire po proizvodstvu nauki // IRNA. – 2024. – URL: <https://clck.ru/3QPDYM> (data obrashcheniya: 13.11.2025).
5. Strany EAES planiruyut razvivat' evrazijskuyu transportnuyu infrastrukturu s uchetom koridorov «Sever – Yug» i «Vostok – Zapad» // YeEK. – 2025. – URL: <https://eec.eaeunion.org/be/-news/strany-eaes-planiruyut-razvitie-evraziyskoy-transportnoy-infrastruktury-s-uchetom-koridorov-sever-yu/> (data obrashcheniya: 13.11.2025).
6. Levitt, M. «Khezbolla»: global'nye sledy deyatel'nosti livanskoj «Partii Boga» / M. Levitt // Blizhniy Vostok: nef't i politika. – 2014. – С. 115–150.
7. Fenomen dvizheniya Taliban // Institut strategicheskogo analiza i prognoza. – 2023. – URL: <https://www.isap.center/article/636> (data obrashcheniya: 15.11.2025).
8. Gasajniev, Z. G. Voennaya operaciya SShA na territorii Afganistana v 2001–2014 gg. i ee posledstviya / Z. G. Gasajniev // Simvol nauki. – 2020. – № 2. – S. 20–23.
9. Afganistan posle smeny rezhima: vnutrennyaya i mezhdunarodnaya neopredelennost' / I. A. Safranchuk, M. A. Konarovskij, G. G. Machitidze [i dr.]. – M. : MGIMO, 2022. – 32 s.
10. Si Czin'pin prinyal veritel'nye gramoty ot posla talibov // Vedomosti. – 2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/02/01/1017825-si-tszinpin-prinyal-veritelnies-gramoti-ot-posla-talibov> (data obrashcheniya: 15.11.2025).
11. Reshenie ob isklyuchenii «Talibana» iz spiska terroristov prinyato na vysshem urovne // TASS. – 2025. – URL: <https://tass.ru/politika/22043279> (data obrashcheniya: 15.11.2025).
12. Novyj shag Tegerana i Kabula po ustraneniyu prepyatstvij na puti vsestoronnego sotrudnichestva // NourNews. – 2023. – URL: <https://NourNews.ir/n/154661> (data obrashcheniya: 15.11.2025).

Руканіс наступіў у рэдакцыю 03.12.2025

Денис Анатольевич Войсковой

*соискатель каф. политологии Белорусского государственного университета,
зам. нач. отдела 581 Главного центра анализа и прогноза
Вооруженных Сил Республики Беларусь*

Denis Voyskovoy

*Deputy Head of the Department the 581st Main Center for Analysis and Forecast
of Armed Forces of the Republic of Belarus
e-mail: Voyskovoy1@gmail.com*

ФЕНОМЕН МЕЖДУНАРОДНОГО КОНФЛИКТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Рассматриваются различные модели международных отношений в Европейском регионе, способные обеспечить купирование эскалации военно-политической напряженности. Снижение международной конфликтности, в эпицентр которой вовлечена и Республика Беларусь, рассматривается на основе применения действенных инструментов разрешения конфликтов без применения военной силы. Как результат анализа научного дискурса о природе конфликтности в контексте текущей военно-политической обстановки представлено авторское видение международного конфликта и его особенностей.

Ключевые слова: *природа конфликтности, геополитическая напряженность, международные отношения, военно-политическая обстановка.*

The Phenomenon of International Conflict in the Context of Globalization

Various models of international relations in the European region are considered, which can provide relief from the escalation of military-political tension. The reduction of international conflict, in the epicenter of which the Republic of Belarus is involved, is considered based on the use of effective conflict resolution tools without the use of military force. As a result of the analysis of the scientific discourse on the nature of conflict in the context of the current military-political situation, the author's vision of the international conflict and its peculiarities is presented.

Key words: *the nature of conflict, geopolitical tension, international relations, military-political situation.*

Введение

Современный мир находится в состоянии глобальной геополитической напряженности, обусловленной процессами разрушения сложившегося мирового порядка [1]. Формирование многополярной модели мироустройства осложняется возникновением конфликтов интересов, борьбой за природные ресурсы и переделом сфер влияния основных центров силы. Международные организации по обеспечению безопасности разбалансированы и не обеспечивают стратегическую стабильность, более того: они фактически стали инструментом влияния стран Запада, используемым для придания легитимности применению военной силы против неугодных государств [2].

Научный руководитель – Николай Николаевич Левчук, доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник НИИ Вооруженных Сил Республики Беларусь, профессор кафедры политологии Белорусского государственного университета

Это способствует снижению порога применения военной силы при урегулировании кризисных ситуаций, а также беспрецедентному росту попыток внешнего вмешательства во внутренние дела государств для продвижения национальных и коллективных интересов в нарушение общепризнанных норм и принципов международного права [3, с. 7]. Использование инструментов «мягкой силы», в основе которых – активное влияние на массовое сознание через информационное и экономическое воздействие, применение прокси-инструментов в военных целях, санкционная политика Запада в целом привели к кризису коллективной безопасности Европы. Происходит нарастание угроз политического насилия и экстремизма, в том числе религиозного и идеологического фундаментализма, международного терроризма, религиозной нетерпимости, ксенофобии, агрессивного национализма, сепаратизма и транснациональной организованной преступности [1].

Цель исследования – выявление основных особенностей международного конфликта в условиях глобализации.

Основная часть

Философско-политическое резюме дискуссии о природе международной конфликтности в XXI в. лаконично сформулировал видный конфликтолог, член-корреспондент РАН В. А. Кременюк. Он выделил ее общий знаменатель как борьбу за выживание и амбиции правящих классов [4, с. 31]. В настоящей статье в качестве крайнего проявления международной конфликтности рассматривается война как столкновение крупных интересов [5, с. 118]. Исходя из этого, феномен международного конфликта раскрывается на основе подхода политического реализма, апеллирующего к концепции баланса сил [6] и стратегического сдерживания [7] в рамках представлений о природе международной конфликтности, изложенных в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее – КНБ).

На фоне превалирования негативных факторов, отражающих повышение уровня международной конфликтности, наблюдается обратная тенденция, способствующая формированию новой конструкции международных отношений, построенной на принципах равноправного и уважительного взаимодействия всех акторов мирового политического процесса, – многополярного мира. Данная тенденция позволяет сформулировать наиболее животрепещущий вопрос формирования устойчивой и надежной среды коллективной безопасности: возможно ли создать такие условия для международных отношений, которые бы обеспечивали купирование конфликтных кризисных ситуаций и выработку действенных инструментов их разрешения без применения военной силы? Кроме того, правомерен вопрос: способно ли человечество создать механизмы бесконфликтного международного взаимодействия в принципе? Для ответов на них рассмотрим некоторые взгляды на природу международной конфликтности в мировом научном дискурсе. Доктор философских наук, профессор А. Н. Чумаков в статье «Культурно-цивилизационные разломы глобального мира» отмечает, что «конфликты – это естественное состояние в истории чело-

вечества, современное положение в мире не является исключением. Конфликт является обязательной и неотъемлемой частью любого социального и политического процесса» [8], резюмируя, таким образом, взгляды группы авторов, размышляющих в логике «столкновения цивилизаций» [9] и рассматривающих «реальную политику» в русле цивилизационной конкуренции.

О неразрывности любого социального взаимодействия и конфликта говорили уже древние философы. Так, Конфуций утверждал, что причина конфликта в социальном неравенстве и природных различиях людей, которые порождают злобу и заносчивость, одновременно соглашаясь с невозможностью построения идеального общества. Аналогичных подходов придерживались Аристотель, Августин Блаженный и Т. Гоббс. Гераклит, основатель концепции единства и взаимопроникновения противоположностей, воспринимал конфликт как суть всех вещей, а война, по его мнению, «есть всего отец и всего царь» [10, с. 53].

С зарождением социологии сформировалась целая плеяда концепций, которые по-своему трактовали причину конфликта в обществе, при этом суть взглядов сохранилась. Один из родоначальников эволюционизма английский философ Г. Спенсер считал, что социальный конфликт вечен и неустраним [11, с. 5], что обусловливается особенностями капитализма. Критик данной концепции, один из влиятельных теоретиков анархизма П. Кропоткин, в работе «Взаимопомощь как фактор эволюции» обосновывал, что кооперация и взаимопомощь в природе и обществе является более естественным явлением в борьбе за выживание, чем конкуренция. По его мнению, борьба оправдана лишь тогда, когда она ведет к возникновению новых форм солидарности [12, с. 5]. При этом он также признавал неизбежность зарождения конфликтов.

Диалектическая концепция раскрывает гегелевский постулат, который заключается в том, что общество развивается на основе принципа единства и борьбы противоположностей. Принципиальным отличием взглядов философов Нового времени от взглядов мыслителей Древнего мира, Античности или Средневековья стало то, что в качестве основы государственных конфликтов ими рассматривается не столько борьба

за власть и территории, сколько классовая борьба и противоречия идеологий. С развалом СССР и разрушением биполярной системы международных отношений проблема конфликтности на почве антагонистических идеологических установок не потеряла своей актуальности, хотя американский политолог Ф. Фукуяма поспешил провозгласить эру либерализма без идеологических противостояний и противоречий под водительством Запада [14]. Однако провалившаяся попытка формирования Западом однополярной модели мироустройства не только не привела к стабилизации геополитической обстановки в мире, но и стимулировала возникновение еще большего количества кризисных регионов, чем было в эпоху биполярности.

Именно в качестве ответа Ф. Фукуяме и реакции на сформировавшуюся тенденцию другой американский ученый С. Хантингтон выдвинул идею столкновения цивилизаций – зарождения конфликтных явлений (разломов) на стыках (границах) девяти цивилизаций [9, с. 22]. Данная концепция позволяет интерпретировать происходящие с 90-х гг. прошлого века по периметру бывшего СССР дестабилизационные процессы, события «Арабской весны», а также существующие труднопреодолимые противоречия по линиям Россия – страны Запада, Китай – страны Запада, Индия – Китай, Латинская Америка – США и в целом нашла поддержку на постсоветском пространстве. Концепция позволила сформировать методический арсенал политических практик «управляемого хаоса» и «мягкой силы», которые были применены американскими специалистами для создания политической и социальной турбулентности на линиях цивилизационных разломов в целевых регионах планеты. В настоящее время значительное влияние на стремительные изменения в международной обстановке оказывают начавшиеся с конца XX в. информационная революция и глобализация. Если изначально они были инструментами продвижения прозападных ценностей и «демократического мира», то на современном этапе это фактически трудно контролируемый поток событий – стратегическая нестабильность, в той или иной степени влияющая на всех акторов международных отношений.

На наш взгляд, международный конфликт – это одна из форм разрешения межгосударственных и коалиционных противоречий как и политико-дипломатическими средствами, так средствами прокси-войны и вооруженной борьбы. Феномен международной конфликтности апеллирует к мотивационным типам конфликтного поведения геополитических акторов. В этом смысле истоки международного конфликта оцениваются различными научными школами с точки зрения столкновения интересов в рамках целого комплекса мотивов – от борьбы за ресурсы до продвижения или даже навязывания определенной ценностной повестки. Пожалуй, наиболее полный комплекс такой мотивации в новейшей истории проявился во внутреннем вооруженном конфликте на Юго-Востоке Украины, ставшей ареной столкновения геополитических интересов России и коллективного Запада. Тот же комплекс реализуется и непосредственно в российско-украинском военном конфликте – СВО, проводимой Российской Федерацией на территории Украины. Систематизация мотивов, формирующих природу международной конфликтности, в значительной мере коррелирует с перечнем сфер национальной безопасности и источниками военных угроз, определяющих спектр военных опасностей для Республики Беларусь [2]. В целом комплексная репрезентация этих сфер и источников формирует системно-методологическую базу для реализации прогностической функции военной науки, выявления перспективного облика войны и прогностического понимания сущности вооруженной борьбы, военно-политического прогнозирования.

Вступление мира в эпоху глобальных трансформаций привело к кардинальным изменениям социально-экономического ландшафта во всех странах мира и повышению международной конфликтности. Вхождение в информационную (постиндустриальную) эпоху сопровождается ростом социального неравенства и разрушением классовой структуры индустриального общества, что при одновременном развитии средств коммуникации обеспечило резкий рост количества и масштабов различных социальных и политических движений.

В результате опыт управляемого хаоса и цветных революций стал и фактом

политической жизни на Западе, выпустившем когда-то этого «джинна из бутылки». Движения «Возмущенных» в Испании (2011), «Желтых жилетов» во Франции (2018–2019), «Жизнь черных имеет значение» в США (2020) и другой протестной активности – от маршей женщин в Польше до фермерских забастовок по всей Европе – говорят сами за себя. Социальное неравенство было источником конфликтности и в прежние времена, но в современных интерпретациях оно позиционируется уже на глобальном уровне с приданием ему характера столкновения цивилизационных интересов.

История едва ли знает примеры достаточно протяженного во времени бесконфликтного сосуществования народов и цивилизаций. Практически всегда столкновение их интересов приводило к кризисам и политической турбулентности. С учетом отсутствия в настоящих условиях возможности формирования идеального «светлого будущего», лишённого разделений по социальному или цивилизационному признаку, именно этот аспект в конечном итоге позволяет сделать вывод о невозможности формирования бесконфликтных общественных и международных отношений. Поэтому вопрос о возможности создания действенных инструментов по разрешению конфликтов без применения военной силы выходит за рамки сугубо философских изысканий и становится ключевым элементом политической практики, позволяющей решать задачи по предупреждению и урегулированию возникающих противоречий в политической сфере. Научная политологическая рефлексия по этому вопросу имеет междисциплинарный характер, базируясь на общеполитических подходах к пониманию международной конфликтности.

На наш взгляд, главное влияние на возникновение (эскалацию) вооруженных конфликтов XXI в. оказывают факторы, связанные с политическими противоречиями между государствами или блоками государств. Именно в политической сфере, как в фокусе, концентрируются другие факторы, связанные с противоречиями системы общественных отношений: экономическими, социальными, духовными, межнациональными и иными. Поэтому политические факторы неразрывно связаны с факторами противоречий в системе экономических отно-

шений, которые затрагивают важнейшие стороны жизнедеятельности людей и непосредственно влияют на социальное положение населения.

Экономические противоречия приводят к возникновению военных конфликтов, являясь фактором столкновения геополитических центров силы. Этнонациональный фактор, вызванный противоречиями в сфере духовно-идеологических отношений, наиболее часто проявляется в процессе возникновения внутренних вооруженных конфликтов, но он также является опосредованным отражением экономических противоречий и столкновения интересов внешних геополитических игроков. Сохранение роли ядерного оружия следует рассматривать в ряду важных факторов придания государству или государственному объединению статуса геополитического центра силы [15]. В политической сфере, апеллирующей к диалектическому пониманию мироустройства, формируется наиболее полная объяснительная модель многогранной природы конфликтных явлений, интегрируемых в рамках цивилизационного подхода. Такой комплексный подход при изучении современных тенденций в феноменологии международной конфликтности позволяет заметить, что существует целый ряд факторов ослабления международной конфликтности. Характерным подтверждением тому является Республика Беларусь, которая, находясь на стыке цивилизационного разлома, вопреки активному деструктивному влиянию со стороны «демократического мира», оказалась способной нивелировать их отрицательное воздействие, реализуя национальные интересы и наращивая экономический потенциал. Устойчивости белорусской государственности способствовали такие важнейшие стабилизирующие факторы, как монолитность силового блока страны, менталитет ее граждан, в целом не склонных к аффективным действиям, а также сильный политический лидер с твердыми целевыми установками, не поддающийся на провокационные действия внешних сил.

Пониманию обстоятельств, определяющих форму конкретного конфликта главным образом способствуют установление его первопричин (источников), возможностей противоборствующих сторон по воздействию на внешнюю и внутреннюю поли-

тическую среду (в том числе характеристики глав государств и ключевых лиц, участвующих в принятии политических решений), наличие экономических ресурсов и политических рычагов влияния для реализации своих целей, а также других факторов. Выступая в качестве социодинамического фактора, провоцирующего одновременно и развитие, и упадок политической системы, конфликты равно стимулируют социальные (политические) субъекты как к созданию новых инструментов достижения целей, обеспечивая прогресс, так и формирование условий социокультурной деградации, как это произошло в ходе украинского Майдана. Но не произошло в Республике Беларусь, в которой решительные действия властей и монолит силового блока позволили отразить дестабилизирующее вторжение извне.

Межгосударственные взаимодействия, выстраивающиеся в условиях острой конкурентной борьбы, даже теоретически не могут быть представлены как бесконфликтные. В основе как межгосударственного, так и внутреннего конфликта вне зависимости от того, в какой плоскости происходит столкновение (противоречие), всегда заложено политическое измерение. На фоне усиления конкурентной борьбы мировых центров силы за расширение сфер влияния наблюдается обострение информационного противоборства, а также других форм и способов стратегии не прямых действий, в том числе через опосредованное применение силовых инструментов, включая санкционное давление.

Таким образом, ни в настоящее время, ни в обозримом будущем невозможно создать условия (механизмы), обеспечивающие такое международное взаимодействие, при котором исключается вероятность применения военной силы. Протекающие на всех этапах от зарождения до разрешения конфликтов процессы в целом поддаются описанию и прогнозированию, а в некоторых случаях купированию сугубо политическими средствами, что позволяет принимать адекватные складывающейся обстановке решения. Используя имеющиеся политические инструменты, можно ослабить деструктивные процессы или сместить вектор подобного воздействия в интересах формирования более выгодной политической позиции.

Заклучение

Особенности международного конфликта в современных условиях состоят в стирании границ между миром и войной. Можно с высокой долей вероятности предполагать, что коллективный Запад в интересах сохранения своего доминирования, но не желая вступать в прямую конфронтацию, в первую очередь с Китаем и Россией, продолжит более агрессивно применять методы прокси-войны против геополитических конкурентов, включающие в себя политическое, информационное, экономическое и военное давление в рамках «сдерживания», а также технологии цветных революций.

В этой связи Республика Беларусь без сомнения будет являться объектом подобного воздействия, направленного на смену политического курса и вовлечения в сферу влияния западного мира. И здесь нельзя исключать ни очередных попыток реализации инструментов цветных революций, ни попыток «подкупа» белорусской общественности через мнимую оттепель в отношениях, которые по определению должны поддерживаться в постоянном режиме добрососедства, чего не происходит по вине Запада. При этом устойчивость Минска перед геополитической агрессией напрямую будет зависеть от сохранения единства во взглядах граждан страны, в том числе лиц, принимающих решения, экономического потенциала и политического веса государства на международной арене.

В условиях глобализации межгосударственные взаимодействия, выстраиваемые в процессе коалиционной межблоковой геополитической борьбы, по определению не могут быть бесконфликтными. При этом в основе феномена международного конфликта вне зависимости от того, в какой плоскости происходит столкновение (противоречие), всегда заложено политическое измерение, отражающее столкновение интересов в какой бы то ни было сфере (геополитической, экономической, технологической, информационной, демографической и т. д.). В то же время основой зарождения предпосылок международного конфликта в качестве, на наш взгляд, основного остается цивилизационный фактор, реализуемый в столкновении интересов и нарастании глобальной геополитической напряженности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. – Мн. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 62 с.
2. Военная доктрина Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 6. – Мн. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 32 с.
3. Бuzин, Н. Е. Военная доктрина Республики Беларусь – вершина науки и практики : монография / Н. Е. Бuzин, П. Н. Муравейко, В. А. Тумар. – Мн. : Науч.-исслед. ин-т Вооруженных Сил Респ. Беларусь, 2024. – 176 с.
4. Кременюк, В. А. Международные конфликты: проблемы управления и контроля / В. А. Кременюк. – М. : ИСКРАН, 2006. – 222 с.
5. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2007. – 864 с.
6. Kennan, G. F. The Sources of Soviet Conduct / G. F. Kennan // Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25, iss. 4. – P. 566–582.
7. Муравейко, П. Н. Реализация прогностической функции военной науки / П. Н. Муравейко // Наука и военная безопасность. – 2024. – № 3. – С. 2–8.
8. Чумаков, А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира / А. Н. Чумаков // Век глобализации. – 2015. – № 2 (16). – С. 35–48. – URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/vg/2015_2 (дата обращения: 06.02.2025).
9. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2014. – 571 с.
10. Гераклит Ефесский. Фрагменты / Гераклит Ефесский ; пер. В. Нилендера. – М. : Мусагет, 1910. – 147 с.
11. Спенсер, Г. Личность и государство / Г. Спенсер. – М. : АСТ, 2023. – 224 с.
12. Кропоткин, П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции / П. А. Кропоткин. – М. : Самообразование, 2007. – 235 с.
13. Маркс, К. О диалектическом и историческом материализме : сборник / К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1984. – 636 с.
14. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2010. – 588 с.
15. Левчук, Н. Н. Факторы и условия возникновения военных конфликтов в XXI веке / Н. Н. Левчук, Д. Н. Каршакевич, Ю. И. Балыко // Наука и военная безопасность. – 2022. – № 2. – С. 13–17.

REFERENCES

1. Kontsepciya nacional'noj bezopasnosti Respubliki Belarus' : reshenie Vsebelorus. nar. sobr. ot 25 apr. 2024 g. № 5. – Mн. : Nac. tsentr pravovoj inform. Resp. Belarus', 2024. – 62 s.
2. Voennaya doktrina Respubliki Belarus' : reshenie Vsebelorus. nar. sobr. ot 25 apr. 2024 g. № 6. – Mн. : Nac. tsentr pravovoj inform. Resp. Belarus', 2024. – 32 s.
3. Buzin, N. Ye. Voennaya doktrina Respubliki Belarus' – vershina nauki i praktiki : monograia / N. Ye. Buzin, P. N. Muraveiko, V. A. Tumar. – Mн. : Nauch.-issled. in-t Vooruzhennykh Sil Resp. Belarus', 2024. – 176 s.
4. Kremenyuk, V. A. Mezhdunarodnye konflikty: problemy upravleniya i kontrolya / V. A. Kremeniuk. – M. : ISKRAN, 2006. – 222 s.
5. Klauzevic, K. O voine / K. Klauzevic. – M. : Eksmo ; SPb. : Midgard, 2007. – 864 s.
6. Kennan, G. F. The Sources of Soviet Conduct / G. F. Kennan // Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25, iss. 4. – P. 566–582.
7. Muraveiko, P. N. Realizaciya prognosticheskoi funkci voennoi nauki / P. N. Muraveiko // Nauka i voennaya bezopasnost'. – 2024. – № 3. – S. 2–8.
8. Chumakov, A. N. Kul'turno-civilizatsionnye razlomy global'nogo mira / A. N. Chumakov // Vek globalizatsii. – 2015. – № 2 (16). – S. 35–48. – URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/-vg/2015_2 (data obrashcheniya: 06.02.2025).
9. Khantington, S. Stolknovenie tsivilizatsii / S. Khantington. – M. : AST, 2014. – 571 s.
10. Geraklit Efesskii. Fragmenty / Geraklit Efesskii ; per. V. Nilendera. – M. : Musaget, 1910. – 147 s.
11. Spenser, G. Lichnost' i gosudarstvo / G. Spenser. – M. : AST, 2023. – 224 s.

12. Kropotkin, P. A. Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsii / P. A. Kropotkin. – М. : Samo-obrazovanie, 2007. – 235 s.
13. Marks, K. O dialekticheskom i istoricheskom materializme : sbornik / K. Marks, F. Engel's, V. I. Lenin. – М. : Politizdat, 1984. – 636 s.
14. Fukuyama, F. Konets istorii i poslednii chelovek / F. Fukuyama. – М. : AST, 2010. – 588 s.
15. Levchuk, N. N. Faktory i usloviya vozniknoveniya voennykh konfliktov v XXI veke / N. N. Levchuk, D. N. Karshakevich, Yu. I. Balyko // Nauka i voennaya bezopasnost'. – 2022. – № 2. – S. 13–17.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.10.2025

Михаил Юрьевич Наумчик

аспирант 2-го года обучения каф. политологии

Белорусского государственного экономического университета

Mikhail Naumchik

2-nd Year Postgraduate Student of the Department of Political Science

of Belarus State Economic University

e-mail: michael.naumchik@gmail.com

МЕТОД ДИСКУРС-АНАЛИЗА В ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ИДЕОЛОГИЙ

Рассматривается методологический потенциал дискурс-анализа как инструмента изучения современных идеологий в условиях цифрового общества. Тема обосновывается актуальностью возрастающей роли цифровых коммуникаций в трансляции властных отношений и идеологических установок. Цель работы заключается в сравнительном анализе основных подходов дискурс-анализа и выявлении их эвристических возможностей для исследования идеологий. Выявлена сущность дискурс-анализа, восходящего к постструктуралистской традиции, и четыре ключевых методологических подхода: кратологический, критический дискурс-анализ, дискурсивная психология и мультимодальный дискурс-анализ. Особое внимание уделяется сильным сторонам метода дискурс-анализа (возможность деконструкции скрытых механизмов власти, анализ фрейминга и интертекстуальности) и его ограничениям (проблема интерпретации намерений говорящего и субъективность исследователя). Делается вывод, что дискурс-анализ является незаменимым инструментом для исследования идеологий в современной медиасреде.

Ключевые слова: дискурс, дискурс-анализ, современные идеологии, коммуникационные технологии, цифровое общество.

Discourse Analysis in the Study of Modern Ideologies

The methodological potential of discourse analysis as a tool for studying modern ideologies in a digital society is considered. The topic is substantiated by the relevance of the growing role of digital communications in the transmission of power relations and ideological attitudes. The aim of the work is to comparatively analyze the main approaches to discourse analysis and identify their heuristic potential for studying ideologies. The article reveals the essence of discourse analysis, rooted in the poststructuralist tradition, and four key methodological approaches: cratological discourse analysis, critical discourse analysis, discursive psychology, and multimodal discourse analysis. Particular attention is paid to the strengths of the method (the ability to deconstruct hidden mechanisms of power, analysis of framing and intertextuality) and its limitations (the problem of interpreting the speaker's intentions and the subjectivity of the researcher). It concludes that discourse analysis is an indispensable tool for studying ideologies in the modern media environment.

Key words: discourse, discourse analysis, modern ideologies, communication technologies, digital society.

Введение

Сложно представить современный мир без цифровых коммуникационных технологий. Всевозможные гаджеты и сервисы для коммуникации и обмена информацией уже давно играют ключевую роль в ежедневном общении множества людей.

Может показаться, что роль идеологии в современном обществе снижается, однако цифровые технологии открывают гражданам двери для альтернативной политической

партиципации и социализации. Постоянное нахождение в Сети и тотальная взаимосвязанность людей друг с другом создают значительный потенциал для идеологического влияния через сети и сообщества Интернета.

Одним из подходов к изучению коммуникаций является дискурс-подход, особенно полезный для исследования современных форм коллективного взаимодействия. В статье будут рассматриваться и сравниваются сновные подходы в дискурс-анализе, выявляются их особенности, а также потенциал использования данных подходов для анализа идеологий и их сильные и слабые стороны для этой цели.

Научный руководитель – Павел Александрович Барахвостов, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета

Основная часть

Сущность дискурс-анализа

Дискурс-анализ представляет собой методологически строгий подход к изучению идеологий, рассматривающий язык не как нейтральное средство коммуникации, а как активный инструмент конструирования социальной реальности.

В рамках постструктуралистской традиции, восходящей к работам Мишеля Фуко, с помощью этого метода исследуется, как исторически обусловленные системы дискурсивных практик (например, концепция «эпистемы» Фуко) формируют саму возможность определенных способов мышления и познания, тем самым устанавливая границы социально приемлемого.

Дискурс-анализ предлагает понимание идеологии как динамического процесса, конструируемого через языковые практики, а не как статичной системы убеждений.

Согласно этому подходу, идеология материализуется в дискурсивных актах, которые не просто отражают, но и активно формируют социальную реальность. Это особенно очевидно в случае неолиберального дискурса, где такие термины, как, например, «свободное движение трудового капитала», создают видимость естественности процессов, одновременно маскируя систематическое ограничение прав рабочих на микроуровне.

Такой дискурс исполняет дисциплинарную роль, систематически исключая даже альтернативные варианты развития событий. Ярким примером тому служит дискурс отрицания изменения климата, который поддерживается через скоординированные усилия нефтяных лобби, фабрик мысли и сетевых сообществ, производящих «альтернативные» эпистемологические рамки. Принцип интертекстуальности, являющийся ключевым для дискурс-анализа, отлично иллюстрирует механизм циркуляции идеологии: дискурс формируется через трансформацию текста по мере его движения от первоначального высказывания (например, политической речи) через медиаинтерпретации к конечной реконтекстуализации в социальных сетях, где он приобретает идеологическую завершенность.

Дискурс-анализ позволяет вскрыть сложные механизмы идеологического производства, показывая, как язык становится полем борьбы за определение самой реальности. Этот методологический аппарат

позволяет деконструировать существующие идеологические системы и выявлять точки их потенциальной трансформации, что делает дискурс-анализ незаменимым инструментом в современных социальных науках.

Основные подходы в современном дискурс-анализе

Среди многообразия методологических практик дискурс-анализа можно выделить четыре наиболее значимых подхода, наилучшим способом употребимых для анализа идеологии и ее влияния на социум: *кратологический подход, критический дискурс-анализ, дискурсивная психология и мульти-модальный дискурс-анализ.*

Сущность *кратологической концепции дискурса* заключается в том, что дискурс в ней рассматривается главным образом как властная сила, как определенный способ воздействия и влияния.

К сторонникам этого подхода можно причислить таких исследователей, как М. Фуко, Дж. Батлер, Ж. Бодрийяр, С. Жижек, Ж. Липовецки и др [1, с. 135].

В этом подходе развивается тезис Фуко о том, что собственно власть не является ни институтом, ни системой правил, ни подавлением, ни господством. Власть – это распыленная практика, заложенная внутри отношений дискурсов. Дискурс выступает как властная сила, что создает разнообразные идентичности, не только властные, но и социальные.

Сила дискурсов проявляется в знаково-символическом пространстве, где господствуют симулякры, которые хоть и относятся к сфере нематериального, но имеют значительное влияние на реальность.

Бурное развитие информационных технологий позволяет дискурсам в современном обществе глубоко внедряться в политическую жизнь вплоть до формирования основы современных политических технологий. Таким образом, дискурс из символического поля спокойно может мигрировать в мир реальности, проходя барьер ценностей, идеологий и политики.

С позиции данного подхода дискурс трактуется как феномен, производящий ментальное и поведенческое позиционирование субъекта в разнообразных социальных и символических иерархиях.

Критический дискурс-анализ представляет собой методологический подход в рамках дискурс-исследований, ориентиро-

ванный на выявление и деконструкцию властных асимметрий, воспроизводимых через языковые практики.

Разработанный Норманом Фейрклафом [2, с. 17], Теном ван Дейком [3, с. 153] и Рут Водак [4, с. 286] как прикладной способ анализа дискурсов, критический дискурс-анализ фокусируется на выявлении скрытых механизмов власти в политических речах, медиатекстах и цифровых коммуникациях.

Используя систематический анализ лингвистических стратегий (лексического выбора, метафор, аргументационных структур), критический дискурс-анализ раскрывает, каким образом доминирующие дискурсы естественным образом воспроизводят идеологические установки, маскируя при этом асимметрии власти.

В отличие от дескриптивного анализа критический дискурс-анализ фокусируется на идеологической нагрузке дискурса, исследуя, как лингвистические стратегии (например, лексический выбор, метафорические модели, пресуппозиции) способствуют легитимации социального неравенства.

Например, нарративизация миграции через термины «вторжение» или «поток» имплицитно конструирует образ беженцев как угрозы, оправдывая репрессивную политику против них.

Параллельно критический дискурс-анализ вскрывает механизмы гегемонистского доминирования, демонстрируя, как элиты нормализуют спорные идеологии (например, риторику «необходимости жесткой экономии») через ее повторяемость и институциональное закрепление.

Важнейшим аспектом метода является анализ социальной практики: тексты рассматриваются не как изолированные явления, а как элементы институциональных процессов (например, корпоративные пресс-релизы, трансформирующиеся в медиапопулярность), что позволяет раскрыть связь языковых структур с системами власти и идеологического контроля.

Дискурсивная психология как подход в рамках дискурс-анализа исследует, как языковые практики конструируют социальные идентичности и служат инструментом оправдания действий индивидов и групп, по сути, создавая социальную реальность.

Дискурсивная психология основывается на трех принципах: конструируемость (как от отдельных элементов к дискурсу, так

и от дискурса к значениям элементов), ориентация на действие (дискурс – это медиум действий, а не просто отдельная часть социальной реальности) и ситуационность (дискурс имеет значения контекста, в котором он существует и формируется) [5, с. 80].

Методологически, данный подход фокусируется на анализе повседневных речевых взаимодействий, раскрывая, через какие дискурсивные стратегии формируются и воспроизводятся представления о себе и других.

В качестве иллюстрации можно рассмотреть дискурс о недоверии к вакцинации, где участники коммуникации противопоставляют категории «личной свободы» и «коллективной ответственности», тем самым не только артикулируя свою позицию, но и конструируя специфическую идентичность – автономного субъекта, сопротивляющегося внешнему принуждению.

Такое противопоставление позволяет говорящим обосновывать свои действия в рамках морального и политического поля, трансформируя личный выбор в публичный дискурс о правах и обязанностях.

Именно так дискурсивная психология демонстрирует, что язык является не просто средством передачи информации, но и ключевым ресурсом для создания социальных реальностей, легитимации практик и формирования коллективных смыслов.

Мультимодальный дискурс-анализ представляет собой методологический подход в рамках дискурс-анализа, ориентированный на исследование идеологических аспектов, воплощенных в визуальных, аудио и иных формах коммуникации.

С учетом того, что мультимодальность является характерной особенностью человеческой коммуникации [6, с. 231], данный подход расширяет традиционный текстоцентричный анализ, включая в него изучение таких феноменов, как интерфейсы цифровых платформ, рекламные образы и интернет-мемы, которые являются ключевыми носителями идеологических смыслов в современном медийном ландшафте.

Мультимодальность – это больше, чем сумма отдельных форм коммуникации; это сложная структура из вербальных и невербальных аспектов взаимодействия.

В качестве иллюстрации можно рассмотреть эстетику Instagram, где дискурс «здоровья» и «благополучия», продвигаемый инфлюенсерами, трансформируется

в инструмент пропаганды потребительских ценностей, маскируя коммерческие интересы под индивидуальную заботу о себе.

Параллельно идут такие визуальные символы протеста, как поднятый кулак или желтые жилеты, которые демонстрируют способность мультимодальных образов приобретать глобальный резонанс, становясь универсальными знаками сопротивления и солидарности.

Таким образом, мультимодальный дискурс-анализ позволяет вскрыть сложные механизмы идеологического воздействия, которые функционируют через взаимодействие визуальных, текстовых и аудиальных элементов, конструируя новые формы социального воображения и политической мобилизации.

Сильные и слабые стороны дискурс-анализа при изучении идеологий

Дискурс-анализ предлагает мощные инструменты для исследования того, как идеология функционирует в современном обществе, исследуя язык, символы и коммуникативные практики, конструирующие социальную реальность.

Дискурс-анализ раскрывает идеологию в действии, заложенную в повседневных разговорах и текстах, медиа, политике и цифровых взаимодействиях. Несмотря на то, что основные способы, типы, приемы и инструменты речевого воздействия могут быть сведены в единую классификацию, методологии изучения языковых средств персуазивно-суггестивных текстов могут значительно отличаться [7, с. 149].

Избираемые методы во многом варьируются от формы исследуемой речи, стиля текста и методологической парадигмы.

Опишем некоторые методологические инструменты дискурс-анализа, которые эффективно применимы при анализе идеологического аспекта идеологий.

Во-первых, при анализе текста следует определять инструменты фрейминга, т. е. того, как послание кодируется в конкретные эмоционально-смысловые рамки, например, выбор терминов с конкретной эмоциональной окраской («мигранты» и «приезжие», «террористы» и «повстанцы», «армия» и «бандформирования»).

Частным примером фрейминга является presupposition: неявные предположения, которые отсылают к несказанному тезису (использование штампа «антикри-

зисные меры» предполагает существование кризиса).

Во-вторых, дискурс-анализ помогает расшифровать язык метафор и его использование для создания эмоциональной канвы.

Частный случай такого – номинализация – превращение конкретных понятий в абстрактные существительные (пример: «сопутствующий ущерб» в случае гибели мирных жителей).

В-третьих, дискурс-анализ раскрывает конструирование рамок дискурса внутри текста и с помощью способов его распространения.

К примеру, диалогичность текста из обыденной практики при правильном применении работает на конкретные цели: исследователям важно отмечать, как конкретные голоса включаются/исключаются в широкие общественные дискурсы (на ТВ происходит цитирование «правильных экспертов», но не активистов или очевидцев событий).

Но стоит описать и слабые стороны дискурс-анализа в вопросах изучения идеологии. Прежде всего, выделяют проблемы в анализе вокруг говорящего, вокруг аудитории и вокруг интерпретации текста исследователем [8, с. 139].

Если рассматривать говорящего, то дискурс-анализ неизбежно упирается в проблему о преднамеренности его речи. Намерения говорящего – это «черный ящик» для исследователя извне, который почти невозможно со стопроцентной вероятностью «открыть».

Вокруг этой серой зоны в зарубежном медиа-анализе даже используется отдельный термин – «dog whistle», т. е. такое послание, которое закодировано для понимания «своими», но с возможностью отрицания двойного смысла (явление, отмечаемое в речи радикалов на Западе).

Проблема аудитории в дискурс-анализе выражается в том, что при дешифровке конкретных посланий мы зачастую оцениваем его не по адресатам, а по намерениям адресанта.

При невозможности установить в анализе адресатов анализ послания может попросту быть неточен.

Наконец, проблема интерпретации. Точная интерпретация возможна только при двух условиях – понимания контекста послания и идеологической нейтральности исследователя.

На практике оба этих фактора зачастую не приближаются к идеальным, что порой ставит под вопрос эффективность методологии дискурс-анализа.

Заключение

Дискурс-анализ, а также его основные подходы (кратологический подход, критический дискурс-анализ, дискурсивная психология и мультимодальный дискурс-анализ), обладает большим потенциалом аналитического применения в рамках исследования идеологий.

Имея свою специфику и характерную область применения, данные подходы, однако, показывают свою актуальность для

политических наук через раскрытие отношений власти в областях языка, культуры, поведения и дизайна.

Сильные стороны подходов при правильном применении дискурс-анализа, могут показать себя с особой эффективностью, а слабые (при учете их в анализе) могут быть практически нивелированы в своем воздействии на результат исследования.

Таким образом, дискурс-анализ представляет незаменимый инструментарий для исследования идеологий в современном цифровом обществе, а также анализа способов производства и воспроизводства властных отношений через языковые и технологические практики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Русакова, О. Ф. Кратологическая модель дискурса соблазна / О. Ф. Русакова // Известия Уральского государственного университета. Серия 3, Общественные науки. – 2011. – № 4 (97). – С. 135–145.
2. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – New York : Longman Inc., 1989. – 259 p.
3. Новое в зарубежной лингвистике : сборник / ред. В. И. Герасимов, В. В. Петров. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – 318 с.
4. Водак, Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса / Р. Водак, В. И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 281–291.
5. Potter, J. Discursive Psychology. How to analyse talk in institutional settings: A casebook of methods / J. Potter, S. Wiggins // Handbook of qualitative research in psychology. – Glasgow : Sage, 2007. – Ch. 5. – P. 73–90.
6. Байкова, А. В. Мультимодальный дискурс-анализ как один из методов коммуникативно-прагматического подхода к пониманию языка и текста / А. В. Байкова // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2 (54). – С. 230–234.
7. Шелестюк, Е. В. Методологии исследования воздействия персуазивно-суггестивных текстов / Е. В. Шелестюк // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 148–159.
8. Мусихин, Г. И. Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения / Г. И. Мусихин // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 128–144.

REFERENCES

1. Rusakova, O. F. Kratologicheskaya model' diskursa soblazna / O. F. Rusakova // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki. – 2011. – № 4 (97). – S. 135–145.
2. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. – New York : Longman Inc., 1989. – 259 p.
3. Novoye v zarubezhnoi lingvistike : sbornik / red. V. I. Gerasimov, V. V. Popov. – M. : Progress, 1988. – Vyp. 23 : Kognitivnye aspekty yazyka. – 318 s.
4. Vodak, R. Kriticheskaya lingvistika i kriticheskii analiz diskursa / R. Vodak, V. I. Karasik // Politicheskaya lingvistika. – 2011. – № 4. – S. 281–291.
5. Potter, J. Discursive Psychology. How to analyse talk in institutional settings: A casebook of methods / J. Potter, S. Wiggins // Handbook of qualitative research in psychology. – Glasgow : Sage, 2007. – Ch. 5. – P. 73–90.
6. Baikova, A. V. Mul'timodal'nyi diskurs-analiz kak odin iz metodov kommunikativno-pragmaticheskogo podkhoda k ponimaniyu yazyka i teksta / A. V. Baikova // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2022. – № 2 (54). – S. 230–234.

7. Shelestiuk, Ye. V. Metodologii issledovaniya vozdeistviya persuazivno-suggestivnykh tekstov / Ye. V. Shelestiuk // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 3. – S. 148–159.
8. Musikhin, G. I. Diskursivnyi analiz ideologii: vozmozhnosti i ogranicheniia / G. I. Musikhin // Polis. Politicheskie issledovaniia. – 2011. – № 5. – S. 128–144.

Рукапіс надруковано у редакції 27.03.2026

УДК 327(510+6)

DOI 10.63874/2218-0273-2026-1-77-84

Олеся Петровна Рубо*канд. ист. наук, доц., докторант каф. международных отношений
Белорусского государственного университета***Olesya Rubo***Candidate of Historical Science, Associate Professor,
Doctoral Student of the Department of International Relations
of Belarusian State University
e-mail: rubo@bsu.by*

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ СО СТРАНАМИ АФРИКИ В ООН КАК ВКЛАД В ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

Обосновано, что последовательная поддержка деятельности Организации Объединенных Наций является ключевым элементом китайской внешней политики. Анализируется значимость сотрудничества Китая и африканских стран в системе ООН в контексте усиления глобального управления и продвижения устойчивого развития Африки. Особое внимание уделено исторической поддержке африканским блоком восстановления прав КНР в ООН, механизму координации позиций и взаимоподдержки в органах ООН, а также роли целевых фондов Китая в рамках ФАО, ЮНЕП и ЮНЕСКО для африканского континента. Подчеркивается, что усиление позиций КНР в ООН повышает ее привлекательность для африканских партнеров, а совместная работа направлена на реализацию ЦУР-2030 и укрепление роли развивающихся стран в глобальном управлении.

Ключевые слова: Китай, Африка, ООН, глобальное управление, устойчивое развитие, ЦУР-2030, резолюция 2758, Глобальный Юг, Глобальная инициатива развития, фонды ООН.

China's Cooperation with African Countries in the United Nations as a Contribution to Global Governance and Sustainable Development of the African Continent

Consistent support for the activities of the United Nations is one of the priority areas of China's foreign policy. This article analyzes the significance of cooperation between China and African countries within the United Nations system in the context of strengthening global governance and promoting sustainable development in Africa. Special attention is paid to the historical support of the African bloc for the restoration of the People's Republic of China's representation in the UN, the mechanisms for coordinating positions and mutual support within UN bodies, and the role of China's targeted funds within FAO, UNEP, and UNESCO for the African continent. In conclusion, the article underscores that the strengthening of the PRC's position in the UN enhances its appeal to African partners, and that joint efforts are directed toward implementing the 2030 Agenda for Sustainable Development and amplifying the voice of developing countries in global governance.

Key words: China, Africa, United Nations, global governance, sustainable development, 2030 Agenda/SDGs, Resolution 2758, Global South, Global Development Initiative, UN funds.

Введение

В условиях современных глобальных трансформаций, характеризующихся ростом региональных и глобальных вызовов, Китайская Народная Республика и страны Африки демонстрируют схожесть позиций по ключевым вопросам международной повестки дня. Сотрудничество Китая с африканскими странами основывается на следующих принципах: уважение суверенитета, невмешательство во внутренние дела, равноправное партнерство, взаимная выгода и устойчивое развитие.

Ключевым элементом китайской внешней политики является последовательная

поддержка деятельности ООН. Это подтверждается как призывами к безусловному соблюдению всеми государствами Устава ООН, так и непосредственным участием Китая в миротворческих операциях ООН, в том числе на африканском континенте. Такая вовлеченность служит для африканских и других развивающихся стран убедительным свидетельством приверженности Китая сложившейся международной системе, а также укрепляет статус КНР как лидера и партнера, солидарного с позициями развивающихся стран [1, с. 9–10].

Целью статьи является анализ значимости сотрудничества Китая и африканских

государств в ООН в формировании глобального управления и продвижении целей устойчивого развития в Африке.

Тематика сотрудничества Китая и стран Африки нашла отражение в работах многих российских исследователей. Л. В. Пономаренко и Т. М. Соловьева утверждают, что Китаю, обладающему статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН, отводится роль желанного союзника Африки в продвижении справедливых торговых механизмов и в трансформации ООН. Они также отмечают, что КНР последовательно позиционирует себя как развивающаяся страна, которая солидаризируется с государствами Глобального Юга по ключевым международным вопросам [2, с. 35].

Д. А. Дегтерев отмечает, что по мере экономического роста КНР ее помощь становилась все более привлекательной, что побуждало многие африканские государства отказаться от дипломатического признания Тайваня. Этому также способствовал статус Китая как постоянного члена Совета Безопасности ООН [3].

А. С. Пятачкова, В. А. Гацковская, И. С. Поздняков указывают, что рамках сотрудничества с ООН Китай выступает инициатором собственных программ развития по линии «Юг – Юг» [4, с. 45].

Особенностям работы Китая в рамках ООН, роли страны в глобальном управлении и деятельности в сфере устойчивого развития посвящены работы китайских авторов Чжан Сюэин, Цзин Ицзя, которые отмечают, что рост экономического и политического веса Китая за последние десять лет породил опасения на Западе относительно возможности укрепления его позиций в ООН и изменения работы организации. Сокращение финансирования со стороны ряда западных стран и снижение активности США в рамках ООН при Д. Трампе (в частности, выход США из ряда структур ООН) обусловили создание благоприятных условий для расширения китайского участия в организации. Чжан Сюэин и Цзин Ицзя утверждают, что стратегия финансирования Китаем ООН отражает тщательный баланс между его обязательствами как «ответственной великой державы», вносящей вклад в многостороннее сотрудничество, и его стремлением расширить свое влияние в системе ООН [5]. Рассматривая стратегию Китая в контексте

выстраивания многостороннего сотрудничества, Чэнь Чжиминь и Чжан Сюэин приходят к выводу, что, исходя из реалистической китаецентричной концепции, Китай не ставит своей целью разрушение существующего мирового порядка. Они подчеркивают, что в китайском научном дискурсе преобладает консенсус о важности сохранения ООН и таких составляющих либерального порядка, как открытая торговля, глобальное управление климатом и устойчивое развитие [6, с. 458].

Южноафриканский эксперт Д. Монье подтверждает, что Китай полагается на поддержку африканских стран в ООН. По его мнению, Китай смог объединиться с Африкой, и это неоднократно помогало ему укреплять свои политические позиции в ООН [7, с. 290]. Танзанийский эксперт О. Мьенга отмечает, что Китай всегда выражал уважение и признательность Африке за поддержку, что позволяло ему проложить особый путь к взаимовыгодному сотрудничеству. По его мнению, Китай готов продолжать сотрудничество с Африкой и всеми другими развивающимися странами для поддержания авторитета ООН и защиты подлинного многостороннего подхода [8].

Британский автор К. Олден утверждает, что стратегическая важность Африки для китайской дипломатии обусловлена ее численным преимуществом как крупнейшей региональной группировкой и склонностью к блоковому голосованию в многосторонних форматах, в частности, в ООН. Он акцентирует внимание на том, что африканские правительства, ориентированные прежде всего на национальные интересы, выступают надежным источником поддержки для Китая в условиях критики. В качестве примера приводится решающая роль африканских голосов в блокировании резолюций, осуждающих нарушения прав человека в КНР [9, с. 22].

Источниковая база исследования опирается прежде всего на официальные документы китайского правительства, а также документы, принимаемые по итогам саммитов Форума китайско-африканского сотрудничества (ФКАС).

Основная часть

Благодаря поддержке развивающихся государств КНР добилась восстановления своих законных прав в ООН после принятия резолюции Генеральной Ассамблеи № 2758

(XXVI) 25 октября 1971 г., согласно которой право представительства Китая и постоянное членство в Совете Безопасности ООН перешло от Китайской Республики (Тайвань) к КНР. Значительная роль африканского блока в данном голосовании подтверждается тем, что из 76 голосовавших «за» 25 были африканские государства, а среди 23 авторов проекта резолюции 11 представляли Африку [10, с. 35].

В 1960–1970-е гг. правительство КНР поддерживало национально-освободительные движения в Африке и оказывало помощь недавно образовавшимся независимым африканским государствам [8, с. 216]. Это обстоятельство существенно укрепило международное положение КНР и привело к установлению дипломатических отношений с широким кругом африканских государств.

В 1970–1980-е гг. Пекин установил дипломатические отношения с 47 из 51 страны Африки, которые были признаны независимыми [11, с. 135].

С момента восстановления законных прав КНР в ООН Пекин целенаправленно работал над укреплением поддержки со стороны Африки. Политика невмешательства во внутренние дела африканских стран, отказ от публичной критики нарушений прав человека и увеличение финансирования в инфраструктуру обеспечили долговременную голосовую поддержку Пекину со стороны африканских делегаций в органах ООН. Если в 1990-е гг. Китай преимущественно воздерживался при голосовании по спорным резолюциям (41 раз), то с 2000-х гг. наблюдается его более активная позиция, включая использование права вето для защиты африканских партнеров. Например, Китай и Россия наложили вето на проект резолюции, предусматривавшей введение санкций в отношении Зимбабве 11 июля 2008 г. Китай последовательно блокировал введение санкций, считая их контрпродуктивными и превышающими мандат Совета Безопасности ООН [12].

Резолюция 2758 привела к пересмотру соотношения сил в многосторонней системе. Во-первых, она подтвердила принцип легитимности и законного представительства. Во-вторых, она способствовала переосмыслению форм сотрудничества «Юг – Юг», в частности китайско-африканского партнерства. В-третьих, она создала предпосылки

для более сбалансированной архитектуры глобального управления, предоставив развивающимся государствам большую силу [13].

Стремление Китая к преобразованию многосторонних институтов и созданию новых связано с тем, что ему удалось заручиться поддержкой стран Глобального Юга для продвижения своих инициатив. Африка является крупнейшим блоком в Генеральной Ассамблее ООН, имея 28 % голосов (для сравнения: у Азии – 27 %, у Северной и Южной Америки – 17 %, и у Западной Европы – 15 %). Африка также обладает более чем четвертью голосов во всех руководящих органах ООН [14].

Возвращение КНР в ООН усилило позиции развивающихся стран и придало импульс формированию более инклюзивной и многополярной системы международных отношений. Фактически речь идет о перераспределении сил в мировом масштабе. Китайско-африканское взаимодействие, зародившееся в контексте антиколониальной солидарности, постепенно трансформировалось в начале XXI в. стратегическое партнерство, включающее политическую координацию, экономическое сотрудничество и согласование позиций на многосторонних площадках.

Активное участие Китая в работе ООН проявляется через создание китайской стороной нескольких крупных целевых фондов совместно со специализированными учреждениями. В 2009 г. был создан Целевой фонд ФАО – Китай объемом 30 млн долл. США для обмена опытом между Китаем и странами глобального Юга по вопросам обеспечения продовольствием. В 2015 и 2020 гг. Китай выделил еще по 50 млн долл. на реализацию второго и третьего этапа сотрудничества ФАО и Китая.

Главной задачей третьего этапа была поддержка усилий развивающихся стран по сокращению бедности, реагированию на чрезвычайные ситуации, повышению устойчивости к внешним воздействиям, созданию устойчивых продовольственных систем и обеспечению продовольственной безопасности и питания к 2030 г. [15].

Другой пример – проект Китайского целевого фонда совместно с ЮНЕП, запущенный в 2012 г. с первоначальным взносом в 12 млн долл. США на экологические проекты, в том числе в Африке. Кроме того,

проект, финансируемый целевым фондом Китая совместно с Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), направлен на повышения уровня образования в странах Африки к югу от Сахары. Объем финансирования составил 20 млн долл. США. В 2015 г. в честь 70-летия ООН Китай объявил о намерении учредить Целевой фонд ООН по вопросам мира и развития. Этот фонд был создан в 2016 г.: Китай взял на себя обязательство выделить 200 млн долл. США в течение последующих десяти лет [5]. В отличие от обязательных взносов в бюджет ООН целевые фонды выступают как гибкие механизмы, позволяющие Китаю определять, на какие сферы должны быть направлены средства с учетом своих национальных интересов.

Такая деятельность стала важным элементом более широкой стратегии Пекина по формированию собственного подхода к вопросам глобального управления и обеспечению устойчивого развития в рамках многосторонних структур.

Реформирование системы ООН является неотъемлемой частью китайско-африканского сотрудничества. Обе стороны выступают за расширение представительства развивающихся стран в ключевых органах ООН. Африканские страны оказали значительное содействие Китаю в его стремлении реформировать глобальные институты. Например, в 2017 г. Китай впервые в своей практике инициировал и вынес на рассмотрение в Совете ООН по правам человека резолюцию «Вклад развития в осуществление всех прав человека». Принятие резолюции Советом ООН по правам человека 22 июня 2017 г. стало знаковым событием, поскольку впервые в практике ООН в официальную терминологию был включен концепт «идеи Си Цзиньпина», а также признана концепция «Сообщества общей судьбы» как вклад в реформирование и совершенствование глобального управления. Документ был принят большинством голосов: 30 государств поддержали инициативу, 3 воздержались и 13 выступили против, несмотря на активную оппозицию со стороны Соединенных Штатов Америки и ряда европейских стран. Примечательно, что все 11 африканских государств – членов Совета проголосовали в поддержку резолюции. Схожая динамика голосования наблюдалась и в 2018 г. при рас-

смотрении резолюции «Содействие взаимовыгодному сотрудничеству в области прав человека», также содержавшей пункт о построении «Сообщества общей судьбы». Почти все африканские члены Совета, за исключением одного государства, вновь поддержали китайскую инициативу. Так африканский региональный блок продемонстрировал устойчивую консолидацию в поддержке предложений Пекина в правозащитной повестке [16].

КНР стремится заручиться поддержкой африканских государств при выдвижении своих кандидатов на руководящие посты в специализированных учреждениях ООН. Из 15 таких агентств в 2021 г. четыре возглавляли представители КНР: Продовольственную и сельскохозяйственную организацию (ФАО), Международную организацию гражданской авиации (ИКАО), Международный союз электросвязи (МСЭ) и Организацию Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) [1, с. 31–32].

Китай позиционирует себя как убежденный преверженец многосторонности, подчеркивая свое сотрудничество с ООН в достижении Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. В 2021 г., например, была опубликована Белая книга, посвященная китайско-африканскому сотрудничеству. В документе говорится о том, что Китай и Африка неуклонно поддерживают международную систему, ядром которой является Организация Объединенных Наций, международный порядок, основанный на международном праве, и основные нормы, регулирующие международные отношения, исходя из целей и принципов Устава ООН. В книге также указывается, что искоренение бедности является главной целью Повестки дня в области устойчивого развития ООН до 2030 г. Основываясь на том, что сотни миллионов человек в Китае смогли выйти из нищеты, можно утверждать, что это государство выработало успешную модель борьбы с бедностью, которая служит образцом для стран Африки [17].

Китай занимает лидирующие позиции в глобальных усилиях по реализации Целей устойчивого развития. На 76-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 26 сентября 2021 г. председатель Си Цзиньпин торжественно предложил Глобальную инициативу развития. Он при-

звал международное сообщество ускорить реализацию ЦУР на период до 2030 г. для более стабильного, экологичного и сбалансированного глобального развития и содействовать созданию глобального сообщества развития с общим будущим. В основе этой глобальной инициативы развития лежит практическое сотрудничество в таких областях, как сокращение бедности, обеспечение продовольственной безопасности, вакцинация, финансирование развития, адаптация к изменению климата и «зеленое» развитие, индустриализация, развитие цифровой экономики и усиление взаимосвязей [18].

Инициативы и планы Китая находят отражение в документах, принимаемых по итогам саммитов Форума китайско-африканского сотрудничества. В частности, на восьмой конференции в Дакаре в ноябре 2021 г. Глобальная инициатива развития была включена в План действий на 2022–2024 гг.

В документе подчеркнуты намерения африканских стран присоединиться к инициативе и готовность предпринимать совместные усилия для ускорения глобальной реализации Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. [19]. В Пекинском плане действий 2025–2027 гг., принятом в 2024 г. указано, что правительство Китая пополнит Фонд партнерства между Китаем и Всемирным банком на 50 млн долл. США. Использование этих средств было запланировано для поддержки инклюзивного и устойчивого развития в африканских странах [20].

Отношения Китая и Африки все более тесно соотносятся с целями и задачами ООН, что подчеркивают официальные представители организации. Эти отношения отражают динамику сотрудничества по линии Юг – Юг и изменения в структуре глобального управления. На Саммите ФКАС, прошедшем 4–6 сентября 2024 г. в Пекине, генеральный секретарь ООН А. Гутерриш выступил с речью, в которой обозначил, что партнерство Китая и Африки является ключевым элементом сотрудничества Юг – Юг и может стать важной движущей силой для развития африканского континента и достижения глобальных целей развития. А. Гутерриш пообещал участие ООН в поддержке прочного китайско-африканского партнерства, направленного на достижение мира, обеспечение

устойчивого развития и соблюдение прав человека [21].

28 сентября 2024 г. министр иностранных дел Ван И принял участие в 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, где он в очередной раз представил позицию КНР по вопросам реформирования и совершенствования системы глобального управления. Особое внимание в его выступлении было уделено проблеме неравномерности глобального развития. Ван И акцентировал внимание на важности возвращения вопросов развития в центр международной повестки дня и реализации целей Повестки дня в до 2030 г. Он подтвердил, что необходимо увеличить вклад в развитие и оказание помощи странам Глобального Юга с целью повышения их устойчивости к внешним вызовам. Также он отметил необходимость защиты равноправной и упорядоченной многосторонности, практической реализации многосторонности, противостояния гегемонии и силовой политике, а также продвижения глобального управления в контексте более справедливого и взвешенного развития [22].

Китай, со своей стороны, последовательно наращивает финансирование ключевых инициатив системы ООН, включая реализацию Повестки дня в области устойчивого развития. Увеличение взносов КНР в регулярный бюджет ООН с 1 % в 2000 г. до более чем 20 % в 2025 г. (685 млн долл. США), а также осуществление добровольных взносов в программы ООН через различные фонды позволило укрепить позиции Китая в системе ООН и предоставить ему больше возможностей влиять на формирование норм и методов работы специализированных учреждений. Активная внешняя политика Китая в отношении ООН и выделение финансирования на реализацию различных программ, направленных на устойчивое развитие, положительно сказывается на его имидже, способствует получению поддержки китайских инициатив со стороны африканских государств и повышает значимость китайско-африканского сотрудничества на различных уровнях.

Заключение

Расширение участия в системе ООН является одним из приоритетных направлений китайской внешней политики. Через последовательное увеличение финансовых

взносов, усиление кадровых позиций в специализированных учреждениях Китая удастся заручиться стабильной поддержкой со стороны африканских государств, что позволяет ему не только успешно продвигать свои нарративы и защищать подлинную многосторонность, но и обеспечивать институциональное реформирование многосторонних структур.

Китай и африканские страны привержены формированию более справедливого, инклюзивного и эффективного мирового порядка; стороны решительно отстаивают

«ООНцентричную» систему международных отношений. Поддержка друг друга добавляет значительный вес развивающимся странам в формировании современной многополярной системы. Сотрудничество Китая и стран Африки в рамках ООН усиливает позиции Глобального Юга в глобальном управлении, обеспечивает ускорение реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. в Африке и позволяет сторонам координировать свои подходы по ключевым вопросам международной повестки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Shinn, D. H. *China's Relations with Africa: A New Era of Strategic Engagement* / D. H. Shinn, J. Eisenman. – New York : Columbia University Press, 2023. – 456 p.
2. Пономаренко, Л. В. КНР – Африка: новые ориентиры взаимоотношений / Л. В. Пономаренко, Т. М. Соловьева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 34–44.
3. Дегтерев, Д. А. Китайская экспансия в Африку: «свято место пусто не бывает»? / Д. А. Дегтерев // Азия и Африка сегодня. – 2005. – № 2. – URL: <https://mgimo.ru/files/34528/-34528.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).
4. Пятчкова, А. С. Основные направления политики помощи КНР и Франции странам Африки в период пандемии COVID-19 / А. С. Пятчкова, В. А. Гацковская, И. С. Поздняков // Анализ и прогноз. – 2023. – № 4. – С. 40–54.
5. Zhang Xueying. A mixed funding pattern: China's exercise of power within the United Nations / Zhang Xueying, Jingh Yijia. – *Global Policy*. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1758-5899.13376> (date of access: 04.03.2026).
6. Chen Zhimin. Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era / Chen Zhimin, Zhang Xueying // *The Pacific Review*. – 2020. – Vol. 33, nr 3–4. – P. 438–468. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728574>.
7. Monyae, D. The African Union-China Partnership: Prospects and Challenges / D. Monyae // *The African Union: Autocracy, Diplomacy and Peacebuilding in Africa* / ed. by T. Karbo, T. Murithi. – Cape Town : Centre for Conflict Resolution, 2018. – P. 283–302.
8. Mjenga, O. China – Africa Partnership in Influencing the New World Order / O. Mjenga // *Enhancing Global Governance in a Fragmented World* / ed. by H. H. Wang, M. L. Miao. – Singapore : Springer Nature Singapore, 2024. – P. 215–225. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-97-2558-8_18 (date of access: 16.03.2026).
9. Alden, C. *China in Africa : partner, competitor or hegemon?* / C. Alden. – London : Zed Books, 2007. – 158 p.
10. Инь Цюнь. Отношения КНР со странами Африки в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (2013–2021 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.7 / Инь Цюнь. – М. : РУДН, 2023. – 176 л.
11. Герасимова, О. Е. Африканские страны в глобальных проектах Китая: стратегическое партнерство или борьба за влияние / О. Е. Герасимова // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭК. – 2025. – Т. 21, № 1. – С. 134–146.
12. Security Council Fails to Adopt Sanctions against Zimbabwe Leadership as Two Permanent Members Cast Negative Votes / UN Department of Public Information. – 11 July 2008. – URL: <https://press.un.org/en/2008/sc9396.doc.htm> (date of access: 09.03.2026).
13. Witnessing China – Africa cooperation within UN framework // *Global Times*. – 2025. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202510/1346092.shtml> (date of access: 11.03.2026).

14. Nantulya, P. Africa's Role in China's Multilateralism Strategy / P. Nantulya // Africa Center for Strategic Studies. – 2023. – URL: <https://africacenter.org/spotlight/africa-china-multilateralism/> (date of access: 04.03.2026).
15. FAO welcomes China's new \$50 million donation to support South-South Cooperation // Food and Agriculture Organization of the United Nations – 2020. – URL: <https://www.fao.org/news-room/detail/FAO-welcomes-China-new-50-million-donation-to-support-South-South-Cooperation/en> (date of access: 14.03.2026).
16. Nantulya, P. Strategic Application of the Tao 道 of Soft Power: The Key to Understanding China's Expanding Influence in Africa / P. Nantulya // The African Review. – 2020. – URL: https://brill.com/view/journals/tare/47/2/article-p481_10.xml (date of access: 04.03.2026).
17. China and Africa in the New Era: A Partnership of Equals / The State Council Information Office of the People's Republic of China. – Beijing, 2021. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng-zh/gb/202405/t20240531_11367447.html (date of access: 09.03.2026).
18. Wang Yi. Building Consensus and Synergy for a Bright Future of Global Development / Wang Yi // Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. – 2021. – URL: https://us.china-embassy.gov.cn/eng/zgyw/202109/t20210926_9574444.htm (date of access: 09.03.2026).
19. Forum on China-Africa Cooperation Dakar Action Plan (2022-2024) // China-Africa Business Council. – 2021. – URL: <http://en.cabc.org.cn/?c=policys&a=view&id=38> (date of access: 09.03.2026).
20. Forum on China-Africa Cooperation Beijing Action Plan (2025-2027) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – Beijing, 2024. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw-zyxw/202409/t20240905_11485719.html (date of access: 09.03.2026).
21. Глава ООН пообещал поддержку ООН в партнерстве Китая и Африки // Официальный сайт ООН. – 2024. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/09/1455931> (дата обращения: 20.03.2026).
22. Ван И принял участие в общих дебатах 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. – 2024. – 3 окт. – URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zgxw/202412/t20241218_11498690.htm (дата обращения: 20.03.2026).

REFERENCES

1. Shinn, D. H. China's Relations with Africa: A New Era of Strategic Engagement / D. H. Shinn, J. Eisenman. – New York : Columbia University Press, 2023. – 456 p.
2. Ponomarenko, L. V. KNR – Afrika: novye oriyentiry vzaimootnosheniy / L. V. Ponomarenko, T. M. Solov'yova // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya. – 2015. – № 4. – S. 34–44.
3. Degterev, D. A. Kitayskaya ekspansiya v Afriku: «svyato mesto pusto ne byvaet»? / D. A. Degterev / Aziya i Afrika segodnya. – 2005. – № 2. – URL: <https://mgimo.ru/files/34528/34528.pdf> (data obrashcheniya: 20.03.2026).
4. Pyatachkova, A. S. Osnovnye napravleniya politiki pomoshchi KNR i Francii stranam Afriki v period pandemii COVID-19 / A. S. Pyatachkova, V. A. Gatskovskaya, I. S. Pozdnyakov // Analiz i prognoz. – 2023. – № 4. – S. 40–54.
5. Zhang Xueying. A mixed funding pattern: China's exercise of power within the United Nations / Zhang Xueying, Jingh Yijia. – Global Policy. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1758-5899.13376> (date of access: 04.03.2026).
6. Chen Zhimin. Chinese conception of the world order in a turbulent Trump era / Chen Zhimin, Zhang Xueying // The Pacific Review. – 2020. – Vol. 33, nr 3–4. – P. 438–468. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728574>.
7. Monyae, D. The African Union-China Partnership: Prospects and Challenges / D. Monyae // The African Union: Autocracy, Diplomacy and Peacebuilding in Africa / ed. by T. Karbo, T. Murithi. – Cape Town : Centre for Conflict Resolution, 2018. – P. 283–302.
8. Mjenga, O. China – Africa Partnership in Influencing the New World Order / O. Mjenga // Enhancing Global Governance in a Fragmented World / ed. by H. H. Wang, M. L. Miao. – Singapore : Springer Nature Singapore, 2024. – P. 215–225. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-97-2558-8_18 (date of access: 16.03.2026).

9. Alden, C. China in Africa : partner, competitor or hegemon? / C. Alden. – London : Zed Books, 2007. – 158 p.
10. In' Tsyun'. Otnosheniya KNR so stranami Afriki v ramkakh initsiativy «Odin poyas – odin put'» (2013–2021 gg.) : dis. ... kand. ist. nauk : 5.6.7 / In' Tsyun'. – M. : RUDN, 2023. – 176 l.
11. Gerasimova, O. E. Afrikanские strany v global'nykh proektakh Kitaya: strategicheskoe partnerstvo ili bor'ba za vliyanie / O. E. Gerasimova // Politicheskaya ekspertiza. – 2025. – T. 21, № 1. – S. 134–146.
12. Security Council Fails to Adopt Sanctions against Zimbabwe Leadership as Two Permanent Members Cast Negative Votes / UN Department of Public Information. – 11 July 2008. – URL: <https://press.un.org/en/2008/sc9396.doc.htm> (date of access: 09.03.2026).
13. Witnessing China – Africa cooperation within UN framework // Global Times. – 2025. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202510/1346092.shtml> (date of access: 11.03.2026).
14. Nantulya, P. Africa's Role in China's Multilateralism Strategy / P. Nantulya // Africa Center for Strategic Studies. – 2023. – URL: <https://africacenter.org/spotlight/africa-china-multilateralism/> (date of access: 04.03.2026).
15. FAO welcomes China's new \$50 million donation to support South-South Cooperation // Food and Agriculture Organization of the United Nations – 2020. – URL: <https://www.fao.org/news-room/detail/FAO-welcomes-China-new-50-million-donation-to-support-South-South-Cooperation/en> (date of access: 14.03.2026).
16. Nantulya, P. Strategic Application of the Tao 道 of Soft Power: The Key to Understanding China's Expanding Influence in Africa / P. Nantulya // The African Review. – 2020. – URL: https://brill.com/view/journals/tare/47/2/article-p481_10.xml (date of access: 04.03.2026).
17. China and Africa in the New Era: A Partnership of Equals / The State Council Information Office of the People's Republic of China. – Beijing, 2021. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367447.html (date of access: 09.03.2026).
18. Wang Yi. Building Consensus and Synergy for a Bright Future of Global Development / Wang Yi // Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. – 2021. – URL: https://us.china-embassy.gov.cn/eng/zgyw/202109/t20210926_9574444.htm (date of access: 09.03.2026).
19. Forum on China-Africa Cooperation Dakar Action Plan (2022-2024) // China-Africa Business Council. – 2021. – URL: <http://en.cabc.org.cn/?c=policys&a=view&id=38> (date of access: 09.03.2026).
20. Forum on China-Africa Cooperation Beijing Action Plan (2025-2027) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – Beijing, 2024. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485719.html (date of access: 09.03.2026).
21. Glava OON poobeshchal podderzhku OON v partnerstve Kitaya i Afriki // Ofitsial'nyj sayt OON. – 2024. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/09/1455931> (data obrashcheniya: 20.03.2026).
22. Van I prinyal uchastie v obshchikh debatakh 79-j sessii General'noj Assamblei OON // Posol'stvo Kitayskoy Narodnoy Respubliki v Rossijskoj Federatsii. – 2024. – 3 okt. – URL: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zgxw/202412/t20241218_11498690.htm (data obrashcheniya: 20.03.2026).

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.04.21026

УДК 323.2

DOI 10.63874/2218-0273-2026-1-85-92

Александр Леонидович Евсеенко

аспирант 1-го года обучения каф. политологии

Белорусского государственного экономического университета

Alexander Evseenko

1-st Year Postgraduate Student of the Department of Politology

of Belarusian State University of Economics

e-mail: evseenko@bseu.by**ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ:
ОТ АНТИЧНОГО ПОЛИСА К ЦИФРОВОМУ ОБЩЕСТВУ**

Представлен сравнительно-исторический анализ трансформации форм политического участия. Прослеживается эволюция от прямой демократии античного полиса через представительную систему национальных государств к сетевым формам взаимодействия в цифровую эпоху. Особое внимание уделяется феномену «Неополиса» – виртуального пространства, имитирующего прямую демократию. На основе трудов классиков политической мысли и современных исследователей выявляются ключевые различия в субъектности, ответственности и качестве дискуссии между античной и цифровой моделями. Делается вывод о необходимости развития гибридных форм демократии и повышения цифровой грамотности для преодоления кризиса представительства.

Ключевые слова: политическое участие, античный полис, представительная демократия, цифровизация, электронное голосование, сетевой активизм, «Неополис», цифровое неравенство.

Evolution of Political Participation: from the Antique Polis to a Digital Society

The article presents a comparative-historical analysis of the transformation of forms of political participation. It traces the evolution from the direct democracy of the ancient polis through the representative system of nation-states to the networked forms of interaction in the digital age. Special attention is paid to the phenomenon of the «Neopolis», a virtual space that mimics direct democracy. Based on the works of classical political thinkers and contemporary researchers, the article identifies key differences in subjectivity, responsibility, and the quality of discussion between the ancient and digital models. The article concludes that it is necessary to develop hybrid forms of democracy and improve digital literacy to overcome the crisis of representation.

Key words: political participation, ancient polis, representative democracy, digitalization, electronic voting, network activism, Neopolis, digital inequality.

Введение

Генезис концепции политического участия неразрывно связан с античной цивилизацией, где впервые в истории человеческой мысли была не только сформулирована, но и институционализована идея гражданина как активного, суверенного субъекта управления общественными делами. Античный полис, особенно в его афинской демократической модификации V–IV вв. до н. э., представляет собой уникальную историческую форму организации социума, задавшую фундаментальный архетип прямого политического участия, оказавший влияние на последующие политические теории. Как отмечают исследователи Антично-

сти, полис был не просто государством в современном понимании этого термина, а «сообществом граждан», где политическое и социальное находились в состоянии нераздельного единства [1, с. 23–25]. Данная характеристика указывает на холистическую природу античной политики, в которой отсутствие четкой границы между государством и гражданским обществом, столь характерной для эпохи Модерна и либеральной традиции, являлось конституирующим признаком. Полис воспринимался его обитателями не как отчужденный аппарат принуждения или бюрократическая машина, стоящая над обществом, а как живое сообщество равных граждан, объединенных общими ценностными ориентирами и культом законов. Фундаментальной философской основой данной модели служила антропология классического периода. Как отмечал Аристотель в своем трактате «Политика»,

Научный руководитель – Татьяна Александровна Шендик, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Белорусского института стратегических исследований

«человек по природе есть существо политическое», и только внутри полиса он способен реализовать свою сущность и достичь эвдемонии [2, с. 37]. Это утверждение означало, что политическое участие не рассматривалось как отдельная функция, обязанность или инструмент защиты частных интересов, отчуждаемый от повседневной жизни, – оно составляло саму ткань существования гражданина, являясь высшей формой человеческой активности. Вне полиса человек мог быть лишь богом или зверем, но не полноценной личностью. Частная сфера была функционально и ценностно подчинена публичной, что обеспечивало беспрецедентную для доиндустриальных обществ степень вовлеченности индивидов в принятие коллективных решений. Быть «идиотом» в античном смысле означало быть частным лицом, уклоняющимся от общественных дел, что носило уничижительный оттенок. Субъектом политического участия в Античности выступал гражданин, статус которого носил исключительный, элитарный и привилегированный характер.

В отличие от современных концепций всеобщего избирательного права, базирующихся на принципах универсализма и прав человека, античное гражданство было ограничено узким кругом лиц, что являлось необходимым условием функционирования прямой демократии. Полноправными участниками политического процесса могли быть только взрослые свободные мужчины, рожденные от граждан полиса и обладающие определенным имущественным цензом (в различные периоды). Женщины, рабы, дети и метеки (чужеземцы) были полностью исключены из политической жизни и рассматривались как субъекты, не обладающие рациональной способностью к суждению о благе полиса [3, с. 56–58]. Эта исключительность обуславливала высокую степень корпоративной ответственности гражданина. Поскольку круг участников был ограничен, каждый голос имел значительный вес, а уклонение от участия воспринималось не как личное право, а как позор, моральный дефект и прямая угроза благополучию общины. Институциональная архитектура полиса была направлена на максимизацию прямого участия граждан в управлении и предотвращение узурпации власти. Ключевым органом власти было Народное соб-

рание, где каждый гражданин имел равное право голоса, слова и выдвижения законодательных инициатив. Важнейшим механизмом обеспечения политического равенства и ротации элит являлась система жребия. Большинство должностных лиц в Афинах избиралось не голосованием, которое считалось аристократическим методом, предполагающим выявление лучших, а жребием, что позволяло минимизировать влияние фактических элит, клиентарных связей и обеспечить статистическую репрезентативность власти среди всех граждан [4, с. 88–91]. Такой подход свидетельствует о глубоком недоверии античной демократии к профессионализации политики и стремлении к реализации принципа «правлящие и управляемые – одни и те же лица». Институт ostracism служил дополнительным предохранителем против возвышения отдельных лидеров над полисом. Политическая культура Античности характеризовалась высокой интенсивностью и преимущественно устным характером коммуникации. Принятие решений происходило в ходе публичных дебатов на агоре, где ключевую роль играло риторическое мастерство и способность аргументировать свою позицию перед равными. В этом контексте политика понималась как перформативная практика убеждения, а не насилия. Х. Арентс в своем фундаментальном анализе Античности выделяла понятие *bios politikos* – «политический образ жизни», который считался высшей формой человеческой активности, отличающей человека от животного и ремесленника [5, с. 41–43]. В этой парадигме свобода понималась не в негативном ключе, как «свобода от» вмешательства государства (характерная для либерализма), а в позитивном ключе, как «свобода для» – возможность участвовать в общественных делах и творить историю. Таким образом, античная модель закрепила нормативный идеал участия как непосредственного, ответственного и добродетельного действия, с которым впоследствии будут соотноситься все последующие формы демократии.

Актуальность исследования обусловлена глубокими трансформациями политического пространства в начале XXI в. Кризис традиционных представительных институтов, рост абсентеизма и одновременный всплеск сетевой активности ставят перед

политической наукой вопрос о природе современного участия в жизни социума. Цифровизация не просто добавляет новые инструменты, но меняет сущность взаимоотношений власти и общества. В этом контексте обращение к историческим корням античной модели полиса позволяет выявить архетипы прямого участия и оценить степень их воспроизводимости в современных условиях.

Цель статьи – проследить эволюцию форм политического участия от Античности до цифрового общества и выявить специфику современного этапа через сравнительный анализ.

Основная часть

Переход от Античности к Новому времени ознаменовался фундаментальной парадигмальной трансформацией политических институтов, обусловленной качественным изменением масштабов и структуры социальной организации. Формирование национальных государств-наций, характеризующихся обширной территорией, сложной социальной стратификацией и гетерогенным населением, сделало невозможным сохранение полисной модели прямого участия. Это историческое изменение привело к утверждению представительной демократии как доминирующей формы политического устройства эпохи Модерна. Ключевым экзогенным фактором, определившим отказ от прямой демократии, стал количественный рост политических сообществ. Увеличение территориального масштаба и демографической емкости социума сделали физическое собрание всех граждан технически неосуществимым, поэтому потребовались новые механизмы артикуляции воли и агрегации интересов. В теоретическом осмыслении такого перехода центральное место занимает проблема суверенитета и его носителя. Жан-Жак Руссо, критикуя зарождающуюся представительную систему, настаивал на том, что «суверенитет не может быть представлен», поскольку воля народа непередаваема и неотчуждаема, однако признавал практическую неизбежность делегирования властных полномочий в крупных сообществах [6, с. 102–104]. Эта дилемма легитимности стала определяющей для эпохи Модерна, в которой политическое участие приобрело опосредованный, репрезентативный

характер. Гражданин уступал часть своего суверенитета представителям на определенный срок, что создавало принципиально новую конфигурацию отношений между властью и обществом. Основными институтами-медиаторами, обеспечивающими коммуникацию между обществом и государством, стали политические партии и выборная система. Российский исследователь Л. В. Сморгунов отмечает, что в современную сетевую эпоху роль партий подвергается трансформации и размыванию, однако в классический период Модерна они выступали безальтернативными агрегаторами социальных интересов и каналами вертикальной мобильности [7, с. 65–67]. Партии выполняли функцию структурирования политического спроса и предложения, превращая разрозненные мнения избирателей в программные документы. Тем не менее институционализация партийных структур породила внутренние противоречия. Как указывал Р. Михельс в своем законе «олигархической тенденции», организационная необходимость неизбежно ведет к «олигархизации», когда партийный аппарат начинает доминировать над рядовыми членами, подменяя цели организации целями собственного выживания и сохранения власти [8, ст. 77–79]. Технократизация управления внутри партий приводила к отрыву элит от базового электората. Параллельно с развитием партийной системы происходило становление рациональной бюрократии как основы государственного управления. М. Вебер определял бюрократию как наиболее эффективную, технически совершенную форму управления, основанную на легально-рациональном авторитете и профессиональной компетентности [9, с. 30–32]. Хотя бюрократизация обеспечивала предсказуемость, стабильность и непрерывность государственного управления, она одновременно создавала структурный барьер для непосредственного участия граждан, замыкая процесс принятия решений внутри закрытого профессионального аппарата. Гражданин превращался в клиента государственной машины, а сложность административных процедур приводила к отчуждению власти от общества. Важнейшим нормативным достижением эпохи Модерна стало постепенное, хотя и неравномерное, расширение круга субъектов политического участия. Включение в политический процесс

рабочих, женщин и этнических меньшинств стало результатом длительных социальных конфликтов и эволюции правовых норм. Дж. Сартори подчеркивал, что расширение участия было не просто моральным императивом, но и необходимым функциональным условием легитимации демократического режима, обеспечивающим его стабильность через инклюзивность [10, с. 145–147]. Универсализация избирательного права стала маркером зрелости демократии, однако количественный рост участников не всегда коррелировал с качеством влияния на принятие решений. Несмотря на расширение формального доступа к избирательным правам, представительная демократия породила феномен политического отчуждения. Гражданин получил право выбирать представителей, но утратил возможность непосредственного влияния на принятие решений в интервалах между электоральными циклами. Й. Шумпетер в своей конкурентной теории демократии описывал демократию не как власть народа в прямом смысле, а как институциональный метод, при котором граждане лишь избирают лидеров, конкурирующих за голоса, что сводит участие к минимальному акту голосования раз в 4–5 лет [11, с. 89–91]. Такая модель, часто именуемая «электрократией», привела к стратификации на профессиональных политиков-менеджеров и пассивный электорат. Вместо постоянного *bios politikos* Античности, предполагающего непрерывную вовлеченность, утвердилась модель «спящего гражданина», активизирующегося лишь в моменты электоральных кампаний. Указанные процессы сформировали системные предпосылки для кризиса представительства в конце XX – начале XXI в., характеризующегося ростом абсентеизма, популизмом и поиском гражданами альтернативных, внеинституциональных каналов влияния на власть, к которым относятся коллективные действия и протест, гражданская самоорганизация, информационное и медийное влияние, экспертное и аналитическое давление, правовые и квазиправовые механизмы, экономическое давление, культурное и символическое влияние.

Начало XXI в. ознаменовалось принципиально новым этапом трансформации политических практик, связанным с массовым внедрением информационно-коммуникационных технологий. Цифровизация

политической сферы фундаментально изменила онтологию и логику коммуникации между гражданином и властью, породив феномен, который в современной политологии обозначается как «цифровой поворот». Данный этап несет в себе амбивалентный потенциал: с одной стороны, технологии демократизируют доступ к информации и инструментам влияния, с другой – создают новые уязвимости для демократических институтов и механизмы скрытого контроля.

А. В. Анищенко в работе «Феномен цифрового политического участия: формы, модели и сущностные аспекты» выделяет следующие ключевые формы цифрового участия: «онлайн-петиции, участие в электронных референдумах, активность в социальных сетях, краудсорсинг политических идей и цифровое волонтерство» [12, с. 43–45]. Он также предлагает многоуровневую модель цифрового участия, включающую информационный (потребление контента), коммуникационный (обсуждение), организационный (координация действий) и управленческий (принятие решений) уровни. Такая градация позволяет выявить, что большинство современных практик сосредоточено на нижних уровнях модели, редко достигая стадии реального управления.

Российский политолог Т. Я. Гринберг отмечает, что цифровая политика создает принципиально новые возможности для вовлечения широких слоев населения, но одновременно порождает системные риски манипуляции общественным сознанием и тонкой настройки предпочтений избирателей через микротаргетинг [13, с. 68–70]. Цифровая среда породила гибридные формы политического участия, которые можно классифицировать по степени институционализации. К формализованным, государственно ориентированным формам относятся электронное голосование, онлайн-петиции и платформы для краудсорсинга законодательных инициатив. В России развитие портала «Госуслуги» и системы онлайн-голосования демонстрирует попытку интеграции цифровых инструментов в контур государственного управления, направленную на снижение транзакционных издержек участия и повышение эффективности обратной связи [14, с. 92–94]. Однако анализ показывает, что их влияние часто ограничивается консультативной функцией и не гарантирует

обязательности учета мнения граждан при принятии окончательных решений, что создает риск имитации вовлеченности. Вторую группу составляют неинституционализированные формы: сетевой активизм, хештег-революции и вирусные флешмобы.

М. Кастельс отмечает, что в сетевом обществе «власть формируется в пространстве потоков информации», где социальные движения способны мобилизоваться без традиционных иерархических структур, используя горизонтальные связи [15, с. 135–137]. Примеры движений #MeToo или глобальных экологических инициатив демонстрируют способность цифровых платформ быстро агрегировать общественный запрос и формировать повестку дня в обход традиционных медиагейткиперов. Тем не менее такая мобилизация часто оказывается ситуативной, эмоциональной и лишенной долгосрочной программной основы, что затрудняет трансляцию протестного потенциала в устойчивые политические изменения. Критическим аспектом цифрового участия является феномен «слактивизма» – формы активности, требующей минимальных усилий (лайки, репосты, подписки) и создающей у субъекта иллюзию реального политического влияния. Е. Морозов в своей критике «киберутопизма» утверждает, что «легкость онлайн-действия часто подменяет собой рискованное и затратное офлайн-действие, приводя к инфляции политического участия» [16, с. 56–58]. В результате количественный рост актов вовлеченности не коррелирует с качеством принимаемых решений, а удовлетворение от виртуальной активности снижает мотивацию к реальным изменениям. Важнейшей особенностью цифрового участия является его опосредованность алгоритмами, которые регулируют видимость контента и формируют информационную повестку. К. Санстейн предупреждает о рисках формирования «информационных пузырей» и «эхо-камер», где пользователь сталкивается лишь с подтверждающей его точку зрения информацией [17, с. 79–81]. Алгоритмическая персонализация контента способствует углублению социальной поляризации и фрагментации общественного пространства, разрушая основу для рационального диалога. Кроме того, распространение фейк-ньюс и дезинформации становится инст-

рументом геополитического и внутривнутриполитического влияния.

Российский эксперт А. В. Манойло подчеркивает, что «информационно-психологическая безопасность становится ключевым элементом национального суверенитета в условиях цифровизации политических процессов» [18, с. 104–106]. Несмотря на декларируемую всеобщую доступность, цифровое участие воспроизводит и зачастую усугубляет социальные неравенства через механизм «цифрового разрыва». Ян ван Дейк выделяет не только неравенство в доступе к инфраструктуре (первый уровень), но и неравенство в навыках использования технологий, мотивации и материальных средствах [19, с. 45–47]. Группы населения, не обладающие необходимыми цифровыми компетенциями (пожилые и малообразованные люди, жители периферии), оказываются исключены из новых форм политического диалога, что создает риск формирования закрытой «цифровой элиты», монополизирующей право на голос в сетевом пространстве. Сопоставление античной модели полиса и современной цифровой среды позволяет выявить нелинейный, спиралевидный характер эволюции политических форм. Цифровое общество демонстрирует черты архаичной прямой демократии, однако технологическая медиация вносит фундаментальные коррективы в природу политического взаимодействия. На основе проведенного анализа выдвигается гипотеза о формировании «Неополиса» – виртуального пространства, обладающего внешней атрибутикой прямой демократии (массовость, мгновенность, открытость), но лишенного ее этического фундамента – физической ответственности и совместного проживания. Главной точкой сближения является стремление к непосредственному политическому влиянию без посредников. В обоих случаях наблюдается попытка минимизировать роль репрезентативных институтов. Вторым общим признаком является высокая степень публичности. Социальные сети выполняют функцию «цифровой агоры», обеспечивая прозрачность действий элит и возможность горизонтального контроля. Ю. Хабермас отмечал важность открытой дискуссии для легитимации власти, что роднит идеалы полиса и нормативную модель раннего Интернета как пространства рациональной коммуникации

[20, с. 63–65]. И. И. Гандабоев в статье «Типология форм политического участия» предлагает классификацию, основанную на семи критериях (масштаб участия, степень вовлеченности, стимулы участия, среда участия, тип участников, тип деятельности, соответствие нормам, или легитимность), что позволяет комплексно анализировать современные гибридные формы, включая цифровые [21, с. 159–161]. Несмотря на структурное сходство, содержательные различия носят критический, онтологический характер. Во-первых, масштаб и гомогенность. Античный полис был ограничен физически и демографически, что позволяло поддерживать относительную гомогенность ценностей и идентичности. Цифровое пространство глобально и безгранично, что приводит к фрагментации аудитории на изолированные сообщества и субкультуры, затрудняя формирование общезначимого согласия [17, с. 80–82]. Во-вторых, качество дискуссии. Полисная демократия опиралась на устную риторику, личное присутствие и телесность политического акта. Аристотель подчеркивал, что политическое суждение требует практической мудрости, воспитываемой в живом общении. Цифровая коммуникация характеризуется клиповым мышлением, текстовой редукцией и анонимностью, что способствует упрощению сложных проблем до бинарных оппозиций и эмоциональным всплескам. В-третьих, ответственность. В полисе решение влекло прямую персональную ответственность гражданина перед общиной. В цифровом обществе ответственность размыта: анонимность аккаунтов и дистанцированность снижают цену слова и облегчают деструктивное поведение.

Бён Чхоль Хан указывает на то, что цифровая прозрачность часто превращается в инструмент тотального контроля, но не способствует подлинной ответственности субъекта, порождая «общество прозрачности без доверия» [22, с. 86–88]. Ш. Зубофф в концепции «капитализма надзора» предупреждает, что цифровые платформы могут использовать участие пользователей для извлечения поведенческих данных и манипуляции в коммерческих или политических целях [23, с. 113–115].

Таким образом, «Неополис» представляет собой симулякр, он воспроизводит форму античного участия, но наполняет его

содержанием массового общества потребления и данных. Российские исследователи цифровизации, такие как К. Е. Платонов, также указывают на риски подмены реального политического процесса его цифровой имитацией в условиях трансформации государственного управления, где видимость активности важнее сути решений [24, с. 74–76]. Важно учитывать, что развитие цифрового участия не происходит в вакууме, а зависит от национально-политического контекста. В. А. Евстафьев в работе «Государственные институты Беларуси в процессах политического участия» анализирует специфику политического участия в конкретном государстве, выделяя доминирующую роль государственных институтов в организации участия, ограниченную автономию общественных организаций и специфику электорального поведения [25, с. 49–51]. Этот анализ показывает, что типология политического участия должна учитывать институциональную среду конкретного государства: в одних контекстах цифровизация ведет к либерализации, в других – к усилению техно-авторитарных практик.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что историческое развитие демократических практик представляет собой сложную траекторию трансформации форм и смыслов вовлеченности граждан. Эволюционный путь прошел три ключевых этапа: от элитарного прямого участия в античном полисе к массовому представительному управлению в эпоху Модерна и далее к фрагментированному сетевому взаимодействию в постмодерне. Анализ показал, что технологическое развитие само по себе не отменяет фундаментальных проблем политики. Вопросы распределения власти, достижения компромисса и справедливости остаются центральными. Как отмечал М. Вебер, политика требует ответственности и чувств меры, которые трудно транслировать через цифровые интерфейсы. Цифровизация повышает количество актов участия, но ставит под вопрос их делиберативное качество. Феномен slackтивизма и алгоритмическая поляризация свидетельствуют о том, что легкость клика не эквивалентна весомости голоса. Гипотеза о формировании «Неополиса» подтверждает, что современное циф-

ровое общество воспроизводит форму прямой демократии Античности, но лишено ее этического ядра, основанного на добродетели и личной ответственности. В перспективе наиболее жизнеспособной моделью представляется развитие гибридных форм демократии, сочетающих эффективность представительных институтов с инклюзивностью цифровых платформ. Однако реализация этого потенциала требует повышения цифровой грамотности населения, развития

правовых норм, регулирующих использование больших данных в политике, и создания механизмов защиты от рисков техно-авторитаризма. Будущее политического участия зависит от способности общества адаптировать гражданские институты к новым условиям, где цифровой инструмент служит средством усиления политической субъектности, а не ее суррогатной заменой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Античная политическая мысль : хрестоматия / сост. В. В. Соколов. – М. : Мысль, 1990. – 543 с.
2. Аристотель. Политика / Аристотель. – М. : Мысль, 1997. – 464 с.
3. Арент, Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни / Х. Арент. – СПб. : Алетейя, 2000. – 412 с.
4. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
5. Ван Дейк, Я. Общество сетей / Я. Ван Дейк. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2020. – 312 с.
6. Гандакоев, И. И. Типология форм политического участия / И. И. Гандакоев // *Власть*. – 2022. – № 1. – С. 158–163.
7. Гринберг, Т. Я. Политическая реклама и цифровая среда: новые вызовы / Т. Я. Гринберг // *Полис. Политические исследования*. – 2019. – № 4. – С. 67–82.
8. Евстафьев, В. А. Государственные институты Беларуси в процессах политического участия / В. А. Евстафьев // *Журнал Белорусского государственного университета. Политология*. – 2020. – № 3. – С. 48–57.
9. Зубофф, Ш. Эпоха капитализма надзора / Ш. Зубофф. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2022. – 624 с.
10. Информационное общество и электронное государство в России : монография / под ред. А. В. Дашкова. – М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2018. – 245 с.
11. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2016. – 456 с.
12. Манойло, А. В. Информационно-психологическая безопасность в условиях цифровизации / А. В. Манойло // *Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология*. – 2021. – Т. 27, № 2. – С. 103–118.
13. Михельс, Р. Социология политической партии в условиях демократии / Р. Михельс // *Диалектика власти : сб. ст.* – М. : РОССПЭН, 2006. – С. 145–189.
14. Морозов, Е. Спасти все, кликнув здесь. Иллюзии интернет-активизма / Е. Морозов. – М. : Альпина Паблишер, 2014. – 288 с.
15. Платонов, К. Е. Цифровая трансформация государственного управления: риски имитации / К. Е. Платонов // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2021. – № 85. – С. 73–89.
16. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре / Ж.-Ж. Руссо. – М. : Канон-пресс, 1998. – 384 с.
17. Санстейн, К. Р. #Республика / К. Р. Санстейн. – М. : АСТ, 2017. – 256 с.
18. Сартори, Дж. Теория демократии / Дж. Сартори. – М. : Прогресс, 1995. – 320 с.
19. Сморгун, Л. В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии / Л. В. Сморгун. – М. : РОССПЭН, 1999. – 312 с.
20. Финли, М. И. Демократия древняя и современная / М. И. Финли. – М. : РОССПЭН, 2007. – 287 с.
21. Хан, Б. Ч. Прозрачное общество / Б. Ч. Хан. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2019. – 128 с.
22. Хансен, М. Х. Афинская демократия в эпоху Демосфена / М. Х. Хансен. – М. : Ладомир, 1997. – 432 с.
23. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2000. – 352 с.
24. Шумпетер, Й. А. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. – М. : Эксмо, 2007. – 512 с.

25. Анищенко, А. В. Феномен цифрового политического участия: формы, модели и сущностные аспекты / А. В. Анищенко // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 2020. – № 3. – С. 42–58.

REFERENCES

1. Antichnaya politicheskaya mysl' : khrestomatiya / sost. V. V. Sokolov. – M. : Mysl', 1990. – 543 s.
2. Aristotel'. Politika / Aristotel'. – M. : Mysl', 1997. – 464 s.
3. Arendt, H. Vita Activa, ili O deyatel'noj zhizni / H. Arendt. – SPb. : Aleteiya, 2000. – 412 s.
4. Veber, M. Izbrannye proizvedeniya / M. Veber. – M. : Progress, 1990. – 808 s.
5. Van Deyk, Ya. Obshchestvo setey / Ya. Van Deyk. – M. : Izd. dom VShE, 2020. – 312 s.
6. Gandaloev, I. I. Tipologiya form politicheskogo uchastiya / I. I. Gandaloev // Vlast'. – 2022. – № 1. – S. 158–163.
7. Grinberg, T. Ya. Politicheskaya reklama i tsifrovaya sreda: novye vyzovy / T. Ya. Grinberg // Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2019. – № 4. – S. 67–82.
8. Yevstaf'ev, V. A. Gosudarstvennye instituty Belarusi v processakh politicheskogo uchastiya / V. A. Yevstaf'ev // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Politologiya. – 2020. – № 3. – S. 48–57.
9. Zuboff, Sh. Epokha kapitalizma nadzora / Sh. Zuboff. – M. : Izd. dom VShE, 2022. – 624 s.
10. Informatsionnoe obshchestvo i elektronnoe gosudarstvo v Rossii : monografiya / pod red. A. V. Dashkova. – M. : Izd. dom GU-VShE, 2018. – 245 s.
11. Kastel's, M. Vlast' kommunikatsii / M. Kastel's. – M. : Izd. dom VShE, 2016. – 456 s.
12. Manoylo, A. V. Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' v usloviyakh tsifrovizatsii / A. V. Manoylo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sotsiologiya i politologiya. – 2021. – T. 27, № 2. – S. 103–118.
13. Mikhel's, R. Sotsiologiya politicheskoy partii v usloviyakh demokratii / R. Mikhel's // Dialektika vlasti : sb. st. – M. : ROSSPEN, 2006. – S. 145–189.
14. Morozov, Ye. Spasti vse, kliknuv zdes'. Illyuzii internet-aktivizma / Ye. Morozov. – M. : Al'pina Publisher, 2014. – 288 s.
15. Platonov, K. Ye. Tsifrovaya transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya: riski imitatsii / K. Ye. Platonov // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. – 2021. – № 85. – S. 73–89.
16. Russo, Zh.-Zh. Ob obshchestvennom dogovore / Zh.-Zh. Russo. – M. : Kanon-press, 1998. – 384 s.
17. Sansteyn, K. R. #Respublika / K. R. Sansteyn. – M. : AST, 2017. – 256 s.
18. Sartori, Dzh. Teoriya demokratii / Dzh. Sartori. – M. : Progress, 1995. – 320 s.
19. Smorgunov, L. V. Sravnitel'naya politologiya: teoriya i metodologiya izmereniya demokratii / L. V. Smorgunov. – M. : ROSSPEN, 1999. – 312 s.
20. Finli, M. I. Demokratiya drevnyaya i sovremennaya / M. I. Finli. – M. : ROSSPEN, 2007. – 287 s.
21. Khan, B. Ch. Prozhichnoe obshchestvo / B. Ch. Khan. – M. : Ad Marginem Press, 2019. – 128 s.
22. Khansen, M. Kh. Afinskaya demokratiya v epokhu Demosfena / M. Kh. Khansen. – M. : Ladomir, 1997. – 432 s.
23. Khabermas, Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie / Yu. Khabermas. – SPb. : Nauka, 2000. – 352 s.
24. Shumpeter, J. A. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya / J. A. Shumpeter. – M. : Eksmo, 2007. – 512 s.
25. Anishchenko, A. V. Fenomen tsifrovogo politicheskogo uchastiya: formy, modeli i sushchnostnye aspekty / A. V. Anishchenko // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12, Politicheskie nauki. – 2020. – № 3. – S. 42–58.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 23.04.2024

Лариса Григорьевна Титаренко

*д-р социол. наук, проф., проф. каф. социологии
Белорусского государственного университета*

Larisa Titarenko

*Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology
of Belarusian State University
e-mail: larissa@bsu.by*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ДВОЙСТВЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ*

Описано, насколько широко искусственный интеллект используется в сфере науки и высшего образования, как и в других сферах деятельности. Обосновано, что ИИ весьма высоко оценивается студентами, тогда как преподаватели подчеркивают его риски. Выявлено, что проблема заключается в том, чтобы определить, насколько двойственность ИИ будет влиять на человека: будет ли ИИ оставаться вспомогательным инструментом в обучении, находящимся под контролем преподавателей, или способен стать средством порабощения человека – подчинения преподавателей общим алгоритмам независимо от преподаваемых дисциплин и превращения молодых людей в манипулируемых пользователей технологий, не способных отделить факты от фейков. Сделан вывод, что нужны четкие границы допустимости использования ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, двойственное влияние, информационные коконы, студенчество, высшее образование, образовательные риски.

Artificial Intelligence in Higher Education: Dual Consequences

Artificial intelligence is widely used in science and higher education, as well as in other fields. AI is highly valued by students, while educators highlight its risks. The challenge is to determine the extent to which AI's duality will impact humans: will AI remain an auxiliary tool in education, controlled by teachers, or will it become a means of human enslavement – subordinating teachers to generic algorithms, regardless of the subjects taught, and turning young people into manipulated users of technology, unable to distinguish fact from fiction. Clear boundaries are needed for the acceptable use of AI.

Key words: artificial intelligence, dual influence, information cocoons, students, higher education, educational risks.

Введение

В настоящее время научно-технологическое развитие страны невозможно представить без использования современных цифровых технологий, включая искусственный интеллект (ИИ). Поскольку развитие цифровых технологий – это инновационный процесс, охватывающий весь мир, подходить к нему надо рационально, не преувеличивая его позитивных последствий для человека и общества и не закрывая глаза на разнообразные риски, сопутствующие популярности этой технологии. Неслучайно Президент Беларуси А. Г. Лукашенко в своих выступлениях постоянно подчеркивает, что

что республика должна использовать ИИ для достижения высоких экономических результатов, но при этом не увлекаться его применением в тех сферах, где неясно, какими будут результаты его использования, поскольку будущее этой технологии до конца не исследовано, а риски ИИ не просчитаны [1].

Все это в полной мере относится и к сферам науки и образования. С одной стороны, ИИ, как и робот, может облегчить труд людей: во много раз ускорить научные математические вычисления и систематизацию количественных данных, автоматизировать ряд рутинных процессов деятельности человека, с другой – есть угроза вытеснения человека из сферы управления, подмены творчества машинной деятельностью, креативности – голым расчетом. Об этой двой-

**Статья выполнена в рамках гранта БРФФИ (договор Г26МС-006).*

ственности ИИ (как и других цифровых технологий) все больше пишут ученые самых разных профилей – от естественников до гуманитариев. Конечно, чаще всего ученые пишут об угрозах в сфере труда: вытеснении из нее человека, переходе функции принятия решений к машинам, подчинении им трудовой жизни [2; 3]. Но технологические риски касаются всего образа жизни и всех сфер; это дегуманизация и потеря смысла деятельности [4].

Что касается молодежи, то это поколение является одной из самых уязвимых групп социально-психологического воздействия новых технологий, включая ИИ, поскольку на этапе получения высшего образования социализация молодежи еще продолжается. Ценностные ориентации молодежи полностью не сформированы, поэтому любое информационно-психологическое воздействие может существенно повлиять и на ценности, и на поведение молодых людей. Считается, что максимальному воздействию нейросетей подвержена самая молодая когорта – т. н. зумеры, которые и составляют подавляющее большинство среди учащихся и студентов [5]. Более старшие поколения, в которые входят педагоги и родители учеников, имеют собственный опыт и более критично относятся к нейросетям. Однако представители этого поколения не имеют точного представления о различиях в восприятии новых информационных технологий между ними и поколением их детей [6], поэтому зачастую пытаются использовать старые схемы и компетенции во взаимоотношениях с молодежью, что не приносит ожидаемого результата. Окружающая молодых людей среда повседневной жизни ориентирует их на потребительское отношение к жизни, где учеба и образование рассматриваются лишь в ракурсе будущего карьерного продвижения и получения высоких доходов [7].

Цель статьи – показать двойственную роль использования ИИ в образовании и выявить неизбежные риски, сопровождающие ИИ в студенческой среде.

Задачи статьи:

- 1) научный анализ возможностей и недостатков использования ИИ в высшем образовании;
- 2) оценка ИИ в обучении самими студентами, включая осознание ими рисков ИИ;
- 3) определение этической стороны использования ИИ в сфере образования.

Основная часть

Материалы и методы

Теоретической основой нашего исследования являются современные концепции, исследующие роль инновационных технологий, включая искусственный интеллект, на повседневную жизнь в экономически развитых странах [8; 9]. Также статья опирается на концепцию поколенческих различий [10], которая широко используется в современных исследованиях молодежи. Согласно этой теории, каждое поколение занимает в обществе свое особое положение в силу возраста и особенностей социализации, проходящей в условиях, отличных от социализации прежних поколений.

В России схожие идеи в отношении студенческой молодежи развивает В. Радаев [5], который на эмпирических данных показал, что российские зумеры склонны некритически мыслить и готовы использовать новейшие технологии, если это сулит им финансовые выгоды в будущем.

В статье использован междисциплинарный подход к анализу распространения ИИ в образовании и его влиянии на студенчество с опорой на социологическую интерпретацию данных.

В эмпирической части статьи будут приведены некоторые результаты исследований, иллюстрирующие проблему двойственности ИИ и его неоднозначного восприятия студентами.

Результаты и их обсуждение

Существуют большие возможности успешного использования ИИ в сфере обучения, которые чаще всего и привлекают студенческую молодежь к его применению. Назовем те, которые чаще других называются в зарубежной литературе, и которые выведены авторами эмпирически [11].

Во-первых, это персонализированный подход к обучению.

Поскольку каждый студент учится индивидуально, ИИ позволяет преподавателям создавать персонализированные учебные программы, повышая вовлеченность студентов. Однако эта возможность не обязательно применяется: все зависит от степени ориентации преподавателей на студенческие интересы и свободы в отношении к учебным программам. В белорусских условиях, где программы утверждены и являются обязательными для преподавателя, можно либо задавать любознательному студенту дополнительные задания, соответствующие его ин-

тересам, либо рекомендовать ему платформы обучения, содержание которых можно приспособить к индивидуальным потребностям студентов, оказать им дополнительную помощь, если она необходима, и сделать процесс обучения более интерактивным.

Во-вторых, можно использовать расширенную аналитику для повышения успеваемости студентов.

ИИ помогает преподавателям и администрации постоянно собирать статистику успеваемости каждого и на этом основании больше помогать отдельным студентам, которые плохо справляются с заданиями. Тем самым можно предотвратить отчисление тех студентов, которые находятся на грани этого, но сохранили мотивацию к учебе и нуждаются в помощи. Реализация данной возможности требует от преподавателей значительного времени, поэтому не каждый склонен этим заниматься.

В-третьих, ИИ помогает преподавателям упрощать содержание материала, когда это возможно и когда это может пойти на пользу процессу обучения.

Предлагая гибкий контент, преподаватель может повысить креативность студентов и их вовлеченность в образовательный процесс за счет того, что сложные проблемы либо будут упрощены, либо изъятые. В целом это ускорит усвоение новых знаний, хотя и сделает их более узкими. Если дисциплина не профильная, то такая редукция может быть оправданна, но в случае изучения базовых профильных дисциплин, конечно, она недопустима.

В-четвертых, отмечается, что ИИ упрощает процесс систематизации заявлений абитуриентов, рассмотрения их материалов при поступлении в учебное заведение, что облегчает труд административного персонала, а позднее – помогает в систематизации оценивания и учета результатов экзаменов студентов.

Если попробовать оценить преимущества ИИ с точки зрения белорусских студентов, которые были опрошены нами в Белорусском государственном университете в 2025 и 2026 гг. (выборка включала более 300 студентов 3 и 4 курсов дневного и заочного обучения гуманитарного профиля, согласившихся принять участие в онлайн-опросе), то можно выделить характеристики этого процесса, значительно отличающиеся от приведенных выше позитивных возможностей.

1. Возможность бесконечно много раз обращаться к ИИ с любыми вопросами. На это указали более 80 % всех опрошенных студентов. Такой ответ подтверждает не только любознательность студентов, но и их слабую знаниевую базу, которая постоянно требует обращения к источникам для получения ответов по многим учебным вопросам.

Частое обращение к ИИ имеет своим результатом рождение «информационных пузырей»: ситуации, когда алгоритмическая фильтрация информации, осуществляемая ИИ, приводит к созданию контента, дублирующего те темы, которые выбирались пользователем. Тем самым усиливаются информационные пузыри предвзято подобранной информации, происходит ее многократное дублирование (эффект эхо-камеры), а другие точки зрения и мнения полностью игнорируются. Информационные коконы, или информационные пузыри – это коммуникационные среды в социальных сетях, где пользователи получают только ту информацию, которая соответствует их предпочтениям и взглядам. Это приводит к потере разнообразия контента, укреплению предвзятостей и изоляции молодого человека от альтернативных мнений. Все многообразие информации сводится к одному мнению, зачастую необъективному. Проблема обостряется тем, что сам молодой человек может не замечать такой фильтрации, производимой ИИ, и считать, что весь мир думает так же, как он сам. Как показали китайские исследователи информационных систем, информационные коконы, определенные ими как «потеря информационного разнообразия», выявили, что 56 % пользователей в течение одного года неизбежно оказываются в плену информационных пузырей и снижают способность самостоятельно мыслить [12]. Потребители ИИ постепенно перестают понимать и принимать альтернативные точки зрения.

1. Основными целями использования ИИ были названы быстрый поиск литературы и любой другой информации в интернете, использование ИИ в написании учебных заданий (рефератов, докладов, курсовых), оперативность и общедоступность ИИ. На эти цели указали от 60 до 86 % студентов (в зависимости от факультета); очевидно, к поисковой деятельности студенты относят любые свои действия мозаичного перескакивания в интернете с одной темы на другую как на занятиях, так и вне аудитории.

2. Неожиданно для исследователей было то, что чуть менее половины студентов сказали, что используют ИИ для анализа текстов и даже для генерирования креативных идей (сразу скажем, уровень такого анализа, судя по студенческим текстам, невысокий, а сама интенция может быть оценена двояко: это не только потребность в анализе текстов, но и неумение их оценить самостоятельно, без ИИ).

3. Использование ИИ для развлечения и проведения свободного времени. Только четверть студентов признались в этом (видимо, их трактовка проведения свободного времени не включала коммуникации в интернете, на которые они тратят несколько часов в день).

Обобщая результаты проведенных опросов, назовем главные преимущества ИИ, выделенные студентами, которые раскрывают утилитарность их оценок ИИ:

1) упрощение процесса выполнения домашних заданий (рефератов, докладов, эссе) – 64 %;

2) рост продуктивности их труда – 59 %;

3) доступ к новым источникам информации – 52 %;

4) снижение уровня стресса – 45 %.

Если вспомнить отмеченную в литературе возросшую долю прагматизма в сознании и поведении зумеров, подобные оценки не удивительны. Во всероссийском опросе представителей поколения зумеров, проведенном в январе 2025 г. образовательным холдингом Skillbox (выборка более 3000 человек), было выявлено, что для этого поколения карьера является приоритетной целью обучения: 55 % опрошенных заявили, что главное в образовании – будущие карьерные и финансовые выгоды [7].

Что касается осознания двойственности влияния ИИ на образовательный процесс, молодежь замечает определенный негатив в получаемой от ИИ информации в тех случаях, когда это может плохо сказаться на получаемых оценках. Так, в нашем опросе белорусские студенты отметили поверхностный уровень информации, которую они получают от ИИ (60 %), и наличие ссылок на несуществующие источники информации (58 %), требующие дополнительных проверок. Однако в целом оценка студентами использования ИИ весьма позитивная.

Если теперь обратиться к оценке рисков ИИ в высшей школе, данной преподавательским сообществом, то в этой оценке

всегда отмечается значительное количество рисков – от высоких до умеренных и фоновых. Российские авторы П. М. Лукичев и О. П. Чекмарев [13; 14] провели классификацию таких рисков, выделив среди них краткосрочные (плагиат, девальвация оценок, снижение уровня самостоятельности мышления студентов) и долгосрочные (ведущие к отмиранию необходимости в высшем образовании для будущих поколений). Они считают необходимым поставить процесс использования ИИ в учебном процессе под строгий юридический контроль, который касался бы и преподавателей, и студентов. По их мнению, преподаватели (а не представители мира технологий) должны сами решать, какие технологии можно использовать в учебном процессе, а какие нет.

Риски проявляются в любой сфере деятельности, где задействован ИИ, однако следование определенным правилам, выработанным для управления ИИ, может существенно снизить эти риски (вообще избавиться от них ни в одной сфере невозможно).

Система принципов управления ИИ была сформулирована и обнародована китайским Министерством науки и техники в 2019 г. [15]. В Китае эта сфера жестко контролируется. Многие другие страны разработали менее строгие документы, чтобы установить хотя бы минимальный контроль над ее использованием, а основной фокус был сделан на сферах науки и образования. Подходы к созданию таких ограничений имеются и в России [16].

Беларусь тоже нуждается в институционализации использования ИИ в высшей школе. В нашем исследовании большинство студентов посчитали допустимым использовать материалы ИИ в написании своих курсовых и дипломных работ, не говоря о докладах. Они не оценивают такие факты как плагиат, который официально запрещен во всех учебных заведениях, и не видят этических препятствий для заимствований чужого текста и чужих мыслей. Очевидно, студенты нуждаются в разъяснении этих проблем, поскольку на прежних этапах социализации они не выработали четких критериев оценки собственных поступков как допустимых – ни с точки зрения моральных критериев, ни юридических.

Нельзя не признать, что границы применения результатов ИИ обусловлены продолжающимся изучением ИИ и его влияния на человеческую деятельность, в связи с чем

новые результаты могут изменить общую картину, сделав ее более запутанной, пессимистичной или наоборот позитивной. Необходимо помнить, что отдельные эмпирические исследования и их результаты могут служить лишь иллюстрациями теоретических положений, однако они недостаточны для того, чтобы эти выводы окончательно подтвердить.

Заключение

Поскольку риски ИИ, в отличие от его возможностей, не лежат на поверхности, их следует изучать на теоретическом уровне, а затем доносить эту информацию до широкой аудитории пользователей. Что касается сферы высшего образования, то не только преподаватели, но и студенты должны быть широко информированы об опасностях и

рисках бездумного обращения к ИИ. В рамках высшей школы нужны четкие границы использования данной технологии и глубокое понимание, что ИИ не заменит человека в сфере обучения. Учитывая быстрое развитие ИИ и рост приходящих с ним образовательных рисков, необходима разработка норм и правил его использования в образовании. В противном случае молодому поколению зумеров может грозить уже в годы обучения упрощение воспринимаемой картины мира, потеря способности критически мыслить, невозможность отличать факты от фейков. Для противостояния этой глобальной тенденции нашей системе образования нужны четкие научные рекомендации по использованию ИИ в вузах, знание и соблюдение этических принципов его использования

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лукашенко об ИИ: не хотелось бы, чтобы какая-то машина или компьютер нас заменили // БелТА новости. – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-ob-ii-ne-hotelos-by-chtoby-kakaja-to-mashina-ili-kompjuter-nas-zamenili-754960-2025/> (дата обращения: 18.12.2025).
2. Benanav, A. Automation and the Future of Work / A. Benanav. – London, 2020.
3. Baldwin, R. The Globotics Upheaval: Globalization, Robotics and the Future of Work / R. Baldwin. – Oxford University Press, 2019.
4. Гребер, Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда : пер. с англ. / Д. Гребер. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2022. – 368 с.
5. Радаев, В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество / В. В. Радаев. – М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2023. – 223 с.
6. Титаренко, Л. Г. Цифровизация обучения: восприятие студентами дистанционного обучения и рисков / Л. Г. Титаренко // Вопросы философии. – 2023. – № 1. – С. 115–124.
7. Опрос показал отношение разных поколений к обучению – URL: <https://skillbox.ru/media/education/opros-pokazal-otnoshenie-raznyh-pokoleniy-k-dopolnitelnomu-obucheniyu/> (дата обращения: 02.12.2025).
8. «Artificial Intelligence and the Future of Teaching and Learning Insights and Recommendations» // Department of Education Office of Educational Technology. – May 2023. – URL: <https://www.ed.gov/sites/ed/files/documents/ai-report/ai-report.pdf> (дата обращения: 16.12.2025).
9. AI in education: A review of personalized learning and educational technology / O. O. Ayeni [et al.] // GSC Advanced Research and Reviews. – 2024. – Vol. 18 (2). – P. 261–271.
10. Мангейм, К. Проблема поколений / К. Мангейм // Очерки по социологии знания. – Нью-Йорк : Рутледж, 1952. – С. 276–322.
11. Revolutionizing education: harnessing the power of artificial intelligence for personalized learning / M. P. Bratama [et al.] // Classical Journal of Education Language Teaching and Science. – 2023. – Vol. 5 (2). – P. 350–357.
12. Lin Wang. «Understanding the Dynamics of Information Cocoons on Social Media Platforms» // Lin Wang [et al.]. – URL: https://aisel.aisnet.org/pacis2025/sm_digcollab/sm_digcollab 19 (дата обращения: 04.02.2026)
13. Лукичев, П. М. Применение искусственного интеллекта в системе высшего образования / П. М. Лукичев, О. П. Чекмарев // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 485–502.
14. Лукичев, П. М. Риски применения искусственного интеллекта в системе высшего образования / П. М. Лукичев, О. П. Чекмарев // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 463–482.

15. China: AI Governance Principles Released – URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2019-09-09/china-ai-governance-principles-released/> (дата обращения: 20.05.2024).

16. Резаев, А. В. Возможность и необходимость человеко-ориентированного искусственного интеллекта в юридической теории и практике / А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Vol. 1, nr 2. – P. 564–580.

REFERENCES

1. Lukashenko ob II: ne khotelos' by, chtoby kakaya-to mashina ili komp'yuter nas zamenili // BelTA Novosti. – URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-ob-ii-ne-hotelos-by-htoby-kakaja-to-mashina-ili-kompjuter-nas-zamenili-754960-2025/> (data obrashcheniya: 18.12.2025).

2. Benanav, A. Automation and the Future of Work / A. Benanav. – London, 2020.

3. Baldwin, R. The Globotics Upheaval: Globalization, Robotics and the Future of Work / R. Baldwin. – Oxford University Press, 2019.

4. Greber, D. Bredovaya rabota. Traktat o rasprostraneni besmyslennogo truda : per. s angl. / D. Greber. – M. : Ad Marginem Press, 2022. – 368 s.

5. Radaev, V. V. Millenialy. Kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo / V. V. Radaev. – M. : Izd. dom NIU VSHe, 2023. – 223 s.

6. Titarenko, L. G. Tsifrovizaciya obucheniya: vospriyatie studentami distantsionnogo obucheniya i riskov / L. G. Titarenko // Voprosy filosofii. – 2023. – № 1. – S. 115–124.

7. Opros pokazal otnoshenie raznyh pokolenij k obucheniyu – URL: <https://skillbox.ru/media/education/opros-pokazal-otnoshenie-raznyh-pokoleniy-k-dopolnitelnomu-obucheniyu/> (data obrashcheniya: 02.12.2025).

8. «Artificial Intelligence and the Future of Teaching and Learning Insights and Recommendations» // Department of Education Office of Educational Technology. – May 2023. – URL: <https://www.ed.gov/sites/ed/files/documents/ai-report/ai-report.pdf> (data obrashcheniya: 16.12.2025).

9. AI in education: A review of personalized learning and educational technology / O. O. Ayeni [et al.] // GSC Advanced Research and Reviews. – 2024. – Vol. 18 (2). – P. 261–271.

10. Mangejm, K. Problema pokolenij / K. Mangejm // Ocherki po sociologii znaniya. – N'yu York : Rutledzh. – 1952. – S. 276–322.

11. Revolutionizing education: harnessing the power of artificial intelligence for personalized learning / M. P. Bratama [et al.] // Classical Journal of Education Language Teaching and Science. – 2023. – Vol. 5 (2). – P. 350–357.

12. Lin Wang. «Understanding the Dynamics of Information Cocoons on Social Media Platforms» // Lin Wang [et al.]. – URL: https://aisel.aisnet.org/pacis2025/sm_digcollab/sm_digcollab 19 (data obrashcheniya: 04.02.2026)

13. Lukichev, P. M. Primenenie iskusstvennogo intellekta v sisteme vysshego obrazovaniya / P. M. Lukichev, O. P. Chekmarev // Voprosy innovatsionnoj ekonomiki. – 2023. – T. 13, № 1. – S. 485–502.

14. Lukichev, P. M. Riski primeneniya iskusstvennogo intellekta v sisteme vysshego obrazovaniya / P. M. Lukichev, O. P. Chekmarev // Voprosy innovacionnoj ekonomiki. – 2024. – T. 14, № 2. – S. 463–482.

15. China: AI Governance Principles Released – URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2019-09-09/china-ai-governance-principles-released/> (data obrashcheniya: 20.05.2024).

16. Rezaev, A. V. Vozmozhnost' i neobkhodimost' cheloveko-orientirovannogo iskusstvennogo intellekta v yuridicheskoi teorii i praktike / A. V. Rezaev, N. D. Tregubova // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Vol. 1, nr 2. – P. 564–580.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.03.2026

Елена Николаевна Григорович

канд. социол. наук, доц., доц. каф. экономики и гуманитарных дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Elena Grigorovich

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Humanities
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: grigorovich@brsu.by

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СПЕЦИАЛИСТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА: ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Показаны тенденции развития системы образования, выявлены факторы, обуславливающие требования к содержанию образования в современном белорусском обществе, дана социологическая характеристика современного белорусского студенчества. На основе данных теоретического анализа и результатов эмпирических социологических исследований ценностных ориентаций современной студенческой молодежи раскрыты особенности социализации и профессиональной адаптации студентов в образовательной среде высшего учебного заведения.

Ключевые слова: образование, профессиональная культура специалиста, интеллектуальная культура, образовательная среда высшего учебного заведения, социально-гуманитарное образование.

The Development of a Specialist's Professional Culture in the University Educational Environment: a Philosophical and Sociological Analysis

The trends in the development of the education system are shown, the factors determining the requirements for the content of education in modern Belarusian society are identified, and the sociological characteristics of modern Belarusian students are given. Based on the data of theoretical analysis and the results of empirical sociological studies of the value orientations of modern students, the peculiarities of socialization and professional adaptation of students in the educational environment of a higher educational institution are revealed.

Key words: education, professional culture of a specialist, intellectual culture, educational environment of a higher educational institution, social and humanitarian education.

Введение

Современное общество предъявляет чрезвычайно высокие требования как к уровню образования выпускников высших учебных заведений, так и к системе образования в целом. Такая ситуация обусловлена статусом образования, как одного из важнейших социальных институтов. Сегодня качество образования является важнейшим условием устойчивого развития общества, надежным инструментом инновационного преобразования экономики и воспитания нового человека. Кроме того, как указывается в Национальной стратегии устойчивого развития до 2035 г., «качество образования – это основа успешного жизнеустройства человека, его мировоззренческого

стержня и активной гражданской позиции» [1, с. 16]. Выпускник высшего учебного заведения должен обладать не только качественным профессиональным образованием, но и соответствующими универсальными компетенциями.

Молодой специалист должен быть готовым к жизни в быстро меняющемся высокотехнологичном мире, совершенствовать свои знания и познавательные возможности на протяжении всей жизни. Общество ждет от него умения принимать ответственные решения в неопределенных, нестандартных ситуациях, способности генерировать идеи и работать в команде. При этом он должен быть высоконравственной личностью, обладать достаточным уровнем физической культуры и культуры здорового образа жизни.

Цель статьи – раскрыть специфику формирования основ профессиональной

**Исследование выполнено в рамках НИР «Формирование интеллектуальной культуры студентов в процессе преподавания философии в вузе», № госрегистрации 20213688.*

культуры будущих специалистов с учетом тенденций современного мирового развития, потребностей национальной экономики и особенностей нынешнего поколения молодежи.

Задачи статьи:

1) выделить основные тенденции в развитии современного образования и рассмотреть их влияние на содержание профессиональной подготовки в системе высшего образования Республики Беларусь;

2) показать значимость воспитания духовных ценностей и развития интеллектуальной культуры будущих специалистов;

3) на основе теоретического анализа и результатов эмпирических социологических исследований показать особенности социализации и профессиональной адаптации современного студенчества.

Основная часть

Влияние социально-культурных тенденций на развитие образования и содержание профессиональной подготовки специалиста

Эффективность системы образования определяется ее способностью обеспечить национальную конкурентоспособность, экономическую и политическую устойчивость государства в условиях глобальных экономических и социальных трансформаций, оперативно реагировать на изменение тенденций мирового развития.

Одной из ведущих мировых тенденций является *глобализация*, представляющая собой объективный мировой процесс, обусловленный развитием экономики знаний, сменой технологических укладов, изменениями в технике и технологиях производства, информатизацией всех процессов. Информационно-коммуникационные технологии создали возможность для широкого доступа к глобальным образовательным ресурсам, что позволяет использовать разнообразные знания и передовой опыт иных образовательных систем. При этом возможны ситуации, когда без должного критического осмысления используются западные учебники и кейсы, в которых не учитывается национальный культурный и социальный контекст, не формируется четкая гражданская позиция.

Информатизация как тенденция развития современного образования стала

следствием становления информационного общества. Информатизация и цифровизация в системе образования способствовали внедрению инновационных методов и технологий. Появилась возможность дистанционного обучения, стали широко использоваться электронные учебники, онлайн-курсы, что, безусловно, имело такие положительные моменты, как индивидуальная траектория обучения, возможность оперативного обновления содержания учебной и учебно-методической литературы, преодоление географических барьеров и др. Однако с этой тенденцией связаны и новые социальные риски системы образования. Серьезными становятся проблемы качества информации, распространения дезинформации и манипулирования общественным сознанием. Кроме того, сама по себе передача достоверной информации не означает автоматического превращения ее в знание, предполагает личную активность субъекта, а также соединение знаний с ценностными установками и превращение их в целостную картину мира. Особое беспокойство вызывает феномен виртуальной реальности, навязывающей иллюзорное восприятие мира и квазидуховность.

В подготовленной по решению VI Всебелорусского народного собрания «Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г.» одной из основных тенденций развития образования в мире названа *гуманитаризация*. Указанная тенденция проявляется в ориентации на личность обучающегося в целях наиболее полного раскрытия его способностей и удовлетворения образовательных потребностей.

В концепции указывается на неотделимость обучения от воспитания как отличительной особенности гуманизации образования, призванной формировать духовность, культуру, целостное развитие всех сторон личности, а также национальную направленность, обеспечивающую сочетание образования с историей и народными традициями, сохранение и обогащение национальных ценностей [2, с. 2]. Как еще одну особенность следует указать непрерывность образования – процесс, длящийся на протяжении всей жизни человека и направленный на актуализацию профессиональных компетенций.

Следует отметить, что указанная общемировая тенденция присутствует и в отечественном вузовском образовании. В белорусской высшей школе заметно возросла роль социально-гуманитарных дисциплин: принята новая концепция социально-гуманитарного образования, разработаны новые программы, изданы новые учебные пособия. И это не случайно. Широта, инновационность мышления выпускника высшего учебного заведения во многом определяются гуманитарной составляющей. Гуманитарное образование создает культурное поле человека, закладывает фундамент мировоззренческой и методологической культуры будущего специалиста, на котором строится способность по-иному взглянуть на возникшую проблему, предложить неожиданное решение.

Индивидуализация высшего образования – тенденция, обусловленная современной спецификой индивидуальной формы бытия человека в мире. Массовизация культуры, тенденции нивелирования личности выдвигают проблему индивидуального бытия человека. Общество требует от системы образования учета индивидуальных особенностей обучаемого, создания условий для раскрытия и развития потенциала, самореализации, саморазвития, конкурентоспособности и социальной успешности индивидов. Образование должно опираться на индивидуальные способности человека с целью формирования высокой степени индивидуальной ответственности во всех сферах общественной жизни.

В мировой практике также «наблюдается тенденция распространения и углубления *фундаментальной* подготовки при одновременном сокращении объема общих и обязательных дисциплин за счет строгого отбора материала, системного анализа его содержания. Эта тенденция обусловлена лавинообразным нарастанием объема информации и необходимостью умения работать с ней, что способствует переходу от фактологической к методологической форме обучения» [2, с. 3].

Дефундаментализация образования в условиях современного общества, на наш взгляд, таит в себе серьезную угрозу как для отдельного человека, так и для общества в целом. В условиях усиливающейся неопределенности и альтернативности выбора в обществе постмодерна необходимо обеспе-

чить такое образование, которое позволяло бы человеку (познающему субъекту) понимать, адекватно оценивать происходящее и выстраивать стратегии своей жизни. Отсутствие фундаментальных знаний, подмена знания информацией порождает тотальный скептицизм современного общества, особенно в молодежной среде, что препятствует постижению объективной истины.

Таким образом, понимание мировых и отечественных тенденций развития системы высшего образования имеет важное методологическое значение для его дальнейшего развития и совершенствования, повышения качества и конкурентоспособности в соответствии с текущими и перспективными требованиями национальной экономики и социальной сферы, мировыми тенденциями экономического и научно-технического развития.

Духовные ценности как фундамент профессиональной ориентации будущего специалиста

Образованию принадлежит исключительная роль в становлении личности и социализации каждого человека. Оно представляет собой процесс сознательного, организованного, планомерного и целенаправленного воздействия на сознание и поведение развивающейся личности с целью формирования у нее определенных понятий, ценностных ориентаций, социальных установок и подготовки ее к активной профессиональной, общественной и культурной деятельности. Человек становится личностью и активным субъектом общественных отношений в процессе социализации, если усвоит определенную систему знаний, норм, ценностей, образцов поведения, характерных для конкретной социальной группы и общества в целом.

Следует признать, что новые реальности и вызовы современного глобализированного информационного общества изменили облик современного студента. Как отмечают авторитетные белорусские и российские социологи, современные молодые люди заметно отличаются от предшествующих поколений студентов. На эти отличия указывает, например, в своих работах профессор Белорусского государственного университета, доктор социологических наук А. Н. Данилов. Интересное исследование проводит в своей книге российский социолог и экономист В. В. Радаев [3].

Исследования мировоззренческих ценностных ориентаций современной молодежи показывают существование противоречия между профессиональными ожиданиями студентов и запросами общества, государства, рынка труда. Категория «профессиональные ожидания», понимаемая как совокупность представлений индивида о своем профессиональном будущем, опосредованном личностными и средовыми социально-психологическими факторами, – это динамическая структура, способная реагировать на самые незначительные изменения в социуме. К личностным социально-психологическим факторам относится осведомленность о профессии, опыт работы по специальности, понимание места образования в самореализации. К средовым социально-психологическим факторам специалисты относят макросоциальные (социально-экономическая ситуация в стране, общественное мнение, деятельность средств массовой информации) и микросоциальные (мнение родителей, друзей, специфика учебного процесса, образовательная среда вуза и академической группы). Под влиянием всех указанных факторов формируются позитивные, негативные или нейтральные профессиональные ожидания студентов. Многочисленные социологические исследования фиксируют изменение функции высшего образования в молодежном сознании. Сегодня поступление в вуз является скорее обязательным этапом в жизни молодого человека, а не желанием стать профессионалом.

Результаты социологических исследований по проблеме ценностно-мировоззренческих ориентаций дают возможность проследить динамику отношения студентов к избранной специальности, а также выявить условия, позволяющие стимулировать их профессиональный и познавательный интерес, повышать мотивацию к высоким учебным достижениям. По нашему мнению, мотивация и положительное отношение к профессии являются важнейшими условиями активизации процесса обучения и познавательной деятельности.

Как показывают результаты исследований, проводимых в Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина, более 90 % от числа опрошенных первокурсников отмечают, что им нравится избранная специальность; 6–7 % – относятся

к ней безразлично; лишь не более 2 % респондентов указывают, что специальность им не нравится. При этом следует признать разброс мнений студентов-первокурсников в зависимости от специальности (например, больше всего избранная специальность нравится будущим юристам).

В рамках этих же исследований выявлено, что 63,5 % (почти 2/3) опрошенных студентов второго курса считают, что не ошиблись с выбором специальности. Однако на четвертом курсе лишь 38,1 % студентов указали, что поступили бы на свою же специальность и в свой университет, а 41 % опрошенных выбрали бы другое учебное заведение и другую специальность.

Свою социальную и профессиональную успешность молодые люди далеко не всегда связывают с избранной специальностью. Как показывают результаты социологических исследований, почти половина (46,2 %) первокурсников намерены стать профессионалами в избранной специальности и ориентированы на достижение делового успеха и карьеру (44,7 %). Второкурсники сохраняют эту корреляцию: 51,9 % студентов по-прежнему мечтают достичь делового успеха и сделать карьеру и связывают это с избранной специальностью. Однако к четвертому курсу, когда расширились знания студентов о сферах и задачах их будущей профессиональной деятельности, снижается число респондентов (39,9 %), связывающих достижение делового успеха и карьерный рост с будущей профессиональной деятельностью. Так, например, старшекурсники юридического факультета отмечают, что их не привлекает в будущей профессии перспектива интенсивной работы и личной ответственности. Это свидетельствует о том, что молодежь реализацию своей потребности в самоактуализации связывает преимущественно с экономическими (материальными) успехами.

Одним из значимых факторов, определяющих успешное достижение поставленной цели, являются профессиональные ожидания выпускников. Видение своей профессии, представление о возможности ее воплощения в реальности и будет сказываться на качестве компетенций.

Сегодня в структуре профессиональной мотивации и профессиональных ожиданий молодежи произошли изменения:

заметна ориентация на прагматические ценности. Результаты социологических исследований показывают, что лидирующее положение в рейтинге занимает хорошая оплата труда. Выпускники вузов полагают, что трудовая деятельность – это основополагающая сфера трудовой активности, в которой в первую очередь удовлетворяются потребительские запросы. Они выбирают высокий заработок и материальное благополучие. Опираясь на результаты эмпирических социологических исследований, профессор Л. Г. Титаренко заключает: «Студенты ожидают, что хорошая работа должна быть интересной и соответствовать таким критериям, как достойная оплата труда, перспектива сделать карьеру. Самая низкая важность оказалась у возможности творчества в труде и работы по специальности. Это означает, что при выборе стратегии выхода на рынок труда эти ценности меньше принимаются во внимание». «Следование таким установкам, – считает Л. Г. Титаренко, – приводит к высокой текучести кадров молодых специалистов, а значит и к дополнительным материальным затратам на местах на обучение (доучивание) новых кадров, приходящих вместо уходящих на эти места» [4, с. 3].

По мнению специалистов, социально-психологические факторы (личностные качества и потребности, воздействие окружения в малых группах) имеют доминирующее влияние на формирование профессиональных ожиданий. Поэтому с целью эффективной подготовки высококвалифицированных специалистов в системе высшей школы, по нашему мнению, очень важно понимание мотивов получения студентами высшего образования: мотивов выбора профессии, степени удовлетворенности профессиональным выбором, целей будущей профессиональной деятельности, индивидуальных требований к будущей работе. Такие знания, полученные как посредством теоретических, так и прикладных эмпирических исследований помогут сформировать жизненную стратегию будущих молодых специалистов, определиться с видением ими своих целей жизни и этапов их достижения. Устойчивость мотивов студентов и понимание путей реализации поставленных целей поможет обеспечить четкое представление о различных сторонах предстоящей работы и об уровне своей подготовки к ней.

Ориентация будущих специалистов на стратегию успеха и самореализации вместо стратегии жизненного благополучия возможна лишь при совместных усилиях всех участников образовательно-воспитательного процесса в высшей школе. В высшем учебном заведении должна быть создана эффективная образовательная среда, обеспечивающая психологические условия сохранения здоровья, развития личности, развивающая способность к самообразованию.

Первичная профессиональная социализация в формировании основ профессиональной культуры

В высшем учебном заведении осуществляется первичная профессиональная социализация будущего специалиста и закладываются основы его профессиональной культуры. Важной образовательной и воспитательной задачей педагогического коллектива является сохранение и укрепление интереса студентов к профессии, к избранной ими специальности, формирование основ профессиональной культуры специалиста. В. Я. Кочергин определяет профессиональную культуру как «саморазвивающуюся систему признанных профессиональным сообществом функций специалиста (профессиональных ролей), норм и ценностей, регулирующих и направляющих процесс производственной деятельности, отношения между членами профессиональной группы и другими группами и общественными институтами, а также устанавливающих квалификационные требования, образцы достижений и профессиональной мобильности» [3, с. 5]. Профессиональную деятельность организует и «культурно упорядочивает» корпоративная культура. Корпоративная, или организационная, культура включает в себя корпоративные ценности и систему отношений, складывающихся в ходе профессиональной деятельности, поведенческие нормы, разделяемые ее сотрудниками. Она также предполагает отчетливо выраженную миссию (наличие целей, принципов, ценностей и норм деятельности организации), сформированную на ее основе «команду», собственный имидж. Представители различных сфер профессиональной деятельности являются носителями корпоративной культуры, обладающей своей спецификой. Начинать формирование профессиональной культуры, знакомить с особенностями корпоративной

культуры различных профессиональных сообществ следует, по нашему мнению, в период профессиональной социализации в вузе, развивая и укрепляя связи с профессиональным сообществом.

В системе высшего образования Республики Беларусь современные требования к уровню подготовки специалистов закреплены в образовательных стандартах специальностей. Важно, что в образовательные стандарты Республики Беларусь всех специальностей наряду с базовыми профессиональными компетенциями, отражающими способность специалиста решать профессиональные задачи, заложено также формирование универсальных компетенций, отражающих способность специалиста применять базовые общекультурные знания и умения, обладать необходимыми социально-личностными качествами. Важными составляющими профессионализма специалиста становятся способность к самообразованию и творческому мышлению, инициативность, ответственность, готовность (и умение) работать в команде, коммуникативные и адаптационные способности. Задача учебного заведения – сформировать и развить необходимые для будущей профессиональной деятельности качества, помочь студентам в их профессиональном самоопределении.

Усложнение задач, стоящих перед системой образования, предъявляет и более высокие требования к образовательным технологиям, применяемым в высшей школе. Не претендуя на анализ существующих образовательных технологий, считаем важным обратить внимание на структурно-содержательный аспект категории «образовательная технология». Любая образовательная технология представляет собой взаимосвязанную образовательную деятельность преподавателей и студентов, выработанную на основе методологических философских принципов и педагогических приемов, выстраиваемую в конкретной форме последовательных технологических действий и имеющую своей целью некоторый запланированный результат. Поэтому очень важно понимать, что успешное достижение запланированного результата станет возможным при условии знания познавательных особенностей и личностных характеристик современной студенческой молодежи. В работе со студентами на лекционных и практических заня-

тиях, при организации их самостоятельной работы важно учитывать познавательные возможности и личностные характеристики современной студенческой молодежи. Активизировать познавательные способности студентов, сформировать потребности в высокой профессиональной компетентности будущих специалистов, помогает образовательная среда высшего учебного заведения.

Особо значимую роль образовательная среда высшего учебного заведения играет на начальном этапе обучения в вузе, когда у первокурсников происходит перестройка всей системы ценностно-познавательных ориентаций личности, осваиваются новые способы познавательной деятельности и формы межличностных отношений. Успешность и эффективность периода адаптации студентов к вузовскому обучению позволит обеспечить психологический комфорт, повысить учебную мотивацию и, как следствие, профессионализм будущих специалистов. Результаты эмпирических социологических исследований ценностных ориентаций студенческой молодежи показывают наличие затруднений на начальном этапе обучения у большинства студентов: от 86 до 98 % (в зависимости от специальности) испытывают затруднения при вхождении в студенческую жизнь. Основные трудности первокурсники испытывают при подготовке к занятиям (91 %), конспектировании лекций (89 %), работе с научной литературой (80 %), планировании самостоятельной работы (80 %). Как свидетельствует наш педагогический опыт и подтверждают результаты эмпирических исследований, нынешние студенты меньше читают, у них отсутствует навык погружения в текст, они ориентированы на поиск прикладных знаний и получение готовой информации, а не на усвоение методов познания и фундаментальных теорий.

Уже в процессе дидактической адаптации студентов-первокурсников важно начинать их профессиональную преадаптацию, которая во многом определяет их дальнейшее отношение к учебе и результаты учебной деятельности. Одной из важнейших составляющих в системе профессиональной подготовки будущих специалистов является организация научно-исследовательской деятельности. В настоящее время растет спрос на высококвалифицированных специалис-

тов, способных прогнозировать и моделировать результаты собственной профессиональной деятельности, творчески решать сложные задачи в период кризисных ситуаций. Занятие научно-исследовательской деятельностью открывает возможности для раскрытия творческого потенциала будущих профессионалов. При этом значимость студенческих научно-исследовательских работ определяется не только глубиной проведенного исследования, но также актуальностью исследуемых проблем и весомостью практических выводов. Поэтому научно-исследовательская деятельность университетских кафедр, а также студенческая научно-исследовательская работа должна проводиться в тесном сотрудничестве с организациями – заказчиками кадров.

Таким образом, создание в высшем учебном заведении условий для всестороннего воздействия и эффективной помощи студентам с целью формирования и поддержки мотивации молодых людей к профессиональному совершенствованию, добросовестной учебе и научно-исследовательской деятельности станет важным условием первичной профессиональной социализации и основ профессиональной культуры будущего специалиста.

Роль социально-гуманитарных дисциплин в формировании профессиональной культуры специалиста

Важную роль в создании эффективной образовательной среды учебного заведения и формировании профессиональной культуры будущего специалиста на начальном этапе обучения играют, на наш взгляд, социально-гуманитарные дисциплины государственного компонента. Гуманитарное образование создает культурное поле человека, а философия закладывает фундамент мировоззренческой и методологической культуры будущего специалиста, на котором строится способность по-иному взглянуть на возникшую проблему, предложить нестандартное ее решение.

В современном высшем образовании Республики Беларусь заметно возросла роль философии и социально-гуманитарных дисциплин в целом, принята новая концепция социально-гуманитарного образования, разработаны новые программы и изданы новые учебные пособия. Внедрение в образовательный процесс обновленной концепции

социально-гуманитарного образования и контроль со стороны Министерства образования за его реализацией лишней раз подтверждает значимость гуманитарной подготовки будущих специалистов.

Широта, инновационность мышления выпускника высшего учебного заведения во многом определяются гуманитарной составляющей. «Совершенно очевидно, – пишет А. В. Климович, – что нельзя в процессе изучения философии “научиться мудрости” и достичь “многознания”. Философия – никогда не прекращающийся диалог человека с миром. Именно она ставит смысло-жизненные вопросы, именно она пытается уловить и зафиксировать в понятиях, насколько это вообще возможно, целостность человеческого бытия. И эволюция философского знания взаимосвязана с логикой развития духовной культуры человечества. Очевидно, что... главная задача преподавателя философии заключается в том, чтобы выявить в философской мысли эту логику и помочь увидеть ее студенту» [6, с. 70].

Кроме социально-гуманитарных дисциплин государственного компонента студентам предлагаются дисциплины по выбору и дисциплины вузовского компонента. Так, например, кафедра экономики и гуманитарных дисциплин БрГУ имени А. С. Пушкина предлагает дисциплины «Социальные ценности белорусского общества в цивилизационном контексте», «Корпоративная этика», «Логика в юридической практике» и др. Эти дисциплины помогают студенту усвоить духовно-нравственные ценности, развить универсальные компетенции, выступают основой для формирования профессиональных качеств и самоопределения личности. А введение на первом курсе юридического факультета дисциплины вузовского компонента «Методология учебной и научно-исследовательской деятельности студента» помогает не только академической адаптации, но и профессиональной адаптации студентов. В рамках учебного курса они знакомятся с особенностями учебной и научно-исследовательской деятельности в вузе, необходимыми академическими компетенциями, изучают современные стратегии академического чтения и письма, осознают значение самообразования и саморазвития в будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, социально-гуманитарные дисциплины государственного компонента и гуманитарные дисциплины вузовского компонента играют важную роль в формировании потребности в высокой интеллектуальной культуре и профессиональной компетентности будущих специалистов, помогают активизировать познавательные способности студентов, сформировать у них стремление к самообразованию.

Заключение

Стоящие перед современной высшей школой задачи направлены на подготовку будущих специалистов, обладающих высоким уровнем профессиональных знаний, а также востребованных в профессиональном сообществе универсальных компетенций. Возрастающие требования к подготовке специалистов обусловлены мировыми тенденциями, новой реальностью современного глобализированного информационного общества. Необходимость максимального соответствия требованиям работодателя, быст-

рой адаптации выпускников к профессиональной деятельности и меняющимся условиям труда, высокая конкуренция на рынке труда требуют современных подходов к подготовке будущих специалистов.

Четкое понимание стоящих перед высшей школой задач, знание мировых социокультурных и образовательных тенденций, учет социально-демографических особенностей, терминальных и инструментальных ценностей современного поколения студентов становятся критически важными для эффективной работы системы образования, создания современных практико-ориентированных образовательных технологий и подготовки конкурентоспособных специалистов. Это позволит в процессе обучения сформировать высокую профессиональную культуру будущих специалистов, создать условия для их профессионального самоопределения, дальнейшего трудоустройства и карьерного роста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года. – URL: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2035-goda.pdf> (дата обращения: 05.10.2025).
2. Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г. – URL: <https://adu.by/images/2021/12/koncept-razv-sist-obrazov.pdf> (дата обращения: 05.10.2025).
3. Радаев, В. Миллениалы: как меняется российское общество / В. В. Радаев. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2019. – 224 с.
4. Титаренко, Л. Г. Влияние цифровой трансформации на ориентации белорусского студенчества в отношении будущей трудовой деятельности / Л. Г. Титаренко // *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія.* – 2020. – № 1. – С. 117–125.
5. Кочергин, В. Я. Профессиональная культура и социальные технологии: теоретико-методологический анализ взаимосвязи / В. Я. Кочергин // *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* – 2019. – № 3. – С. 4–9.
6. Климович, А. В. Некоторые аспекты использования информационно-коммуникационных технологий в процессе преподавания философии в вузе / А. В. Климович // *Системная трансформация общества: информационные технологии, инновации и традиции : сб. науч. тр. / БрГТУ ; под ред. В. Н. Варич [и др.]. – Брест : Изд-во БрГТУ, 2021. – 171 с.*

REFERENCES

1. Natsional'naya strategiya ustoichivogo razvitiya Respubliki Belarus' na period do 2035 goda. – URL: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2035-goda.pdf> (data obrashcheniya: 05.10.2025).
2. Kontseptsii razvitiya sistemy obrazovaniya Respubliki Belarus' do 2030 g. – URL: <https://adu.by/images/2021/12/koncept-razv-sist-obrazov.pdf> (data obrashcheniya: 05.10.2025).

3. Radaev, V. Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo / V. V. Radaev. – M. : Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 2019. – 224 s.
4. Titarenko, L. G. Vliyanie tsifrovoi transformatsii na orientatsii belorusskogo studenchestva v otnoshenii budushchei trudovoi deyatel'nosti / L. G. Titarenko // Vesnik Brestskaga universiteta. Seryya 1, Filosofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. – 2020. – № 1. – S. 117–125.
5. Kochergin, V. Ya. Professional'naya kul'tura i sotsial'nye tekhnologii: teoretiko-metodologicheskii analiz vzaimosvyazi / V. Ya. Kochergin // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya. – 2019. – № 3. – S. 4–9.
6. Klimovich, A. V. Nekotorye aspekty ispol'zovaniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii v protsesse prepodavaniya filosofii v vuze / A. V. Klimovich // Sistemnaya transformatsiya obshchestva: informatsionnye tekhnologii, innovatsii i traditsii : sb. nauch. tr. / BrGTU ; pod red. V. N. Varich [i dr.]. – Brest : Izd-vo BrGTU, 2021. – 171 s.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.12.2025

Александр Михайлович Бельский¹, Анна Викторовна Шурко²

¹канд. социол. наук, доц., руководитель Центра оперативных исследований
Института социологии Национальной академии наук Беларуси

²магистр социол. наук, мл. науч. сотрудник Центра оперативных исследований
Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Alexander Belski¹, Hanna Shurko²

¹Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Center of Operative Research
of the Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus

²Master of Sociological Sciences, Junior Researcher of the Center of Operative Research
of the Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: ¹alexanderbelski@ya.ru; ²annasurko91@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИЙ В ОБЛАСТИ МАТРИМОНИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ БЕЛОРУСОВ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЛОНГИТУДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ «ПОКОЛЕНИЯ И ГЕНДЕР»*

Проанализированы результаты двух волн (2017, 2023) лонгитюдного исследования по методологии «Поколения и гендер» в Республике Беларусь. Особое внимание сфокусировано на взаимоотношениях между партнерами в семье, влиянии родительской семьи на поведение в собственных семьях жителей Беларуси, а также трансформации паттернов образа действий респондентов в области интеракции с партнерами/супругами. Определено, что отношения в белорусских семьях изменяются в течение совместной жизни в большинстве случаев в сторону уравнивания количества домашних обязанностей между супругами, стратегия решения конфликтов смещается в сторону уступок, что имеет следствием повышение удовлетворенности супружескими отношениями. Финансовые практики демонстрируют переход к большей автономии партнеров. Влияние родительской семьи на матримониальное поведение респондентов признано незначительным.

Ключевые слова: матримониальное поведение, супруги, взаимодействие, семья, отношения.

Transformation of Strategies in Matrimonial Behaviour of Belarusians Based on the Results of the Longitudinal Study «Generations and Gender»

The article analyses the results of two waves (2017, 2023) of the longitudinal research on the methodology «Generations and Gender» in the Republic of Belarus. Special attention is focused on the relationships between partners in the family, the influence of parental family on the behaviour in their own families of the residents of Belarus, as well as the transformation of respondents' patterns of action in the field of interaction with partners/spouses. It has been determined that relations in Belarusian families change during joint life in most cases in the direction of equalisation of the number of household duties between spouses, change of strategies of conflict resolution in the direction of concessions, which has a consequence of increasing satisfaction with marital relations. Financial practices demonstrate a shift towards greater autonomy of the partners. The influence of the parental family on the matrimonial behaviour of respondents was found to be insignificant.

Key words: matrimonial behavior, spouses, interaction, family, relationships.

*Статья подготовлена на основании научно-исследовательской работы, выполненной в рамках проекта международной технической помощи «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения Целей устойчивого развития», одобренного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 марта 2021 г. № 141 «Об одобрении проектов международной технической помощи» и зарегистрированного в базе данных проектов и программ международной технической помощи Министерства экономики Республики Беларусь 15 марта 2021 г. (№ 2/21/001130).

Введение

Исследование трансформации взаимоотношений в современной белорусской семье позволяет выявить существующие тенденции матримониального поведения белорусов.

Изменения стратегий относительно построения семьи и регистрации брака могут быть обусловлены различными причинами и вариативно влиять на социально-демографическую ситуацию в стране.

Изучая особенности взаимодействия между партнерами (распределение обязанностей и доходов, установки на совместную

жизнь, разногласия и способы их регулирования, систему принятия решений [1]) и результат такого взаимодействия (уровень удовлетворенности отношениями с партнером [2] и степень ощущения персонального счастья в целом) сквозь призму влияния на них матримониальной стратегии родительской семьи [3], можно разработать новую или скорректировать действующую систему мер стимулирования семейного благополучия.

Стоит обратить внимание на то, что родители выступают основой первичной социализации детей через их воспитание, в ряде случаев являясь примером определенной стратегии матримониального поведения в будущем.

Неблагоприятная обстановка в родительской семье, конфликты и разногласия могут повлиять на будущий выбор деструктивных стратегий [4–6].

Выявление доминирующих паттернов поведения, реализуемых людьми, выросшими в семьях с различными типами отношений, будет способствовать принятию научно обоснованных программ по оптимизации демографической и социальной политики государства.

Кроме того, напряженные отношения в семье имеют потенциал негативно влиять на ментальное здоровье и психологический комфорт ее членов, а также их физическое состояние в случае реализации выхода негативных эмоций и на преодоление фрустрации в отношениях через насилие [7], что еще раз подчеркивает значимость и актуальность исследования взаимоотношений между партнерами в семье.

Цель статьи – выявить ключевые тенденции трансформации стратегий в области матримониального поведения белорусов с 2017 по 2023 г.

Основная часть

В статье анализируются данные первой (2017 г.) и второй (2023 г.) волн национального обследования «Формирование семьи, стабильных семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» с использованием методологии международной программы «Поколения и гендер».

Обследование проводилось в рамках проекта международной технической помощи «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения Целей устойчивого развития».

Можно предположить, что модель партнерских взаимоотношений в родительской семье формирует представления населения о должном и влияет на будущие стратегии уже в их собственных семьях.

Если рассматривать данный вопрос прямолинейно, то можно допустить, что если родители были женаты, то и их ребенок будет стремиться к браку (95,8 % респондентов отметили, что их родители когда-либо были женаты).

Так, разница долей женатых или замужних респондентов, чьи родители состояли и не состояли в браке, – 14,7 %.

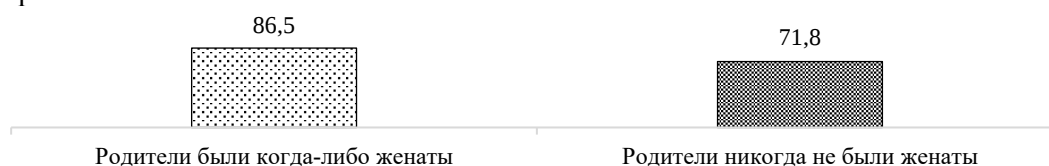

Рисунок 1 – Доля респондентов, находящихся в браке, родители которых когда-либо были либо не были женаты (2023 г.), %

Несмотря на кажущуюся логичность выдвинутого выше предположения, статистически данные факторы связи не имеют.

В целом среди респондентов, имеющих партнеров, удовлетворенность отношениями с матерью выше, чем с отцом (средний балл удовлетворенности отношениями с матерью – 8,3, с отцом – 7,7 из 10 баллов),

причем удовлетворенность отношениями с отцом у мужчин выше, чем у женщин (7,9 против 7,5 из 10 баллов).

Стоит отметить, что существует слабая прямая связь между удовлетворенностью собственными отношениями с партнером и отношениями с родителями (с матерью: коэффициент корреляции тау (τ))

Кендалла = 0,191 при уровне значимости $<0,001$; с отцом: коэффициент корреляции тау (τ) Кендалла = 0,174 при уровне значимости $<0,001$). При этом сила связи меняется в зависимости от пола: связь удовлетворен-

ности своими отношениями у мужчин сильнее с отцами, а у женщин – с матерями. Уровень значимости всех корреляций $<0,001$ (таблица 1).

Таблица 1 – Коэффициенты корреляции тау (τ) Кендалла между удовлетворенностью собственными отношениями и отношениями с родителями, в зависимости от гендерной принадлежности респондента (2023 г.)

	Все респонденты, имеющие партнеров	Мужчины	Женщины
Удовлетворенность отношениями с отцом	0,174	0,219	0,128
Удовлетворенность отношениями с матерью	0,191	0,190	0,198

Несмотря на наличие слабой корреляции, стоит отметить, что, вероятно, обе рассматриваемые переменные могут быть зависимы от какого-либо другого фактора.

Что касается количества детей в семьях, то существует прямая очень слабая связь между числом детей в родительской семье респондентов и числом рожденных у них самих детей (коэффициент корреляции Пирсона = 0,125 при уровне значимости $<0,001$), а также с числом чад, которых респонденты намереваются иметь (коэффициент корреляции Пирсона = 0,127 при уровне значимости $<0,001$).

Иначе говоря, статистически значимый процент респондентов, имевших большее количество детей в родительской семье, также указывали и большее количество рожденных или планируемых детей в собственных семьях.

Так как связь между различными факторами, относящимися к собственной и родительской семье, довольно слабая, можно сделать вывод, что родительская семья влияет на будущую семью детей не выражено, что актуализирует учет более широкого круга агентов социализации.

С 2017 г. доля находившихся в отношениях респондентов и продолжающих состоять в них в 2023 г. составила 82,5 %.

В данной статье анализируются данные респондентов, начавших свое участие в лонгитюдном исследовании в 2017 г. и продолживших его в 2023 г. (к сожалению,

нельзя сказать, тот же это партнер, что и был, однако можно предположить, что существует тенденция на сохранение отношений или поиск новых при разрыве старых).

За 6 лет 8,8 % респондентов вступили в отношения, а 8,7 % вышли из них.

Абсолютное большинство опрошенных (91,3 %) остались в браке (или были в браке на момент проведения первой волны исследования, расстались и снова заключили брак ко второй волне исследования), 2,6 % опрошенных, которые не состояли в браке, вступили в него, а 6,1 % развелись и больше в брак не вступали.

Рассматривая вопрос разногласий, можно отметить, что количество некоторых из них остается у пар стабильным спустя годы, а у других меняется.

Так, 74,2 % респондентов не изменили своего мнения относительно количества разногласий по поводу рождения ребенка, 56,8 % – из-за отношений с родителями, 50,6 % – из-за отношений с друзьями, 45,6 % – из-за организации досуга, 44,2 % – из-за воспитания детей, 44,1 % – из-за денег, 40,5 % – из-за работы по дому.

В 2023 г. респонденты чаще отмечали меньшее количество разногласий по всем поводам (рисунок 2).

В целом можно отметить, что доля респондентов, количество разногласий в семьях которых снизилось, больше, чем доля опрошенных, у которых увеличилось.

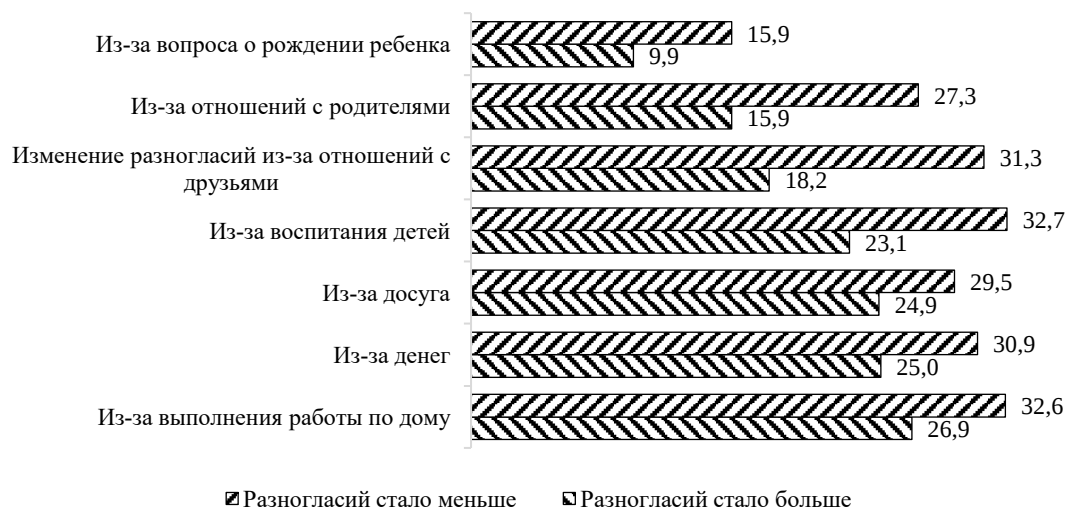

Рисунок 2 – Доля разногласий из-за различных причин по увеличению и снижению их наличия (с 2017 по 2023 г.), %

С течением времени респонденты стали чаще указывать, что используют уступки в качестве способа разрешения конфликтов (на 36,5 %), что может быть связано с возрастом и увеличением стажа отношений (по данным исследования 2023 г. доля респондентов увеличением возраста и стажа отношений, выбравших этот вариант ответа, растет). В 2023 г. доля респондентов, выбравших чаще спокойное обсуждение вопроса, стала меньше на 38,5 %, а 28,9 % продолжили прибегать к нему с той же частотой, тогда как 32,6 % даже чаще. Снизилась частота таких способов разрешения разно-

гласий, как оживленный спор и крик (в 35,9 % случаях), отказ об этом говорить (32,7 %). Таким образом, отношения части респондентов имеют тенденцию к прекращению партнерами попыток поговорить о проблеме с предпочтением уступок, однако можно отметить своеобразную циркуляцию способов разрешения разногласий, т. к. только около трети из них остаются на том же уровне, что может говорить о динамичности партнерских отношений, поиске оптимального для конкретной пары решения конфликтной ситуации (рисунок 3).

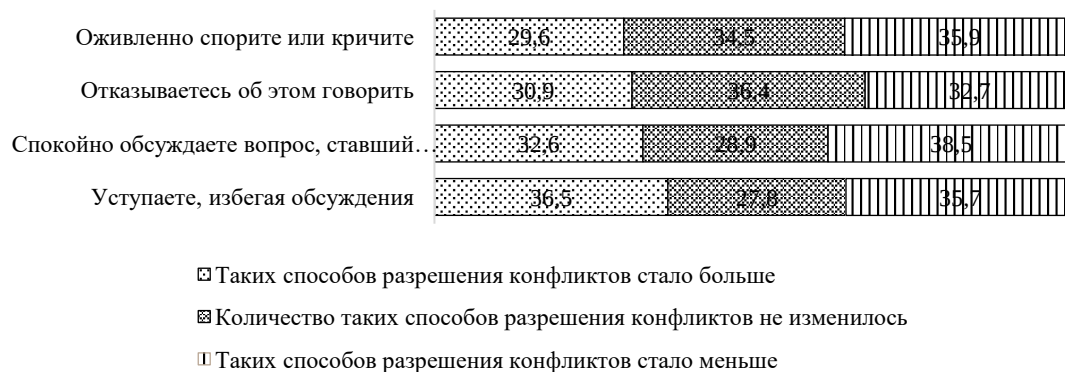

Рисунок 3 – Изменение доли различных способов решения разногласий по их увеличению и снижению (с 2017 по 2023 г.), %

По степени удовлетворенности отношениями с партнером респонденты разделились на три примерно равные группы: 32,5 % опрошенных поставили в 2023 г. более высокую оценку по данному показателю, чем в 2017 г.: 33,9 % – ту же, а 33,7 % – более

низкую. У большинства партнеров (88,2 %) не изменилась частота мыслей о разрыве отношений, при этом 5,6 % перестали об этом думать; у 6,2 % такие мысли, наоборот, появились (рисунок 4).

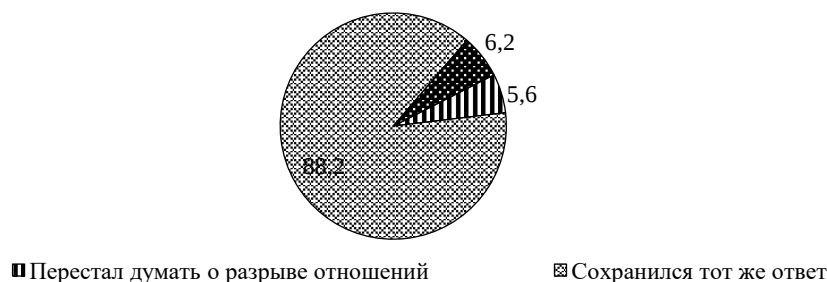

Рисунок 4 – Изменение доли мыслей о разрыве отношений (с 2017 по 2023 г.), %

Самым стабильным видом домашней занятости оказалась организация совместного досуга (не изменилась вовлеченность партнеров или супругов в данный тип деятельности в 60,2 % случаев). Интересно, что во многих видах деятельности (ежедневное приготовление еды, уборка дома пылесосом, стирка, оплата счетов) вовлеченность женщин снизилась, в то время как вовлеченность мужчин увеличилась (таблица 2). Это может говорить о реорганизации домаш-

них обязанностей и увеличении общей занятости мужчин в выполнении домашних обязанностей. К тому же удовлетворенность распределением домашних обязанностей с 2017 по 2023 г. в 98,6 % увеличилась, что может свидетельствовать о том, что во время существования отношений партнеры приходят к оптимальному распределению работы (в т. ч. ослаблению гендерной привязки к нему).

Таблица 2 – Распределение изменения вовлеченности в различные виды домашних работ в зависимости от гендерной принадлежности респондента, % (с 2017 по 2023 г.)

	Всего	Мужской	Женский
Ежедневное приготовление еды			
Стал меньше вовлечен	33,3	25,4	39,4
Не изменилось	37,2	36,7	37,6
Стал больше вовлечен	29,5	38,0	22,9
Уборка дома пылесосом			
Стал меньше вовлечен	36,1	32,1	39,2
Не изменилось	30,8	30,9	30,7
Стал больше вовлечен	33,1	37,0	30,1
Стирка			
Стал меньше вовлечен	29,9	23,1	35,1
Не изменилось	37,5	36,6	38,1
Стал больше вовлечен	32,7	40,3	26,8
Мелкий ремонт по дому			
Стал меньше вовлечен	29,0	34,5	24,7
Не изменилось	41,3	42,2	40,6
Стал больше вовлечен	29,7	23,3	34,7
Оплата счетов			
Стал меньше вовлечен	34,2	27,6	39,4
Не изменилось	29,7	29,1	30,2
Стал больше вовлечен	36,1	43,3	30,4
Организация совместного досуга			
Стал меньше вовлечен	19,4	20,0	19,0
Не изменилось	60,2	59,3	60,8
Стал больше вовлечен	20,4	20,7	20,2

Многие респонденты в 2023 г. отметили меньшую вовлеченность в различные виды деятельности по уходу за ребенком, чем в 2017 г. (что, вероятно, связано со

взрослением детей за 6 лет, т. е. им больше не требуется такой предметный уход). Так, в 39,9 % ответов снизилась частота помощи в одевании ребенка (в 33,5 % случаях ответ

не изменился, в 26,7 % демонстрируется бóльшая вовлеченность), в 39,1 % – помощи с домашним заданием (в 30,4 % случаях ответ не изменился, в 30,5 % демонстрируется бóльшая вовлеченность), в 54,8 % – укладывание спать (в 28,5 % случаях ответ не изменился, в 16,7 % демонстрируется бóльшая вовлеченность). В основном не изменилась вовлеченность в игры с детьми (58,4 %), но увеличилась в случае заботы о детях дома во время их болезни (39,9 %). При этом значимой разницы в изменениях уровня вовлеченности между мужчинами и женщинами нет.

В отличие от разграничения выполняемых домашних обязанностей удовлетворенность распределением работы по уходу за ребенком, наоборот, в значительной части случаев, снизилась (бóльшая в 2023 г., чем в 2017 г., отметили 28,9 %, меньшую – 41,2 %, а оставшуюся на том же уровне – 29,9 %). Это также может косвенно свидетельствовать о том, что повзрослевшие дети иначе взаимодействуют с родителями, причем родители не всегда готовы к новым для себя стратегиям коммуникации (рисунок 5).

Рисунок 5 – Изменение доли мыслей о разрыве отношений (с 2017 по 2023 г.), %

Что же касается принятия решений, то, относительно более дорогих покупок в 64,1 % случаев их структура осталась прежней (18,2 % респондентов стали менее вовлечены в данный процесс, 17,7 % – более), относительно обычных покупок для дома также наблюдается некоторая стабильность у 45,0 % опрошенных (в 26,9 % случаев респонденты стали менее вовлечены в данный процесс, в 28,1 % – более). Изменения относительно принятий решений о времени,

затрачиваемом респондентом и его партнером на оплачиваемую работу, направлены в основном в сторону личной ответственности за себя (в принятие решений о своем времени стали больше вовлечены 39,8 % респондентов, а о времени, затрачиваемом партнером, меньше вовлечены 36 % (рисунок 6). По данным аспектам не наблюдается ярких гендерных различий.

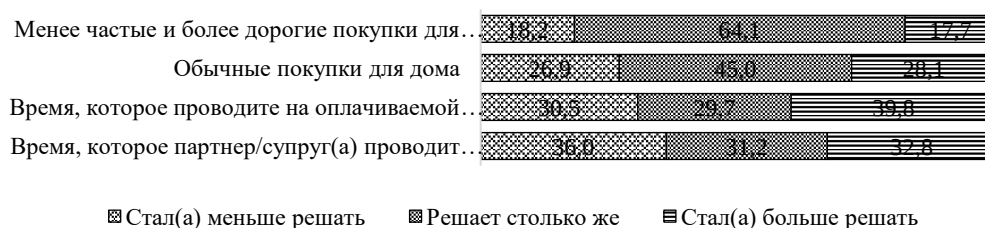

Рисунок 6 – Изменение доли решений, которые принимают партнеры (с 2017 по 2023 г.), %

В распоряжении доходами зафиксированы изменения в 54,2 % случаев, а расходами – в 72,9 %. Можно заметить, что с 2017 г. снизилась доля партнеров, имеющих общие деньги (с 63,1 до 55,9 %), и увеличилась доля тех, кто предпочитает позволить каждому из пары самостоятельно распоряжаться своими деньгами (с 4,8 до 10,1 %).

Что касается расходов, то с 2017 г. снизилась доля респондентов, оплачивающих все приблизительно в равных долях (с 33,5 до 28,4 %), и увеличилась доля тех, кто платит в зависимости от личного дохода (с 14,2 до 17,3 %).

У 42,2 % респондентов, которые высказывали свое намерение в течение следу-

ющих трех лет завести детей, появился ребенок (в пятилетний срок – до 2023 г.), что может свидетельствовать о том, что какие-либо причины (проблемы со здоровьем, конфликты с партнерами, недостаток денег, возможно, глобальные мировые вызовы (например, COVID-19) и т. д.), помешали значительной части населения, настроенного на рождение ребенка, осуществить этот план. Также родились дети у 12,3 % указавших, то, что они не планируют детей до 2020–2021-х и у 24,5 % тех, кто не был уверен в своих намерениях.

Таким образом, отношения в белорусских семьях имеют определенную динамику, а не застывают во времени, распространяя на всю последующую жизнь изначальные установки. Можно отметить, что значимая часть респондентов в конце концов приходит к тому, что для разрешения разногласий необходимо уступить, в то же время само количество разногласий по различным темам снижается. Происходит перераспределение домашних обязанностей, в результате которого в них оказываются более вовлечены мужчины, в то время как женщины начинают чаще заниматься мелким ремонтом, что, в свою очередь, приводит к нахождению паритета и росту удовлетворенности данным распределением. Уход за детьми в большей степени зависит от их возраста, поэтому трудно сказать, как в действительности связана удовлетворенность этим распределением и его структура. В финансовой сфере также происходят изменения, однако не такие выраженные.

Заключение

Ключевые трансформации взаимоотношений партнеров в современной белорусской семье зафиксированы по направлению роста равноправия в распределении ролей (традиционное разделение на «мужские» и «женские» обязанности в отношении быта и воспитания детей, распределения дохода постепенно смещаются в направлении выравнивания участия мужчины и женщины во всех видах работ, причем женщина постепенно освобождается от т. н. «второй занятости», т. е. концентрация сугубо на ней множества бытовых функций смещается, что позитивно сказывается на удовлетворенности распределением обязанностей и отношениями в целом); увеличения эмоциональ-

ной близости и формата открытой коммуникации (партнеры воспринимают свою вторую половину наиболее близким для себя человеком, способным помочь в разрешении наиболее значимых противоречий, причем возникающие конфликты купируются через продуктивную и функциональную коммуникацию, где партнеры (при необходимости) могут пойти на уступки, т. е. конфликт перестает быть фатальным для отношений событием, становясь, скорее, возможностью их развития через снятие противоречий); преваширования духовных аспектов над материальными (существующие социально-экономические условия позволяют достичь определенного необходимого финансового благополучия, что трансформировало иерархию приоритетности причин, по которым пары могут отказываться от вступления в отношения и деторождения, где ведущие позиции стала занимать не материальная обеспеченность, а уверенность в партнере, желание первоначально осуществить профессиональную самореализацию и самоактуализироваться в целом, что позволит в перспективе выстроить функциональный союз); роста индивидуализации и здоровой автономии (партнеры стремятся к наличию достаточного для собственного комфортного проживания в союзе и реализации намерений по деторождению жилищного пространства, принимают самостоятельные решения по организации и направленности своей профессиональной самореализации и финансовых трат).

Несмотря на то, что вышеописанное в целом способствует большей гармонии и удовлетворенности в отношениях, имеются и дисфункциональные союзы, где ключевые противоречия отношений основаны именно на распределении обязанностей партнеров, порождающем конфликты по этому поводу, приводящие к росту неудовлетворенности взаимоотношениями и провоцирующие мысли о том, чтобы их прекратить. Ключевой проблемой таких взаимоотношений является непродуктивная коммуникация, использование неэффективных способов разрешения споров, что обрекает союзы на распад.

Важность имеет реализация диалоговых площадок по открытому обсуждению своего родительского опыта, опыта построения взаимоотношений, где модератор помогает осмыслить его и получить новый.

Жизненный опыт разнообразен, как и пути разрешения противоречий. Он обсуждаем и формирует траектории преодоления кризисных явлений. Такие диалоги позволяют избавиться от стереотипов и формируют уверенность в том, что разного рода ситуации возникают в каждом отношении,

но все из них могут быть гармонично разрешены. Погруженность в информационное пространство сети Интернет зачастую наполняет сознание мифологемами, которые прочно в нем укореняются. Разбор реальных кейсов позволяет избавиться от стереотипов и поверить в себя и свои силы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. McKie, L. Starting well: Gender, care and health in the family context / L. McKie, S. Bowlby, S. Gregory / *Sociology*. – 2004. – Vol. 38, nr 3. – P. 593–611.
2. Баландина, Л. Л. Удовлетворенность браком в системе родительно-детских и супружеских отношений / Л. Л. Баландина // *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1, Психологические и педагогические науки*. – 2014. – № 1. – С. 125–136.
3. Безрукова О. Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ / О. Н. Безрукова // *Социологические исследования*. – 2014. – №. 9. – С. 85–97.
4. Гасанова, Б. М. Влияние гендера на брачно-семейный конфликт / Б. М. Гасанова, А. М. Муталимова, Д. М. Даудова // *International Journal of Medicine and Psychology*. – 2019. – Vol. 2, nr 4. – P. 207–212.
5. Ali, P. A. Spousal role expectations and marital conflict: perspectives of men and women / P. A. Ali, J. McGarry, A. Maqsood // *Journal of interpersonal violence*. – 2022. – Vol. 37. – P. 27.
6. Pathan, Z. A. Adversities of marital conflict: A sociological analysis / Z. A. Pathan // *Journal of Humanities and Social Science*. – 2015. – Vol. 20, nr 2. – P. 19–25.
7. Лагойда, Н. Г. Проблема стабильности брака и роста числа разводов в современном обществе / Н. Г. Лагойда // *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*. – 2017. – № 2. – С. 86–96.

REFERENCES

1. McKie, L. Starting well: Gender, care and health in the family context / L. McKie, S. Bowlby, S. Gregory / *Sociology*. – 2004. – Vol. 38, nr 3. – P. 593–611.
2. Balandina, L. L. Udovletvorennost' brakom v sisteme roditel'sko-detskikh i supruzheskikh otnoshenii / L. L. Balandina // *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1, Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*. – 2014. – № 1. – S. 125–136.
3. Bezrukova O. N. Modeli roditel'stva i roditel'skij potentsial: mezhpokolennyi analiz / O. N. Bezrukova // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 2014. – №. 9. – S. 85–97.
4. Gasanova, B. M. Vliyanie genдера na brachno-semeinyi konflikt / B. M. Gasanova, A. M. Mutalimova, D. M. Daudova // *International Journal of Medicine and Psychology*. – 2019. – Vol. 2, nr 4. – P. 207–212.
5. Ali, P. A. Spousal role expectations and marital conflict: perspectives of men and women / P. A. Ali, J. McGarry, A. Maqsood // *Journal of interpersonal violence*. – 2022. – Vol. 37. – P. 27.
6. Pathan, Z. A. Adversities of marital conflict: A sociological analysis / Z. A. Pathan // *Journal of Humanities and Social Science*. – 2015. – Vol. 20, nr 2. – P. 19–25.
7. Lagoida, N. G. Problema stabil'nosti braka i rosta chisla razvodov v sovremennom obshchestve / N. G. Lagoida // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*. – 2017. – № 2. – S. 86–96.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 31.10.2025

Алеся Андреевна Похомова

канд. социол. наук, доц., зав. каф. социальной коммуникации

Белорусского государственного университета

Alesya Pokhomova

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,

Head of the Department of Social Communications of Belarusian State University

e-mail: pakhom@bsu.by

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ВОЛОНТЕРА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Рассматривается продвижение и популяризация волонтерского движения в Беларуси на примере визуальных материалов, размещаемых в аккаунтах некоммерческих организаций в популярной среде белорусских пользователей социальной сети Инстаграм. В основе методологии исследования лежат подход П. Бергера и Т. Лукмана о социальном конструировании реальности и визуальная социология П. Штомпки. В рамках авторского исследования было проанализировано 415 фотографий, размещенных в 186 постах, опубликованных в декабре 2025 г. в Инстаграм-аккаунтах 9 организаций, являющихся частью белорусского волонтерского движения. Сделаны выводы о формировании отдельного образа волонтера применительно к каждому направлению волонтерской деятельности. Так как информация в социальных сетях отражает жизненный мир волонтеров, включая достижения и трудности в работе, представляется необходимым продолжение работы по популяризации волонтерского движения посредством социальных медиа.

Ключевые слова: визуальная репрезентация, конструирование образа, волонтерское движение, волонтерские организации, волонтер, фотография, визуальная социология.

Visual Representation of a Volunteer's Image on Social Media

The article examines the promotion and popularization of the volunteer movement in Belarus using the example of visual materials posted on the accounts of non-profit organizations on Instagram, a popular social network among Belarusian users. The research methodology is based on the approach of P. Berger and T. Lukman on the social construction of reality and the visual sociology of P. Shtompka. As part of the author's research, 415 photos were analyzed, posted in 186 posts published in December 2025 on the Instagram accounts of 9 organizations that are part of the Belarusian volunteer movement. The author draws conclusions about the formation of a separate image of a volunteer in relation to each area of volunteer activity. Since information on social networks reflects the life world of volunteers, including achievements and difficulties in their work, it seems necessary to continue work on popularizing the volunteer movement through social media.

Key words: visual representation, image construction, volunteer movement, volunteer organizations, volunteer, photography, visual sociology.

Введение

Во Всеобщей декларации добровольцев (1990, Париж) указано, что волонтерство обладает такими характеристиками, как добровольность («добровольный выбор, отражающий личные взгляды и позиции»), инициативность («активное участие гражданина в жизни человеческого сообщества»), социальная значимость деятельности («способствует улучшению качества жизни, личному совершенствованию и углублению солидарности») [1]. Во Всеобщей Декларации Добровольчества (2001, Амстердам) отмечается, что волонтерство охватывает и индивидуальные, и коллективные действия, посредством которых без ожидания финансового вознаграждения люди могут применять свое

время и ресурсы для достижения блага общества в целом, прилагая усилия к решению его проблем, или благополучия других людей, содействуя укреплению социальной сплоченности на уровне семьи, общности, страны и мира в целом [2].

Формирование положительного имиджа волонтера выступает одной из важнейших стратегических задач при развитии волонтерского движения на разных уровнях: от локального до международного. Так, в 2001 г. одной из задач при проведении Международного года волонтеров стало формирование положительного имиджа волонтера. В резолюции ООН 56/38 были представлены рекомендации правительствам по поддержке института волонтерства, немаловаж-

ными среди которых выступили меры по повышению информированности населения относительно практик волонтерства, в т. ч. посредством «общественных информационных кампаний и общественных мероприятий», преодоления негативных стереотипов о волонтерстве, «обеспечение доступа граждан к информации о возможностях для добровольчества» и др. [3].

Для решения задачи популяризации волонтерства и признания вклада волонтеров в социальное благополучие и повышение качества жизни определенных категорий граждан или отдельных их представителей на международном уровне был учрежден Международный день волонтера, который ежегодно отмечается 5 декабря. 2018 г. был объявлен в Российской Федерации Годом добровольца (волонтера), что, согласно результатам исследований, «способствовало росту и развитию волонтерского движения в стране», в т. ч. это выразилось в увеличении доли населения, воспринимающего волонтерство в позитивном ключе [4, с. 22].

2026 г. был объявлен ООН Международным годом волонтеров. Также немаловажным в вопросе развития и продвижения волонтерства на мировом уровне является проведение регулярных исследований волонтерства в формате мониторинга с последующей публикацией результатов. Так, отчеты о состоянии добровольчества в мире вышли в 2011 г. (Универсальные ценности для глобального благополучия, 2015), (Преобразование государственного управления, 2018), (Добровольчество и устойчивость сообществ, 2022), (Создание равноправного общества для всех, 2026), (Волонтерство и его измерение) [5].

Цель статьи – на основании эмпирических данных, полученных с помощью метода контент-анализа изображений, размещенных за декабрь 2025 г. в аккаунтах одной из самых популярных социальных сетей в Беларуси – Инстаграм – тех общественных организаций и волонтерских групп, которые играют важную роль в развитии волонтерского движения в белорусском обществе, реконструировать образ волонтера, транслируемый посредством социальных медиа, рассмотрев в т. ч. субкультурные элементы волонтерства.

Основная часть

Руководствуясь институциональным междисциплинарным подходом в исследовании волонтерства, принимаем во внимание, что социальный институт фактически формирует «социальную инфраструктуру нашего поведения», гарантирует стабильность «уже сложившейся структуры взаимодействий между агентами и минимизации социальных издержек», в т. ч. посредством поддержания доверия между действующими субъектами [6, с. 19].

При этом спецификой ряда современных институтов становится коммуникация в виртуальном пространстве и активная включенность в социальные сети, где «участники приобретают новые возможности и ресурсы» [7, с. 147]. Виртуальное пространство социальных медиа позволяет управлять вниманием и конструировать желательную реакцию со стороны потребителя информации. Для общественных организаций ведение социальных сетей позволяет не только информировать о результатах деятельности, направлениях работы, создавать положительный имидж, но и вовлекать новых людей в социально значимые проекты и инициативы, формируя позитивное отношение к волонтерству как к явлению и волонтерам как к отдельным его представителям. Популярность социальных сетей велика, как и возможности применять их ресурсы для продвижения и популяризации волонтерского движения среди разных слоев населения, привлекать пожертвования и спонсорскую помощь, а также осуществлять поиск и привлечение новых членов.

Реальность, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, социально относительна, а наше знание об окружающем мире зависит от социального контекста [8, с. 12]. По мнению западных социологов, именно повседневное знание представляет собой предмет интереса социологов. «Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира... Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве реального» [8, с. 38].

В современном мире цифровизация выступает в качестве процесса, который меняет социальную реальность. Цифровые технологии охватывают разные аспекты чело-

веческой жизни и все глубже проникают в повседневность. В конце 2025 г. международная организация DataReportal представила отчет Digital 2026: Belarus, согласно которому 94,3 % от общей численности населения охвачены сетью интернета [9]. Численность активных пользователей социальных сетей эквивалентна 85 % общей численности населения Беларуси. Наиболее популярной платформой среди белорусов выступает ТикТок (7,64 млн пользователей), второе место занимает Инстаграм (3,9 млн пользователей), который активно используется пользователями в т. ч. для продвижения социальных инициатив, проектов, мероприятий, организаций [9].

Современный человек проводит в социальных сетях значительное количество времени, проживая часть своей жизни в виртуальном мире сконструированных смыслов и образов, сопредельствуя в местах, которые видит на изображениях и видеозаписях, знакомясь с людьми и их жизненным миром, не прибегая к непосредственной субъект-субъектной коммуникации. Р. Барт отмечал, что фотография представляет собой сообщение, которое имеет своего отправителя, канал передачи и среду получателей [10, с. 378]. Несмотря на то, что ученый фокусировал внимание непосредственно на газетной разновидности фотографии, те же черты характерны и для фотографии в новых медиа.

Для общественных объединений, являющихся отправителями сообщений-фотографий, важно посредством социальных сетей как канала коммуникации представить широкой аудитории, в т. ч. членам организации или волонтерской группы, подписчикам, упорядоченный набор смыслов.

Для каждой составляющей может быть применен разный метод изучения. В этой связи, как отмечает Р. Барт, мы, принимая взаимосвязь текста статьи (поста), заголовка, комментариев и самого фотосообщения, признаем, что «независимо от своего происхождения и назначения снимок является не просто продуктом или путем передачи, это еще и предмет, обладающий структурной автономией» [10, с. 378]. Фотографическое сообщение может быть проанализировано с точки зрения герменевтического, семиотического, структурного и дискурсивного анализа [11, с. 77–100].

Визуальный язык фотографии стал объектом интереса польского социолога П. Штомпки. В рамках своей работы «Визуальная социология. Фотография как метод исследования» [11] ученый отмечает социальные контексты, которые могут быть отражены на фотографиях – «типичные области общественной жизни, в которые люди как-то входят и из которых выходят в течение своего повседневного функционирования, а также в течение своей жизни» [11, с. 32]. Из 15 выделяемых П. Штомпкой социальных контекстов следует отметить, что волонтерство может быть отнесено к работе или досугу в зависимости от теоретических установок исследователя относительно сущности волонтерства. Мы руководствуемся положением о том, что волонтерская деятельность не несет материальной выгоды исполнителю и, как правило, осуществляется в свободное от основной занятости (оплачиваемой работы или учебы) время, и рассматриваем волонтерство в контексте организации полезного досуга. Структурный анализ фотосообщений в рамках данного исследования осуществлялся в соответствии с обозначенными П. Штомпкой 6 аспектами: действующие личности, действия людей, взаимодействие и общественные отношения, коллективность и ее структура, культура и среда [11, с. 30–45]. Ранее методология визуальной социологии П. Штомпки была применена для исследования презентации молодежной субкультуры волонтерства в социальных сетях [12].

Для проведения анализа использовались изображения, опубликованные в период с 1 по 31 декабря 2025 г., в 186 постах аккаунтов в социальной сети Инстаграм таких объединений, как Республиканский волонтерский центр, Детский Фонд ООН (ЮНИСЕФ), Белорусский Красный Крест, Волонтерский клуб «Слон» Белорусского государственного университета культуры и искусств, ПСО «Ангел» (Поисково-спасательный отряд «Ангел»), Помощь диким птицам (частное природоохранное учреждение «Охрана природы»), Молодежный ресурсный центр «Ступени», социально-благотворительное учреждение «Центр Помощи Жизни». В декабре, как правило, интенсифицируется деятельность различных волонтерских структур в преддверии новогодних праздников. Выбор указанных организаций

для анализа обусловлен их ролью в развитии волонтерского движения в Беларуси, популярностью Инстаграм-аккаунта, масштабом осуществляемой волонтерской деятельности. Контент-аналитическому исследованию были подвержены все изображения, опубликованные за указанный период в объеме 415 единиц.

Результаты проведенного исследования показали, что рассматриваемые организации практикуют разное количество публикаций изображений в месяц в социальных сетях: от 1 до 95. В рамках данного исследования образ волонтера рассматривался как целенаправленно формируемое представление о волонтере как субъекте добровольческой деятельности. На анализируемых изображениях чаще представлены женщины-волонтеры (34,2 %), чем мужчины (22,2 %). Следует отметить, что в отдельных случаях (0,5 %) пол волонтера, как и возраст, определить не представлялось возможным, например, из-за костюма, маски или грима. Значительная доля фотосообщений (43 %) не содержит изображения волонтера. Чаще всего такая ситуация встречается в поисково-спасательном направлении волонтерской деятельности и зооволонтерстве: волонтеры, условия и содержание их деятельности для широкой аудитории во многом остаются неизвестными. Одним из элементов субкультуры выступает стиль, определяющий внешний вид представителей сообщества, в т. ч. одежду, прическу, аксессуары, позволяющие идентифицировать их носителей с данной субкультурой. Чаще всего волонтеры на фотографиях представлены в повседневной одежде (35,5 %), намного реже – в театральном костюме для проведения мероприятия (13,5 %) или в специальной одежде, например, в белом халате, защитной спецодежде и обуви (2,9 %). Среди представителей волонтерского сообщества нередко практикуется ношение отдельных элементов одежды, подчеркивающих принадлежность субъекта к определенной волонтерской группе, организации или проекту, например, жилет, выполненный в фирменных цветах организации с надписью «Волонтер». По результатам проведенного контент-анализа можно сделать вывод о том, что на фотографиях чаще всего волонтеры представлены без каких-либо знаков отличия (36,2 %). Среди наиболее часто встречающихся элементов одежды, под-

черкивающих статус волонтера, на фотографиях следует отметить майки, куртки или байки (11,3 %). В отдельных случаях встречаются бейджи (2,9 %), жилеты (2,6 %), нашивки на одежду с символикой организации (1,1 %).

Чаще всего на фотографиях изображены ситуации, в которых волонтеры выполняют типичные, привычные для конкретного направления волонтерской деятельности действия (44,3 %), в 10 % случаев изображения отражают церемонии чествования или награждения волонтеров (5 декабря во всем мире отмечается Всемирный день волонтеров, к которому нередко бывают приурочены локальные мероприятия по подведению итогов года, поощрение наиболее активных волонтеров организации). По содержанию деятельности на рассмотренных изображениях чаще всего волонтеры занимаются организацией культурно-развлекательных мероприятий (22,2 %), проводят информационную работу с населением (16,9 %), оказывают помощь животным (14,8 %), собирают продукты, вещи для подопечных (11,1 %). В 35,5 % случаев на фотографиях представлена волонтерская группа в составе двух и более человек. Как правило, это либо волонтеры одной группы или организации (27,3 %) либо волонтеры совместно с руководителем или координатором волонтерской деятельности (25,5 %).

Минимальное число человек на фотографии – 1, максимальное – 70, при этом 52,3 % фотографий содержат не более 6 человек. В центре фотографий чаще всего находится волонтер (36,4 %) или реципиент, т. е. тот, в отношении кого осуществляется волонтерская деятельность (24 %).

Заключение

Ведение своеобразного виртуального дневника деятельности волонтеров в организации посредством социальных сетей позволяет решать важные задачи, стоящие на пути дальнейшего развития волонтерского движения, – информирования и формирования доверия к волонтерству как к явлению и к волонтерам как к субъектам (акторам) этой деятельности. Отражение деятельности общественной организации и роли волонтеров в ней в социальных сетях позволяет не только конструировать образ волонтера в общественном сознании, но и формировать

осведомленность о содержании деятельности и возможностях волонтеров, преодолевать стереотипы, поддерживать интерес к социальному институту добровольчества и набирать новых членов в ряды волонтеров, привлекать финансовую помощь от физических лиц, необходимую для обеспечения деятельности некоммерческой организации.

На основании результатов исследования фотосообщений отдельных общественных объединений и волонтерских групп можно сделать вывод о том, что образ волонтера тесно связан с направлением волонтерской деятельности: в рамках зооволонтерства волонтер как субъект появляется крайне редко, в социальной сети публикуются в основном посты, связанные с потребностями организации и информацией о животных, которые нуждаются в помощи (лечении, передержке, устройстве в семью и др.), а труд самих добровольцев остается вне внимания общественности; в отношении популяризации поисково-спасательного волонтерства наблюдается схожая ситуация, т. к. содержание постов носит фактологический характер, практически исключая самих волонтеров из публикуемого контента. Наиболее полно и содержательно разнообразно представлено «в лицах» социальное волонтерство. Образ волонтера во многом зависит от категории реципиента. Если объектом оказания помощи выступают дети, то в качестве волонтера преимущественно будет

выступать молодая девушка, организующая или участвующая в мероприятиях для них. Если помощь оказывается одиноким пожилым людям, пациентам хосписа, то волонтером будет в большинстве случаев женщина средних лет, имеющая отличительные знаки добровольца (например, бейдж, одежду с логотипом волонтерской группы или общественного объединения, халат).

Исследование показало возрастное разнообразие волонтерского движения, что также играет значимую роль в отношении усиления роли волонтерства в разных сферах жизни общества. На данный момент волонтерами являются люди разных возрастов, которые присоединились к данному движению в разные периоды своей жизни. При этом следует учитывать, что в разный возрастной период и даже в рамках разных направлений волонтерской деятельности мотивационные установки людей отличаются [5, с. 32]. Отражение опыта волонтерства разных возрастных групп в социальных сетях будет способствовать расширению масштабов данной практики.

Таким образом, фотография, с одной стороны, отражает социальную реальность, с другой – способствует ее конструированию или преобразованию. Вопрос о дальнейшей работе по популяризации волонтерского движения через формирование позитивного образа волонтера в социальных сетях остается актуальным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Всеобщая Декларация Добровольцев. – URL: https://www.nbchr.ru/pdf/vseob_declar_dobrovol.pdf (дата обращения: 01.02.2026).
2. The Universal Declaration on Volunteering. – URL: <https://www.iave.org/the-universal-declaration-on-volunteering/> (date of access: 30.01.2026).
3. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций, 56/38 «Рекомендации о поддержке добровольчества». – URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/56/38> (дата обращения: 30.01.2026).
4. Культура общественного участия в мегаполисе: экосистема московского волонтерства. Аналитический доклад. – М. : Общепос. обществ. фонд «Обществ. мнение», 2019. – 232 с.
5. The State of the World's Volunteerism Report. – URL: <https://knowledge.unv.org/theme/state-of-the-worlds-volunteerism> (date of access: 01.02.2026).
6. Круглова, М.С. Теория институционального дизайна: от поиска идеальных институтов к работам Блумингтонской школы / М. С. Круглова // Terra Economicus. – 2018. – Т. 16, 4. – С. 17–28.
7. Скобелина, Н. А. Институциональный дизайн современных общественных движений / Н. А. Скобелина // Дискурс-Пи. – 2023. – Т. 20. – № 1. – С. 141–154.
8. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е. Руткевич. – М. : Academia-Центр, МЕДИУМ, 1995. – 323 с.

9. Digital 2026 Global Overview Report. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-global-overview-report> (date of access: 30.01.2026).
10. Барт, Р. Фотографическое сообщение / Р. Барт // Система Моды. Статьи по семиотике культуры ; пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – С. 378–392.
11. Штомпка, П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования / П. Штомпка. – М. : Логос, 2007. – 168 с.
12. Похомова, А. А. Молодежная субкультура волонтерства в Беларуси сквозь призму визуальной социологии П. Штомпки / А. А. Похомова // Современная молодежь и общество : сб. науч. ст. – Мн., 2023. – Вып. 11. – С. 41–47.

REFERENCES

1. Vseobshchaya Deklaratsiya Dobrovol'tsev. – URL: https://www.nbchr.ru/pdf/vseob_declar_dobrovol.pdf (data obrashcheniya: 01.02.2026).
2. The Universal Declaration on Volunteering. – URL: <https://www.iave.org/theuniversal-declaration-on-volunteering/> (date of access: 30.01.2026).
3. Rezolyutsiya, prinyataya General'noy Assambleey Organizatsii Ob'edinennykh Natsij, 56/38 «Rekomendatsii o podderzhke dobrovol'chestva». – URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/56/38> (data obrashcheniya: 30.01.2026).
4. Kul'tura obshchestvennogo uchastiya v megapolise: ekosistema moskovskogo volonterstva. Analiticheskij doklad. – М. : Obshcheros. obshchestv. fond «Obshchest. mnenie», 2019. – 232 s.
5. The State of the World's Volunteerism Report. – URL: <https://knowledge.unv.org/theme/state-of-the-worlds-volunteerism> (date of access: 01.02.2026).
6. Kruglova, M. S. Teoriya institutsional'nogo dizaina: ot poiska ideal'nykh institutov k rabotam Blumingtonskoj shkoly / M. S. Kruglova // Terra Economicus. – 2018. – Vol. 16, nr № 4. – S. 17–28.
7. Skobelina, N. A. Institutsional'nyi dizain sovremennykh obshchestvennykh dvizhenii / N. A. Skobelina // Diskurs-Pi. – 2023. – T. 20, № 1. – S. 141–154.
8. Berger, P. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya / P. Berger, T. Lukman ; per. Ye. Rutkevich. – М. : Academia-Centr, MEDIUM, 1995. – 323 s.
9. Digital 2026 Global Overview Report. – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-global-overview-report> (date of access: 30.01.2026).
10. Bart, R. Fotograficheskoe soobshchenie / R. Bart // Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury / per. s fr., vstup. st. i sost. S. N. Zenkina. – М. : Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2003. – S. 378–392.
11. Shtompka, P. Vizual'naya sotsiologiya. Fotografiya kak metod issledovaniya / P. Shtompka. – М. : Logos, 2007. – 168 s.
12. Pokhomova, A. A. Molodezhnaya subkul'tura volonterstva v Belarusi skvoz' prizmu vizual'noi sotsiologii P. Shtompki / A. A. Pokhomova // Sovremennaya molodezh' i obshchestvo : sb. nauch. st. – Мн., 2023. – Vyp. 1. – S. 41–47.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 27.02.2026

Мария Григорьевна Соколовская*магістр психол. наук, ст. преподаватель каф. всеобщей истории и политологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Maria Sokolovskaja***Master of Psychology, Senior of Lecturer of Department for Political Science and Sociology
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: msokolovska@yandex.by*

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННЫМИ БЕЛОРУССКИМИ ДЕВУШКАМИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Представлены результаты социологического исследования, направленного на изучение представлений девушек о красоте человека. Отмечается восприятие ими красоты как интеграции и гармонизации внутренней и внешней привлекательности. Установлено, что среди компонентов красоты первые позиции занимают высокие духовные качества индивида, а не его физические достоинства. Выявлено, что эротическое притяжение, роль сексуального фактора является важной, но периферийной. Обоснована оптимистическая оценка молодыми белорусками возможности сохранения красоты на протяжении длительного времени, даже всей жизни. Выделены основные факторы, способствующие, с точки зрения девушек, красоте: наследственность, врожденное чувство гармонии, способность к развитию своих духовных способностей, достижение внутренней гармонии, а также здоровый образ жизни. Указывается, что отношение к красоте человека у респондентов противоречивое: в их представлении она обладает безусловной позитивной коннотацией, но лишь частично связана со счастливой жизнью индивида. Красота напрямую сопряжена с ответственностью и способностью противостоять заложенным в ней силам.

Ключевые слова: *молодые мужчины, молодые женщины, социологический опрос, ценности, красота.*

Aesthetic Dimension of the Life of Modern Belarusian Girls: a Sociological Analysis

The article presents the results of a sociological study aimed at studying young girls' ideas about human beauty. It is noted that beauty is perceived by them as the integration and harmonization of the internal and external attractiveness. It has been established that among the components of beauty, the first positions are occupied by the high spiritual qualities of an individual, and not his physical merits. It was revealed that erotic attraction and the role sexual factor are important, but peripheral. It has been proven that young Belarusian women are optimistic about the possibility of maintaining beauty over a long period of time, even throughout their entire lives. It is emphasized that the main factors contributing to beauty are heredity, an innate sense of harmony, the ability to develop one's spiritual abilities, achieving inner harmony, and a healthy lifestyle. It is indicated that the respondents have a contradictory attitude towards human beauty. In their view, it has an unconditional positive connotation, but is only partially connected with the happy life of the individual. Moreover, beauty is directly linked to responsibility and the ability to resist the temptations inherent in it.

Key words: *young men, young women, values, sociological survey, beauty.*

Введение

Успешное решение проблем социализации молодежи является ключевым фактором эффективного развития любого общества. Особую актуальность эта проблема приобретает в эпоху постмодерна, которой имманентно присущи расплывчатость, неопределенность, двусмысленность господствующих в обществе ценностных систем. В этих обстоятельствах принципиальное значение приобретает ориентация белорусской молодежи на высокие ценностные

образцы и смыслы, большей частью детерминированные исторической традицией.

Существует множество социологических исследований, эмпирически измеряющих совокупность моральных, религиозных и политико-идеологических установок молодых белорусов. Однако практически отсутствуют научные исследования, в которых изучаются представления современных белорусских девушек о красоте человека. Эта проблематика поднимается только в редких исследованиях, посвященных представлениям молодежи о любви или собственной

телесности [1–3]. Провозглашение в Беларуси 2026 г. Годом женщины актуализировало потребность в изучении мировосприятия женщин, их представлений о себе и других.

В связи с этим целесообразным стало проведение социологического опроса, посвященного представлениям девушек-белорусок о красоте человека, в силу их мотивационной значимости, выступающей в четырех измерениях:

а) эстетический образ партнера является важным мотивом брачного выбора;

б) образ красивого человека обладает явно выраженными статусными характеристиками;

в) эстетическая привлекательность индивида расширяет его коммуникативные возможности;

г) красивый человек на обыденном уровне воспринимается как успешный, что повышает его самооценку и психологическую устойчивость.

В рамках научно-исследовательской работы кафедры всеобщей истории и политологии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина под руководством автора по случайной выборке были опрошены 240 респондентов (ошибка репрезентативности не превышает 5 %), девушек в возрасте до 30 лет, проживающих в разных регионах Брестской области (январь–февраль 2026 г.).

Основная часть

Красота человека: исторические коды

Нынешнее представление о красоте человека современными белорусками является отражением исторических социокультурных кодов, заложенных в Античность, христианством и эпохой Возрождения.

В наибольшей степени разработкой проблематики прекрасного занимались древние греки. Красота человека в их понимании выражалась в нескольких формах.

Во-первых, она проявлялась в его телесности, но, что принципиально, тела одушевленного, являющегося местом обитания души. Как отмечал выдающийся русский философ А. Лосев, «в своей античной красоте оформляющий ее рассудок сталкивался с живой жизнью тела, но вовсе не оставался в своем противостоянии этой телесной жизни. Он пронизывал ее тем смыслом и той идеей, благодаря которым впервые только

она и получала целенаправленную значимость» [4, с. 403].

Во-вторых, душа человека, пребывающая в его теле, является вместилищем ума (Нуса) и моральности (красивый человек не может быть глупым или же безнравственным); тело и душа создают «единораздельную целостность».

В-третьих, в древнегреческом понимании тело человека мыслится как процесс художественно-творческого становления, что предполагает целенаправленные усилия по его формированию и эстетизации [1, с. 622].

В-четвертых, в красоте индивида наблюдается доминанта симметричности и пропорциональности между внутренним и внешним, его отдельными членами.

В-пятых, в красоте присутствует и Эрос, т. е. чувственный любовный компонент. Платон отмечал, что в облике возлюбленного нам предстает идея красоты, существующая и записанная в памяти души.

В-шестых, феномен прекрасного имеет свое гендерное измерение. В понимании, например, Аристотеля, отмечает А. Ф. Лосев, тела мужчин и женщин несопоставимы по своей красоте, поскольку эстетическая привлекательность тела мужчины по всем параметрам превосходит тело женщины, не говоря уже о его абсолютном душевном превосходстве [5, с. 337–339].

В христианстве наблюдается противопоставление красоты тела и души, оставляя безусловный приоритет за красотой последней; тело же, обладая сильно выраженной чувственностью, воспринимается как вместилище греха (соблазна) и потенциально опасно для бытия души. Особое неприятие вызывает тело женщины: чем она внешне привлекательнее, тем большее вызывает подозрение в связи с дьяволом. Сама же романтическая любовь сконцентрирована на «агапэ» («не желать своего»); в этом проявляется высшая красота человека.

Эпоха Ренессанса восстанавливает ценность красивого тела, в особенности женского, его гармоничность, совершенство и чувственное начало. Одновременно не утрачивается значимость духовных измерений красоты. Например, Савонарола, будучи носителем гуманистической возрожденческой эстетики, восклицает: «Ты ведь не назовешь женщину красивой только потому, что она имеет красивый нос или красивые

руки; она красива тогда, когда в ней все пропорционально. Откуда проистекает такая красота?... Из души... Прекрасная душа сопричастна красоте божественной и отражает свою небесную прелесть в теле человека» [Цит. по: 6, с. 574].

В эту эпоху существует и обратная сторона эстетического, выраженная в чрезмерной чувственности и страстности индивида за счет «погашения» высоких душевных качеств.

В нашем исследовании выдвинута гипотеза, что представления о красоте человека современных белорусов являются отражением исторической культурной традиции, на фундаменте которой исторически развивалась Беларусь и белорусы и что восприятие прекрасного существенным образом определяет поведение девушек.

Результаты исследования

Первоначально в нашем исследовании было важно определить (посредством открытого вопроса), что для молодых белорусок означает красота человека в самом

общем смысле. Выяснилось, что около 75 % опрошенных воспринимают ее как гармонию внешней и внутренней привлекательности. Примерно по 10 % респондентов сделали акцент либо на красоте души, либо на красоте тела. У почти 5 % девушек красота ассоциируется с небанальностью и личностным своеобразием, обладанием совокупностью оригинальных качеств (харизматичность, непохожесть на других, способность быть и оставаться самим собой).

Эти показатели коррелируются с ответами на другие вопросы, которые подчеркивают, в представлении респондентов, интеграцию в феномене красоты телесного, душевного и духовного).

В частности, 77,1 % опрошенных выразили безусловное согласие с известным высказыванием Антона Павловича Чехова, что «в человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», а еще 20,8 % согласились с ним частично (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос, «Согласны ли вы с известным высказыванием Антона Павловича Чехова, что «в человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли?», %

Да	77,1
Отчасти	20,8
Нет	2,1
Затрудняюсь ответить	0

Примерно такое же число опрошенных солидарны с пониманием красоты Аристотелем как гармонии эстетического и морального.

Какие же конкретные параметры красоты человека как такового и их иерархия выделяются нашими респондентами?

Социологическое исследование показывает, что большинство девушек (68,8 %) полагают, что внешняя привлекательность является обязательным атрибутом красоты человека, как, собственно говоря, думали и древние греки.

Половина опрошенных убеждены, что красивый человек должен быть гармонично и всесторонне развитой личностью, т. е. успешно интегрировать внутренние и внешние характеристики.

У 43,8 % респондентов красота человека ассоциируется с духовным богатством

как таковым, а определенная часть опрошенных выделили некоторую совокупность его качеств: 42,9 % – способность и умение любить, 28,8 % – ответственность и надежность, 16,7 % – ум, 11,3 % – способность прощать.

25,8 % девушек соотносит красоту с искусством межличностной коммуникации, полагая, что красивый человек непременно должен быть веселым и общительным, а 14,6 % – непохожим на других.

Обращает на себя внимание тот социологический факт, что несмотря на то, что девушки пребывают в возрасте, когда эротические переживания являются важной частью их жизни, на сексуальность как атрибут красоты указывает относительно небольшое их количество (9,2 %).

Очевидно также, что маскулинный компонент красоты, чрезвычайно значимый

для античности, потерял свою актуальность в настоящее время: только 7,5 % девушек

обозначили его в качестве элемента прекрасного (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос, «Как вы полагаете, какого человека можно назвать красивым?» (возможны три варианта), %

Приятной внешности (симпатичного)	68,8
Гармоничного и всесторонне развитого	50
Духовно богатого	43,8
Способного и умеющего любить	42,9
Ответственного и надежного	28,8
Веселого и общительного	25,8
Умного	16,7
Стильно и модно одетого	15,8
Непохожего на других	14,6
Способного прощать	11,3
Сексуального	9,2
Мужественного и смелого	7,5
Другое	
Затрудняюсь ответить	4,2

Следовательно, для большинства молодых белорусок красота человека является многоаспектным феноменом, в котором наблюдается интегративное единство внутренних и внешних признаков. В этой ситуации важно определить, каким образом в восприятии опрашиваемых они связаны и соотносятся. Первый индикатор такого анализа – ответы на вопрос «Можно ли считать красивым человека, который является внешне

привлекательным, но одновременно безнравственным». Социологический анализ показал, что почти половина опрошенных (47,9 %) однозначно отказывает такому человеку в красоте, а еще 30,4 % готовы признать его красоту, но частично. Индивиды подобного типа красивым могут признать относительно небольшое число девушек (19,6 %) (таблица 3).

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос, «Можно ли признать красивым человека внешне привлекательного, но аморального?», %

Нет	47,9
Отчасти	30,4
Да	19,6
Затрудняюсь ответить	2,1

Второй индикатор – ответы на вопрос, «Можно ли признать красивым человека внешне привлекательного, но обладающего низким культурным и образовательным уровнем». Полученные ответы позволяют сделать вывод, что по этому параметру, в представлении большинства девушек, чисто внешней привлекательности без широкого

культурного горизонта явно недостаточно для обретения статуса красивого человека: таковым способны его признать 27,9 % респондентов, в то время как 29,2 % придерживаются противоположного мнения, а значительная часть девушек (43,3 %) соглашается с этим утверждением частично (таблица 4).

Таблица 4 – Распределение ответов на вопрос, «Можно ли признать красивым человека внешне привлекательного, но обладающего низким культурным и образовательным уровнем?», %

Отчасти	43,3
Нет	29,2
Да	27,9
Затрудняюсь ответить	2,1

Третий индикатор – выяснение, каким образом соотносится красота с социально-экономическим статусом человека. Существуют стереотипные представления, что престижность статуса неизбежно экстраполируется на ее носителя. Социологическое исследование свидетельствует о его ложности: большинство опрошенных (65,8 %) полагают, что в этом отношении нет никакой предопределенности (все зависит от личности и образа жизни конкретного человека: индивид, обладающий высоким социальным статусом, может быть как эстетически привлекательным, так и нет). На то, что красота человека и его статус никак не связаны, указывают 16,3 % респондентов.

В рамках исследования представлялось целесообразным аналитически посмотреть на красоту сквозь призму конкретного человеческого образа: респондентам предлагалось назвать известного актера и актрису, которые им представляются своеобразным эталоном красоты. Полученные результаты позволили сделать несколько выводов. Во-первых, отсутствуют общепризнанные эталоны красоты, поскольку в ответах респондентов наблюдалось огромное разнообразие конкретных человеческих образов-персон (их оказалось 119).

Во-вторых, проявился некоторый гендерный дисбаланс: из 119 названных лиц 73 были представителями мужского пола, а 46 – женского, возможно, по той причине, что респондентами были девушки, проявляющие в силу возраста повышенный интерес к сильной половине человечества.

В-третьих, большинство «эталонов красоты» (80 человек) имеют «западное происхождение», 51 – российское, остальные (9) – южноазиатское и турецкое. Приходится констатировать отсутствие белорусских деятелей культуры на этом «подиуме» красоты.

В-четвертых, можно назвать имена тех актеров, которые набрали наибольшее (хотя и небольшое) количество голосов. Таковыми среди женщин оказались актрисы с мировым именем: Анджелины Джоли (19 упоминаний) и Моника Белуччи (14). Среди мужчин лидером стал российский актер Павел Прилучный (16 упоминаний) и американский актер Брэд Питт (12).

Индивид на протяжении своей жизни проходит определенные этапы, связанные с трансформацией мышления, ценностей, образа жизни, а также изменением внешности. Каким же образом прожитые человеком годы влияют на его красоту?

Респонденты убеждены, что в этом вопросе не существует жесткой детерминированности. Небольшое количество девушек (6,2 %) убеждены в неизбежности гибели красоты с возрастом. Другие белоруски придерживаются иных позиций: 37,1 % полагают, что красота человека с годами не исчезает, а просто изменяется, становясь соответствующей возрасту.

30 % опрошенных убеждены, что «быть или не быть» красоте зависит от самого человека, его мотивации, ума и воли. 22,1 % респондентов убеждены, что вести разговор на эту тему некорректно, т. к. такой проблемы не существует (таблица 5).

Таблица 5 – Распределение ответов на вопрос, «Как Вы думаете, теряется ли красота человека с возрастом?», %

Она становится другой, соответствующей возрасту	37,1
Все зависит от человека	30
Нет	22,1
Да	6,2
Все зависит от наследственности, болезни и образа жизни	4,6
Затрудняюсь ответить	0

Эти позиции молодых белорусок подтверждают и их ответы на вопрос, до какого возраста индивид сохраняет внешнюю привлекательность.

Девушки в своем подавляющем большинстве (76,3 %) оптимистически смотрят на эту проблему, перенеся ответственность за ее решение главным образом на самого

человека – если он будет стремиться быть стильным и ухоженным, то ему удастся сохранить свою внешнюю красоту. Количество девушек, жестко связывающих молодость и телесную красоту невелико – 5 %.

Эталоны красоты применительно соответственно к мужчинам и женщинам были различными на протяжении тысяче-

тий. Сохраняются они и сегодня. В данном исследовании было важно определить, какими конкретными параметрами красоты обладают гендерные половинки. Начнем с образа красивой девушки в интерпретации опрошиваемых. Социологическое исследование показывает, что среди черт, свойственных красивым девушкам, безусловное лидерство оказалось за коммуникативными способностями, умением нравиться. Почти две трети респондентов (63,3 %) подчеркнули, что обаяние девушки является главным украшением ее эстетической стороны, а 62,5 % отметили, что красивая девушка должна быть обязательно приятной в общении. Чуть больше половины опрошенных (53,8 %) высказали мнение, что прекрасная девушка должна быть всесторонне и гармонически развитой, т. е. сочетать в себе внешнюю и внутреннюю привлекательность. 38,3 % респондентов убеждены, что обяза-

тельным атрибутом красоты является женственность, которая, как известно, выходит далеко за пределы внешних характеристик. В контексте «внешности» назывались такие характеристики, как «сексуальная» (20,8 %), «стройная» (18,3 %), «модно и стильно одетая» (15,8 %), «имеющая красивые глаза» (10,4 %).

В представлении молодых белорусок интеллектуальные качества также являются украшением «слабой половины человечества»: 31,3 % отметили ум как черту красоты. На красоту души («добрая нежная») указывают девушек (30,8 %). Наименьшее количество «баллов» в иерархии черт красоты набрали чисто внешние ее параметры: сексуальность выделили 20,8 % опрошенных, стройную фигуру – 18,3 %, способность быть одетой модно и стильно – 15,8 %, красивые глаза – 10,4 % (таблица 6).

Таблица 6 – Распределение ответов на вопрос, «Какими чертами обладает красивая молодая девушка?» (возможны четыре варианта), %

Обаятельная	63,3
Приятная в общении	62,5
Всесторонне и гармонически развитая	53,8
Женственная	38,3
Умная	31,3
Добрая и нежная	30,8
Креативная и творческая	21,2
Сексуальная	20,8
Стройная	18,3
Модно и стильно одетая	15,8
Непохожая на других	12,5
Имеющая красивые глаза	10,4
Блондинка	2,1
Со спортивной фигурой	1,3
Другое	3,3

При обращении к образу красивого молодого мужчины результаты социологического опроса свидетельствуют, что приоритетными в этом образе для девушек выступают различные составляющие душевной красоты.

Так, 62,1 % из них полагают, что он обязательно является внимательным и заботливым, 56,6 % – верным и надежным, 41,7 % – смелым и мужественным, 38,8 % – умным.

Важными для современных девушек являются коммуникативные способности молодых людей: 36,7 % отметили такой па-

раметр красоты как «приятный в общении» и 34,2 % – «обаятельный».

Несколько менее трети опрошенных (31,3 %), сознательно или бессознательно ориентируясь на древнегреческие образцы красоты мужчины, воспринимают его как всесторонне и гармонически развитого.

Периферийное значение для девушек имеют внешние характеристики красивого молодого человека: 26,2 % указали на его высокий рост, 17,9 % – на сексуальность, 12,9 % – на умение модно и стильно одеваться, 11,3 % – на спортивную фигуру (таблица 7).

Таблица 7. – Распределение ответов на вопрос, «Какими чертами обладает красивый молодой мужчина?» (возможны четыре варианта), %

Внимательный и заботливый	62,1
Верный и надежный	56,6
Смелый и мужественный	41,7
Умный	38,8
Приятный в общении	36,7
Обаятельный	34,2
Всесторонне и гармонически развитый	31,3
Высокий	26,2
Сексуальный	17,9
Креативный и творческий	16,2
Модно и стильно одетый	12,9
Со спортивной фигурой	11,3
Обладающий высоким социально-экономическим статусом	10,4
Имеющий красивые глаза	10,0
Другое	4,4

Периферийное значение внешних качеств отнюдь не означает, что они не имеют для девушек никакого значения. Речь идет только о том, что в иерархии параметров красоты внешнее уступает внутреннему: только 13,8 % опрошенных согласились со стереотипным утверждением, что мужчина должен быть чуть красивее обезьяны.

Однако не следует преувеличивать роль внешних достоинств молодого человека в восприятии девушек.

Социологический опрос показывает, что в ситуации лично значимого конкретного (брачного) выбора внешние достоинства молодого человека уходят на второй план. Только для 10,4 % девушек вариант создания семьи с внешне несимпатичным человеком является недопустимым.

Остальные молодые белоруски думают по-другому, не фокусируясь на внешних данных любимого человека. Почти половина из них (45,8 %) полагаются не на внешность, а на чувство, что твой избранник, – это исключительно «твой человек», данный судьбой. Четверть респондентов исходят из убеждения, что не существует четких критериев внешней привлекательности, а следовательно, существуют разные мнения относительно внешних достоинств конкретного индивида.

Для определенной части девушек главное в парне – его душевные качества, способность и умение любить, проявлять заботу.

Респонденты указывают, что в их представлении на формирование красоты непосредственно воздействуют и наследст-

венность, и врожденное чувство стиля, и влюбленность, и культурно-образовательный уровень, и амбиции самого индивида, и др. Однако красота требует волевых усилий и целенаправленных действий. Первый шаг в этом направлении, по мнению 57,5 % опрошенных, – это избегание сравнения себя с другими девушками.

Важным шагом на пути повышения привлекательности, в представлении 50,4 % опрошенных, является обретение внутреннего спокойствия, по убеждению 40,8 % – развитие собственного душевного и духовного потенциала и 33,3 % – обретение чувства любви, а 29,2 % девушек полагают, что принципиально важно строить гармоничные отношения с другими людьми.

Красота имеет и свое телесное выражение. Поэтому 46,3 % респондентов подчеркивают важность ведения здорового образа жизни, а 12,5 % – необходимость правильного питания.

Социологический опрос демонстрирует противоречивое отношение респондентов к красоте человека. С одной стороны, красота воспринимается как безусловное благо, желательное, но не всегда достижимое для индивида. Но с другой стороны, в их представлении ее обладателям совершенно не гарантирована счастливая жизнь: только 8,8 % респондентов согласились с утверждением, что чем красивее человек, тем он счастливее. Большинство же опрошенных не видят непосредственной связи между счастьем и красотой: 56,3 % полагают, что все зависит от конкретного человека, а 16,3 % занимают радикальную позицию, думая, что

счастье и красота никак не связаны. Более того, 10 % придерживаются мнения, что кра-

сивые люди редка бывают счастливыми (таблица 8).

Таблица 8 – Распределение ответов на вопрос, «Связаны ли красота и счастливая жизнь человека?», %

Все зависит от конкретного человека	56,3
Никак не связаны	16,3
Красивые люди редко бывают счастливыми	10
Чем красивее человек, тем он счастливее	8,8
Затрудняюсь ответить	8,6

Такая противоречивость в восприятии красоты в полной мере отражается в ее идентификации респондентами. Выяснилось, что почти половина опрошенных (45,8 %) сакрализует этот феномен, полагая, что красота является Божьим даром, во многом независимым от конкретного человека. 30 % девушек убеждены, что обретенная красота напрямую связана с ответственностью, а не с пребыванием в счастливой нирване.

Для 20,4 % опрошенных в красоте присутствует сильно выраженный элемент искушения (соблазна), которому необходимо противостоять, но перед которым часто трудно устоять, сохранив свое достоинство.

Что же это могут быть за соблазны? Для красивого человека осознание чувства собственной привлекательности может служить как средством удовлетворения собственной гордыни, так и инструментом манипулятивного воздействия на других. Однако многие индивиды склонны чрезмерно сексуализировать внешнюю привлекательность, что ограничивает оценку личности человека.

Заключение

Результаты социологического исследования позволяют сделать некоторые выводы.

1. Представление молодых белорусок о красоте человека в целом соответствует социокультурным кодам, заложенным исторической традицией.

2. В своем большинстве красота человека понимается как интеграция внешней и внутренней привлекательности, внешняя

привлекательность молодых мужчин имеет для девушек периферийное значение, особенно в ситуации брачного выбора, сексуальный же компонент красоты не выделяется как значимый относительно молодых девушек и молодых мужчин.

3. Существуют гендерные различия относительно образцов красоты соответственно у молодых мужчин и женщин: у мужчин в иерархии красоты на первое место входят их душевные качества, у женщин – коммуникативные способности, умение нравиться.

4. Отношение к красоте человека у респондентов достаточно противоречивое: в их представлении она обладает безусловной позитивной коннотацией, но лишь относительно связана со счастливой жизнью индивида. Более того, сама красота обладает императивностью, требуя от ее носителя как ответственности, так и борьбы с заключенными в ней соблазнами.

5. Обретение красоты помимо наследственности и врожденного чувства гармонии требует целенаправленных усилий, среди которых лидируют обретение внутренней гармонии, развитие духовного потенциала и ведение здорового образа жизни.

6. Респонденты в своем подавляющем большинстве исходят из убеждения, что индивид при выборе правильной жизненной стратегии способен оставаться красивым на протяжении всей жизни.

7. Большинство респондентов выводят красоту человека за пределы социально-экономического статуса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Богдан, Е. Г. Представления о любви и семье у современных молодых людей / Е. Г. Богдан // *Miłość nigdy nie ustaje. Miłość w systemie wartości rodzinnych*. – Lublin : WSEI, 2018. – S. 131–152.
2. Пышкина, Е. С. Телесный образ Я и гендерная идентичность молодежи / Е. С. Пышкина, Е. В. Зиновьева // *Вестник науки и образования*. – 2019. – № 9. – С. 101–105.

3. Соколовская, М. Г. Идентификация любви в представлениях современных молодых белорусов: социологический анализ / М. Г. Соколовская // Вестник Брестского университета. Серия 1, Философия. Палиталогия. Сацыялогія. – 2024. – № 1. – С. 104–113.
4. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития : в 2 кн. / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1992. – Кн. 1. – 656 с.
5. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1975. – 776 с.
6. Лосев, А. Ф. Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1982. – 623 с.

REFERENCES

1. Bogdan, E. G. Priedstavlienija o lubvi i siemye u sovriemiennykh molodykh liudiej / E. G. Bogdan // Miłość nigdy nie ustaje. Miłość w systemie wartości rodzinnych. – Lublin : WSEI, 2018. – S. 131–152.
2. Pyshkina, Ye. S. Telesnyy obraz Ya i gendernaya identichnost' molodezhi / Ye. S. Pyshkina, Ye. B. Zinov'yeva // Vestnik nauki i obrazovaniya. – 2019. – № 9. – S. 101–105.
3. Sokolovskaya, M. G. Idientifikaziya lubvi v priedstavlienijakh sovrieviennykh molodykh bielorusov: soziologichieskij analiz / M. G. Sokolovskaya // Viesnik Brestskaga univiersiteta. Seryya 1, Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiyua. – 2024. – № 1. – С. 104–113.
4. Losev, A. F. Istorija antichnoi estetiki. Itogi tysijachielietniego razvitija : v 2 kn. / A. F. Losev. – М. : Iskustvo, 1992. – Kn. 1. – 656 s.
5. Losev, A. F. Istorija antichnoi estetiki. Aristotiel' i pozdniaya klassika / A. F. Losiev. – М. : Iskustvo, 1975. – 776 s.
6. Losev, A. F. Estetika Vozrozhdieniya / A. F. Losiev. – М. : Mysl', 1982. – 623 s.

Рукапіс надруковано у редакцію 09.04.2026

УДК 316.625:37.041:303.425.2(476)

DOI 10.63874/2218-0273-2026-1-131-137

Марина Ивановна Горбач

мл. науч. сотрудник, аспирант 2-го года обучения

Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Marina Horbach

Junior Researcher, 2-nd Year Postgraduate Student of Institute of Sociology

of National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: marina_skrigan@mail.ru

САМООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Представлена авторская концептуальная модель эмпирико-социологического исследования самообразовательной активности в белорусском обществе, теоретической и практической основой которой выступили результаты научных разработок белорусских социологов в области изучения различных аспектов самообразовательной деятельности (как в качестве центральной категории, так и в качестве элемента, или индикатора, эмпирического замера той или иной социальной проблематики). Представленная в статье концептуальная модель подразумевает дифференциацию категории «самообразование» по признаку фактической реализации самообразовательной активности в повседневной жизни общества. Отмечается, что данная модель учитывает оценку текущего состояния (использования) самообразования как активности, базирующейся на инициативном получении социальными группами новых знаний, умений и навыков.

Ключевые слова: самообразование, потребность в самообразовании, самообразовательная активность, личностные качества, социологические исследования, белорусское общество.

Self-Education Activities of the Population of Belarus in the Context of Sociological Practice

The article presents the author's conceptual model of a sociological study of self-educational activity in Belarusian society. The theoretical and practical foundations of this model are drawn from research conducted by Belarusian sociologists in the study of various aspects of self-educational activity (both as a central category and as an element or indicator of empirical measurement of various social issues). The model presented in this article differentiates the category of «self-education» based on the actual implementation of self-educational activity in society. The author notes that this model considers the current state (use) of self-education as an activity based on the proactive acquisition of new knowledge, skills, abilities by social groups.

Key words: self-education, need for self-education, self-educational activity, personal qualities, sociological research, Belarusian society.

Введение

В условиях интенсивного развития информационно-технологической сферы, динамичных преобразований социально-экономического и культурного пространства самостоятельное образование как деятельность, основанная на получении новых знаний, умений и навыков, базирующаяся на свободном выборе тематических направлений и источников информации, приобретает все большую значимость как фактор социальной адаптации к изменяющимся обстоятельствам жизни общества.

Научный руководитель – Наталья Александровна Сосновская, кандидат социологических наук, доцент, ученый секретарь Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Самообразование выступает предметным полем исследования различных социальных и гуманитарных наук, среди которых педагогика, философия, социология, психология, экономика, культурология и другие. В рамках белорусской социологической практики изучение самообразования как центральной категории не получило широкого распространения. Обращение к понятию «самообразование» в белорусской социологии осуществлялось преимущественно как к структурному элементу или индикатору исследования различных социальных вопросов и проблем. В свою очередь, комплексное социологическое исследование самообразовательной активности населения предоставит эмпирический срез не только для ее фиксации в различных социальных группах, но и для изучения широкого круга

социальных проблем. Таким образом, целью данной статьи выступает разработка концептуальной модели эмпирико-социологического исследования самообразовательной активности в белорусском обществе для последующего построения соответствующей методики эмпирического исследования. Задачами работы являются:

- 1) анализ теоретических и практических аспектов изучения самообразования в белорусской социологической науке;
- 2) описание авторской концептуальной модели эмпирико-социологического исследования самообразовательной активности в белорусском обществе.

Основная часть

Теоретические основы социологического понимания самообразования в русле белорусской науки заложены в трудах Е. М. Бабосова, С. А. Шавеля и других ведущих белорусских ученых.

Так, в контексте анализа социальных качеств и жизненных стратегий личности Е. М. Бабосов отмечал: «Различают целевые ценностные ориентации, выражающие важнейшие цели, идеалы, смысложизненные ориентиры (счастье, здоровье, личная свобода, творчество и др.), и инструментальные, запечатлевающие одобряемые в обществе или социальной группе средства достижения целей (профессиональная подготовка, *самообразование*, удача и т. п.)» [1, с. 73].

В свою очередь, в работах С. А. Шавеля, предполагающих эмпирико-социологический анализ личностных качеств, выделяется «инструментальный блок», выступающий основой инновационной активности личности, в состав которого входит качество «потребность в *самообразовании*» [2].

Таким образом, можно отметить специфику рассмотрения категории «самообразование» данными белорусскими учеными: Е. М. Бабосов самообразование анализировал как ценностную ориентацию, а С. А. Шавель – как личностное качество, однако в каждом из упомянутых вариантов «самообразование» носило инструментальный характер.

Рассматривая развитие личности в системе образования, Е. М. Бабосов отмечал, что «трансформация индустриального общества в постиндустриальное, информационное, в котором постоянная работа чело-

века с непрерывно обновляющимся знанием становится одним из ведущих видов деятельности, система образования остро ставит проблему перехода не только к личностно ориентированной, но и *самообразовательной парадигме* с ее переносом акцентов в формировании и развитии личности на *самообразование*, приобретающее приоритетную значимость в условиях динамичных экономических, социальных, культурных, технологических изменений в обществе» [3, с. 283].

В данном контексте представляется важным то, что в рамках Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. указано, что «в 2021–2030 годах предполагается переход к новой парадигме образования: учение вместо обучения, в основе которого не усвоение готовых знаний, а развитие у обучающихся способностей, дающих возможность самостоятельно усваивать знания, творчески их перерабатывать, создавать новое, внедрять его в практику и нести ответственность за свои действия» [4].

Различные теоретические и практические аспекты социологического исследования самообразования, как в качестве одной из ключевых категорий, так и в качестве элемента или индикатора эмпирического замера той или иной социальной проблематики также были затронуты в работах многих белорусских социологов, среди которых В. Р. Шухатович, А. Г. Пацеева (профессиональное самообразование медицинских работников [5; 6]), О. В. Кобяк (исследование персональных качеств [7]), И. В. Лашук, Е. Ю. Смыкова, С. Н. Воронина (досуговые стратегии и практики [8; 9]), Н. Н. Леонов (методы нечеткой классификации в социологических исследованиях [10]), А. В. Семенова (образовательное потребительское поведение молодежи [11]) и др. Разнообразие указанных контекстов упоминания категории «самообразование» в научных работах подчеркивает значимость проблематики исследования самообразовательной активности для белорусской социологии.

Отметим, что социологом В. Р. Шухатович самообразование интерпретировалось как «форма интеллектуальной жизни, в рамках которой личность реализует свои интересы в различных сферах деятельности,

а общество предоставляет институциональные ресурсы для обеспечения непрерывного образования на протяжении всей жизни» [5, с. 204].

Обращаясь к вопросу эмпирического замера самообразования белорусского населения, кратко охарактеризуем социологическую методику, ранее использующуюся в практической деятельности Института социологии НАН Беларуси. Так, в рамках опросов общественного мнения респондентам задавался вопрос, занимаются ли они самообразованием. Тем группам респондентов, которые ответили, что занимаются либо не занимаются, но планируют реализовывать самообразовательную деятельность также задавался вопрос о мотивации их самообразования.

Опрос был проведен Институтом социологии НАН Беларуси в 2018 г. в рамках задания 3.1.03. «Социальная сфера и неэкономические ресурсы развития белорусского общества» программы ГПНИ 12. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» подпрограммы 12.3 «Социология и философия» на 2016–2020 гг. (N = 2129). Другой опрос проведен Институтом социологии НАН Беларуси в 2022 г. в рамках задания 5.04 «Комплексное исследование социальных ресурсов интеллектуализации, гуманизации и технологизации белорусского общества» ГПНИ 12 «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» подпрограммы 12.5 «Социология» на 2021–2025 гг. (N = 1848).

При проведении анализа данных социологических исследований самообразования в 2018 и 2022 гг. (таблица) было выявлено, что в 2022 г. доля респондентов, которые отметили, что не занимаются и не планируют заниматься самообразованием в будущем составила 43,6 % (в 2018 г. данный показатель составлял 48 %). Также в 2022 г.

31 % респондентов отметили, что занимаются самообразованием (в 2018 г. этот показатель составлял 28,6 %), а 24,9 % что не занимаются, но планируют использовать самообразование в будущем (в 2018 г. – 22,4 %); не дали ответ на вопрос о самообразовании 0,5 % респондентов (в 2018 г. не ответили на этот вопрос 1 % респондентов).

Эмпирико-социологическое исследование самообразования как категории, непосредственно включенной в контекст социальных условий ее реализации, позволяет анализировать различные аспекты мотивации самостоятельного образования как способа получения новых знаний.

Обращаясь к мотивации самообразовательной деятельности, также обратим внимание, что в социологическом исследовании 2022 г. среди мотивов использования самообразования респондентами были отмечены: стремление к новым знаниям, освоению всего нового (37,4 %); стремление к самореализации, самосовершенствованию (33,1 %); самообразовательная деятельность, направленная на получение новых знаний приносит удовольствие (32,1 %); требование современной жизни (31,5 %); желание быть интересным и востребованным обществом (29,6 %); желание быть успешным человеком (28,3 %); стремление быть конкурентоспособным на рынке труда, в профессии (26,3 %); необходимость решения жизненных проблем (23 %), требование моей профессии (22,9 %), черта моего характера (20,6 %), затрудняюсь ответить (3,7 %), другое (0,8); категория «нет ответа» в рамках данного вопроса составила 5,3 %. Таким образом, лидирующим среди представленных вариантов ответа выступил мотивационный аспект «стремление к новым знаниям и освоению всего нового».

Таблица – Распределение ответов на вопрос, «Занимаетесь ли Вы самообразованием – приобретением новых знаний, умений и навыков?», %

	2018 г.	2022 г.
Да, занимаюсь	28,6	31,0
Нет, не занимаюсь, но планирую заняться в будущем	22,4	24,9
Нет, не занимаюсь и не планирую заниматься в будущем	48,0	43,6
Нет ответа	1,0	0,5
Всего	100	100

В дополнение к указанному исследовательскому подходу применялись данные замера качества «потребность в самообразовании» (в рамках одного социологического опроса, т. е. на одной и той же выборочной совокупности). Данный замер осуществлялся по методике исследования личностных качеств, представленной в работах С. А. Шавеля [2; 12]. Обращение к данным, полученным в рамках указанной методики, было необходимо для формирования сравнительной характеристики количества лиц, имеющих потребность в самообразовании с теми, кто действительно занимается самообразовательной деятельностью.

Кратко обозначим, что каждый респондент, исходя из рассматриваемой методики исследования, может выбрать любое количество качеств, которые, по его мнению, для него характерны [2, с. 112]. Методика предполагает разделение качеств на три смысловых блока: блок, содержащий базовые качества, функциональный блок и инструментальный блок (в рамках которого определяется личностное качество «потребность в самообразовании») [2, с. 111]. Уточним, что разные исследователи, работающие с инструментарием анализируемой методики социологического изучения личност-

ных качеств, использовали разные варианты подсчета итоговых значений, или индексов, в зависимости от цели работы [2; 10; 12; 14].

Основываясь на анализе теоретических и практических аспектов изучения самообразования в белорусской социологической науке, предлагаем авторскую концептуальную модель эмпирико-социологического исследования самообразовательной активности в белорусском обществе. Эта модель базируется на подходе С. А. Шавеля, где самообразование (потребность в самообразовании) рассматривается как инструментальное качество личности, выступающее основой инновационной активности.

Уточним, что рассматриваемая концептуальная модель выступает инструментальной базой методики эмпирического исследования самообразовательной активности в белорусском обществе, эффективность которой будет выявлена в ходе апробации в рамках опроса общественного мнения белорусского населения и последующего анализа полученных данных. В дальнейшем она может быть скорректирована с учетом полученных результатов, выявленных проблемных аспектов. Схематично эта концептуальная модель представлена на рисунке.

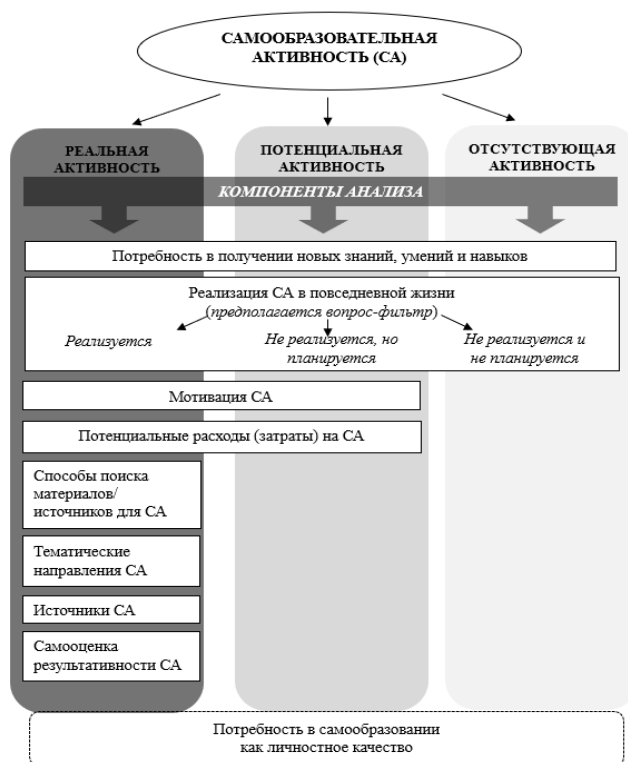

Рисунок – Концептуальная модель эмпирико-социологического исследования самообразовательной активности в белорусском обществе

Под самообразовательной активностью мы понимаем целенаправленную деятельность личности или социальной группы, ориентированную на приобретение новых знаний, умений и навыков, основанную на индивидуальных потребностях и интересах, предполагающую добровольный персональный выбор сфер приложения и источников самообразования [13].

В основе концептуальной модели эмпирико-социологического исследования самообразовательной активности заложена идея дифференциации самообразования исходя из фактической реализации самообразовательной активности в повседневной жизни социальных групп белорусского общества. Так, данная модель учитывает оценку текущего состояния (использования) самообразования как активности, базирующейся на инициативном получении социальными группами новых знаний, умений и навыков, которая подразделяется на:

- 1) реальную активность, т. е. реализуемую в настоящее время;
- 2) потенциальную активность, не используемую в настоящее время, но предполагаемую в будущем;
- 3) отсутствующую активность, не реализуемую в настоящее время и не планируемую в будущем.

Рассмотрим более подробно компоненты концептуальной модели эмпирико-социологического исследования самообразовательной активности в белорусском обществе:

1. Выявление потребности респондентов в получении новых знаний, умений и навыков. Исследование данного показателя выступает «значимым параметром для определения перспектив расширения роли самообразовательной активности среди возможных способов получения новых знаний и навыков» [13]. Однако в рамках реализации эмпирического исследования данный показатель рационально отражать как индикатор потребности респондентов в новых знаниях, умениях и навыках в конкретных сферах жизни и деятельности (например, учеба, работа и т. д.).

2. Реализация самообразовательной активности в повседневной жизни – ключевой компонент исследовательской модели, важным аспектом которой является вопрос о том, используют ли респонденты в своей

повседневной жизни самообразовательную активность, выступает ли она потенциальным способом получения знаний или отсутствует в целом.

3. Компонент анализа «мотивация самообразовательной активности» предполагает изучение побуждающих факторов, влияющих на решение респондентов, занимающихся либо планирующих занятия в рамках самообразовательной активности, использовать самообразование как способ получения новых знаний, умений и навыков.

4. Анализ компонента, связанного с определением расходов (затрат) на самообразовательную деятельность, направлен на выявление готовности использовать платные источники и материалы в целях самообразования, среди тех, кто осуществляет либо планирует осуществлять самообразовательную активность.

5. Реализация комплексного изучения показателя «реальная самообразовательная активность», которая предполагает исследование следующих компонентов: анализ способов поиска материалов для самообразовательной активности; изучение разнообразия информационных источников, используемых в целях самообразования; выявление тематических направлений самообразования; исследование самооценки населения результативности собственной самообразовательной деятельности.

6) Анализ категории «потребность в самообразовании» (на основе методики исследования личностных качеств, представленной в работах С. А. Шавеля [2; 12]). Этот компонент, с одной стороны, способствует выявлению различий между реальной самообразовательной активностью и потребностью в ее реализации, с другой стороны – позволяет дополнить показатель потенциальной самообразовательной активности.

Заключение

Таким образом, была представлена концептуальная модель эмпирико-социологического исследования самообразовательной активности в белорусском обществе, теоретической и практической основой которой выступили результаты научных разработок белорусских социологов в области изучения различных аспектов самообразовательной деятельности, как в качестве центральной категории, так и в качестве

элемента или индикатора эмпирического замера той или иной социальной проблематики. Новизной подхода к социологическому исследованию самообразования выступила дифференциация данной категории по признаку фактической реализации самообразовательной активности в повседневной жизни социальных групп белорусского общества. Концептуальная модель содержит оценку текущего состояния (использования) самообразования как активности, основыва-

ющейся на инициативном получении социальными группами новых знаний, умений и навыков, позволяет выявить актуальную многокомпонентную характеристику самообразовательной активности в белорусском обществе, установить проблемные моменты и противоречия, а также определить потенциал расширения роли самообразовательной активности среди возможных способов получения новых знаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабосов, Е. М. Стратификационная трансформация современной Беларуси / Е. М. Бабосов ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Мн. : Бел. навука, 2018. – 362 с.
2. Шавель, С. А. Перспективы развития социума / С. А. Шавель. – Мн. : Бел. навука, 2015. – 507 с.
3. Бабосов, Е. М. Человек в социальных системах / Е. М. Бабосов ; Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Мн. : Бел. навука, 2013. – 481 с.
4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Министерство экономики Республики Беларусь. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2030.pdf> (дата обращения: 30.03.2026).
5. Шухатович, В. Р. Самообразование как характеристика интеллектуального потенциала медицинских работников / В. Р. Шухатович // Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни : материалы междунар. науч.-практ. конф. VI Римашевские чтения, Москва, 28 марта 2023 г. / отв. ред. В. В. Локосов, В. Г. Доброхлеб ; ИСЭПН ФНИСЦ РАН. – М. : ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2023. – С. 204–207.
6. Пацеева, А. Г. Образование в профессиональной культуре врача / А. Г. Пацеева // Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2014. – № 1. – С. 55–59.
7. Кобяк, О. В. Технологическая восприимчивость старшего поколения в цифровом обществе: опыт социологического исследования в Беларуси / О. В. Кобяк // Социологический альманах. – 2022. – № 13. – С. 235–243.
8. Лашук, И. В. Динамика досуговых стратегий поведения социально-демографических и территориальных групп белорусского общества / И. В. Лашук, Е. Ю. Смыкова // Поведенческие стратегии потребителей культурной продукции: ценности, интересы, типология / под науч. ред. И. В. Котлярова, Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Мн. : Бел. навука, 2017. – С. 49–63.
9. Смыкова, Е. Ю. Досуговые практики пожилых людей Беларуси в условиях цифровизации общества / Е. Ю. Смыкова, С. Н. Воронина // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2022. – № 1. – С. 137–145.
10. Леонов, Н. Н. Методы нечеткой классификации в социологических исследованиях / Н. Н. Леонов // Социологический альманах. – 2010. – № 1. – С. 147–155.
11. Семенова, А. В. Потребительское поведение белорусской молодежи в сфере образования / А. В. Семенова // Социологический альманах. – 2023. – № 14. – С. 118–128.
12. Шавель, С. А. Личностные качества и человеческий капитал / С. А. Шавель // Народонаселение. – 2012. – № 3 (57). – С. 71–77.
13. Горбач, М. И. Самообразовательная активность населения как актуальный способ повышения уровня знаний и компетенций в современном обществе: социологический анализ / М. И. Горбач // Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2025. – № 3. – С. 97–101.
14. Гриб, Д. М. Непрерывное образование как механизм ресоциализации на пути к информационному обществу / Д. М. Гриб // Неэкономические факторы устойчивого развития общества /

С. А. Шавель [и др.] ; под общей ред. С. А. Шавеля ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Мн. : Бел. наука, 2020. – С. 150–157.

REFERENCES

1. Babosov, Ye. M. Stratifikatsionnaya transformatsiya sovremennoi Belarusi / Ye. M. Babosov ; Nats. akad. nauk Belarusi, In-t sotsiologii. – Mn. : Bel. navuka, 2018. – 362 s.
2. Shavel', S. A. Perspektivy razvitiya sotsiuma / S. A. Shavel'. – Mn. : Bel. navuka, 2015. – 507 s.
3. Babosov, Ye. M. Chelovek v sotsial'nykh sistemakh / Ye. M. Babosov ; In-t sotsiologii Nats. akad. nauk Belarusi. – Mn. : Bel. navuka, 2013. – 481 s.
4. Natsional'naya strategiya ustojchivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Belarus' na period do 2030 goda // Ministerstvo ekonomiki Respubliki Belarus'. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2030.pdf> (data obrashcheniya: 30.03.2026).
5. Sukhatovich, V. R. Samoobrazovanie kak kharakteristika intellektual'nogo potentsiala meditsinskikh rabotnikov / V. R. Shuhatovich // Sberezhenie naseleniya Rossii: zdorov'e, zanyatost', uroven' i kachestvo zhizni : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. VI Rimashevskie chteniya, Moskva, 28 marta 2023 g. / otv. red. V. V. Lokosov, V. G. Dobrokhleb ; ISEPN FNISC RAN. – M. : ISEPN FNISC RAN, 2023. – S. 204–207.
6. Patseeva, A. G. Obrazovanie v professional'snoy kul'ture vracha / A. G. Patseeva // Vestsi BDPU. Seryya 2, Gistoryya. Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekanomika. Kul'turalogiya. – 2014. – № 1. – S. 55–59.
7. Kobyak, O. V. Tekhnologicheskaya vospriimchivost' starshego pokoleniya v tsifrovom obshchestve: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya v Belarusi / O. V. Kobyak // Sotsiologicheskii al'manakh. – 2022. – № 13. – S. 235–243.
8. Lashuk, I. V. Dinamika dosugovykh strategii povedeniya stscial'no-demograficheskikh i territorial'nykh grupp belorusskogo obshchestva / I. V. Lashuk, Ye. Yu. Smykova // Povedencheskie strategii potrebiteli kul'turnoy produktsii: tsennosti, interesy, tipologiya / pod nauch. red. I. V. Kotlyarova ; In-t sotsiologii Nac. akad. nauk Belarusi. – Mn. : Bel. navuka, 2017. – S. 49–63.
9. Smykova, Ye. Yu. Dosugovye praktiki pozhilykh lyudej Belarusi v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva / Ye. Yu. Smykova, S. N. Voronina // Vesnik Brestskaga universiteta. Seryya 1, Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. – 2022. – № 1. – S. 137–145.
10. Leonov, N. N. Metody nechetkoi klassifikatsii v sotsiologicheskikh issledovaniyakh / N. N. Leonov // Sotsiologicheskii al'manakh. – 2010 – № 1. – S. 147–155.
11. Semyonova, A. V. Potrebitel'skoe povedenie belorusskoj molodezhi v sfere obrazovaniya / A. V. Semyonova // Sotsiologicheskii al'manakh. – 2023. – № 14. – S. 118–128.
12. Shavel', S. A. Lichnostnye kachestva i chelovecheskii kapital / S. A. Shavel' // Narodonase-lenie. – 2012. – № 3 (57). – S. 71–77.
13. Gorbach, M. I. Samoobrazovatel'naya aktivnost' naseleniya kak aktual'nyi sposob povysheniya urovnya znaniy i kompetentsii v sovremenном obshchestve: sotsiologicheskii analiz / M. I. Gorbach // Vestsi BDPU. Seryya 2, Gistoryya. Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekanomika. Kul'turalogiya. – 2025. – № 3. – S. 97–101.
14. Grib, D. M. Nepreryvnoe obrazovanie kak mekhanizm resotsializatsii na puti k informatsionnomu obshchestvu / D. M. Grib // Neekonomicheskie faktory ustojchivogo razvitiya obshchestva ; pod obshch. red. S. A. Shavelya ; Nats. akad. nauk Belarusi, In-t sotsiologii. – Mn. : Bel. navuka, 2020. – S. 150–157.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.03.2026

Дарья Анатольевна Канашевич

ст. преподаватель каф. «Гуманитарные дисциплины» Белорусско-Российского университета

Darya Kanashevich

Senior Lecturer of the Department of Humanities of Belarusian-Russian University

e-mail: darya.kanashevich@list.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИНКЛЮЗИВНОЙ СРЕДЫ КАК РЕСУРСА АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Представлено социологическое обоснование необходимости перехода региональных университетов Беларуси от узкофункциональной трактовки инклюзии (как работы с лицами с особенностями психофизического развития) к ее широкому институциональному пониманию в контексте глобальных трендов ООН и ЮНЕСКО. Показано, что доминирующие педагогические концепции фокусируются на методах обучения и оставляют без внимания социальную сущность инклюзивной среды как ресурса адаптации иностранных студентов в условиях трансформации института высшего образования, что требует выдвигения этой проблемы в центр социологического дискурса. Обосновывается, что формирование инклюзивной образовательной среды позволяет региональному университету утверждать себя как участника реализации повестки ЦУР 4-й гуманизации института высшей школы и становится ключевым ресурсом его международной конкурентоспособности. В рамках парадигмы инклюзивного образования предложена для обсуждения модель адаптивно-адаптирующей среды, основанная на диалектическом единстве принципов интеграции и инклюзии, которая может послужить методологическим обоснованием для проектирования системы сопровождения иностранных студентов. Подчеркивается критическая необходимость проведения эмпирических социологических исследований для оценки инклюзивного потенциала региональных вузов и выявления барьеров, не фиксирующихся в рамках педагогического дискурса.

Ключевые слова: *высшее образование, социальный институт, иностранные студенты, социальная адаптация, особые образовательные потребности, социальная интеграция, социальная инклюзия, социальная эксклюзия, инклюзивная среда, адаптивно-адаптирующая среда.*

Sociological Justification of an Inclusive Environment as a Resource for Adaptation of Foreign Students at a Regional University

This article presents a sociological rationale for the need for regional universities in Belarus to shift from a narrowly functional understanding of inclusion (as working with the OPFR) to a broader institutional understanding within the context of global UN and UNESCO trends. It demonstrates that dominant pedagogical concepts focus on teaching methods and ignore the social essence of an inclusive environment as a resource for international students' adaptation in the context of the transformation of higher education, necessitating bringing this issue to the forefront of sociological discourse. It is argued that the development of an inclusive educational environment enables a regional university to assert itself as a participant in the implementation of SDG 4 on the humanization of higher education and becomes a key resource for its international competitiveness. Within the inclusive education paradigm, a model of an adaptive environment based on the dialectical unity of the principles of integration and inclusion is proposed for discussion. This model can serve as a methodological basis for designing a support system for international students. The critical need for empirical sociological research to assess the inclusive potential of regional universities and identify barriers not captured within the pedagogical discourse is emphasized.

Key words: *higher education, social institution, foreign students, social adaptation, special educational needs, social integration, social inclusion, social exclusion, inclusive environment, adaptive environment.*

Введение

Современная высшая школа Беларуси характеризуется нарастающей интернационализацией: в 2025/26 учебном году численность иностранных студентов, прибывших из 120 стран, превысила 35 тыс. человек [1].

В Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г.

повышение качества и конкурентоспособности высшей школы определяется как стратегическая цель [2]. Решение этой задачи особенно значимо для региональных университетов, укрепляющих свои позиции на рынке экспорта образовательных услуг.

Согласно рекомендациям Всемирного доклада ЮНЕСКО (2020) и Цели устойчи-

вого развития – 4 (ЦУР-4) ключевым инструментом обеспечения всеохватного и справедливого образования становится внедрение инклюзивного подхода.

Однако в отечественной практике присутствует противоречие между законодательным закреплением принципа инклюзии в его широкой трактовке по отношению ко всем лицам с особыми образовательными потребностями, и практической реализацией исключительно в узком понимании – в контексте дефицитарной концепции развития личности, имеющей те или иные нарушения развития [3, с 36–37]. Термин «инклюзия» применительно к иностранным обучающимся белорусскими авторами также не используется.

Цель статьи – представить социологическое обоснование необходимости инклюзивной образовательной среды как стратегического ресурса социальной адаптации иностранных студентов в региональных университетах Беларуси.

Для достижения поставленной цели автором определены следующие задачи:

1) концептуально обосновать значение экстраполяции принципа инклюзии на группу иностранных обучающихся и раскрыть социологическое содержание категории «инклюзивная образовательная среда;

2) определить общие параметры модели «адаптивно-адаптирующей среды» как методологического инструмента, позволяющего анализировать синергию адаптационных стратегий иностранных студентов и адаптивного потенциала университета в условиях поликультурного образовательного пространства;

3) аргументировать значимость перехода к парадигме «широкой инклюзии» как институционального условия успешной интеграции иностранных студентов и повышения международной конкурентоспособности региональных университетов Беларуси.

Материалы и методы исследования

Методологический аппарат исследования базируется на системном, средовом и аксиологическом подходах.

Материалом исследования послужили программные документы ООН и ЮНЕСКО, нормативные правовые акты Республики Беларусь – Кодекс Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс об образовании),

Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г., проект Национальной стратегии устойчивого развития до 2040 года (далее – НСУР-2040).

Основной метод – теоретическое моделирование с применением экстраполяции принципов инклюзии на группу иностранных обучающихся и компаративного анализа концептуальных трактовок принципов организации сопровождения академической адаптации иностранных студентов.

Основная часть

Попытки расширить объектное поле инклюзии включением в него иностранных студентов отечественными исследователями предпринимались и ранее. Наиболее полно данный подход представлен в публикациях 2016–2017 гг. коллектива преподавателей Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, активно сотрудничавшего с научной школой менеджмента многообразия Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (далее – НовГУ) [4]. Основатели этой школы – М. Н. Певзнер П. А. Петряков – адаптировали применительно к постсоветским реалиям западные идеи «университета равных возможностей» (University of Equal Opportunities) и «менеджмента многообразия» (Diversity Management). Оригинальность вклада данных авторов заключалась в переходе от узкой трактовки инклюзии для работы с инвалидами к рассмотрению ее в качестве технологии управления в рамках концепции «менеджмента многообразия» [5]. С позиций этой методологии университет рассматривается как гетерогенная организация, минимизирующая барьеры для всех групп (включая иностранных студентов) через стратегию «встречной адаптации» (трансформацию среды, правил, расписания). Несмотря на инновационность подхода, в Беларуси эта методология не получила широкого резонанса.

Параллельно на базе другого регионального университета – Барановичского государственного университета (далее – БарГУ) формируется также школа инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития (далее – ОПФР), теоретико-методологический фундамент развития которой был заложен в трудах директора Института инклюзивного образова-

ния Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (далее – БГПУ) В. В. Хитрюк.

В период с 1995 по 2015 г. государственная политика в этой сфере реализовывалась в формате интегрированного обучения. Анализ его проблемных зон и идеи Саламанкской декларации (1994) обусловили переход к инклюзивной парадигме.

Ее суть, согласно А. М. Змушко, заключается в адаптации самой образовательной системы под особые потребности личности, а не в «подстройке» индивида под систему, как это происходит при интегрированном обучении [6, с. 66].

В 2013 г. на базе БарГУ открылся первый в республике Ресурсный центр инклюзивного образования, ориентированный на работу с детьми с ОПФР. Накопленный опыт позволил закрепить в «Концепции развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь» (далее – Концепция 2015 г.) расширенное понимание инклюзии. В ее объектное поле вошли не только лица с ОПФР, но и одаренные дети, представители нацменьшинств, семей мигрантов и беженцев [7, с. 4–5]. Это позволяло экстраполировать принцип инклюзии на социальные группы, чьи особые образовательные потребности нуждаются в системном признании и институциональной поддержке, в том числе иностранных студентов.

Достижения страны в области инклюзивного образования получили международное признание. В 2017 г. представительство ООН/ПРООН вручило БГПУ сертификат признательности за вклад в достижение Целей устойчивого развития и создание инклюзивного общества в Беларуси, а результатом взаимодействия университета с ЮНИСЕФ стало создание Республиканского ресурсного центра инклюзивного образования. В 2018 г. университету был присвоен статус базовой организации государств – участников СНГ в области инклюзивного и специального образования.

С развитием процессов глобализации, интенсификацией миграционных потоков и интернационализацией высшей школы, в международной практике инклюзивный подход распространяется и на другие социальные группы. В 2015 г. ООН закрепила принцип «всеохватного и справедливого

качественного образования» (ЦУР 4). Всемирный доклад ЮНЕСКО «Инклюзивность и образование: для всех – значит для всех» рекомендовал выйти за рамки ассоциации инклюзии только с инвалидностью, т. к. она «имеет более широкий охват».

В числе барьеров, создающих неравенство в доступе к качественному образованию, назывались национальная принадлежность, религия, статус мигранта или перемещенного лица [8, с. 12–13]. Иностранные студенты как «академические мигранты» неизбежно сталкиваются с языковыми и социокультурными барьерами.

Устойчивый рост численности иностранных обучающихся выводит исследования в области инклюзивной адаптации (в широком понимании) в разряд приоритетных. Если в российском академическом сообществе идеи социальной инклюзии в обучении иностранных граждан активно продвигаются рядом исследователей (С. В. Алехина [9], Д. З. Ахметова [10], Т. А. Борзова, Г. С. Степкова [11], М. Н. Певзнер [5]), то в Беларуси данный подход не получил отчетливого концептуального обоснования, несмотря на наличие в стране богатого опыта обучения иностранных студентов.

Проблема адаптации иностранных студентов, в том числе в региональных университетах, в республике изучается давно, но преимущественно через призму *адаптации к (в) новой среде* [12; 13]. В условиях интернационализации и цифровизации ответственность университетов смещается на формирование ресурсов среды, минимизирующих для иностранцев риски отчисления, потери мотивации, социальной изоляции. Однако, несмотря на глобальные тренды, термин «инклюзия» применительно к иностранным студентам в отечественных работах практически не встречается. Возникла парадоксальная ситуация: международно признанная методология школы инклюзивного образования БГПУ, основанная на принципах образования в интересах устойчивого развития (далее – ОУР) и широкой трактовке инклюзивной культуры как обучающихся, так и педагогических кадров, до сих пор не задействована в работе с иностранными студентами.

Принципиально также предупреждение В. В. Хитрюк, что при широкой интерпретации инклюзии важно выявлять как

общие проблемы лиц с особыми образовательными потребностями, так и специфику каждой группы [3, с. 36]. Такой дифференцированный подход необходим и в отношении иностранных студентов.

Широкое понимание инклюзии, соответствующее подходам ЮНЕСКО, имплементировано в законодательство и стратегию развития Беларуси, что создает правовой фундамент для легитимации и применения инклюзивного подхода по отношению к иностранным студентам.

Так, в Кодексе об образовании принцип инклюзии закреплён как приоритет государственной политики (пп. 1.4 п. 1 ст. 2) и гарантирует равный доступ к обучению для всех категорий лиц, чьи образовательные потребности обусловлены особенностями здоровья, одаренностью или специфической жизненной ситуацией [14, с. 5]. Упоминание «жизненной ситуации» и «иных обстоятельств» закрепляет юридические основания рассмотрения иностранных студентов (переезд в другую страну, языковой барьер) в качестве общности с особыми образовательными потребностями и возможность экстраполировать на них принципы инклюзивного образования. Широкое понимание инклюзии дано также в проекте НСУР-2040, где предусматривается дальнейшая имплементация методологии ОУР и системное расширение инклюзивной среды [15, с. 41–42].

Считаем, что отражением этой объективной тенденции является определенное смещение исследовательского интереса в отечественном дискурсе об иностранных студентах. Хотя термин «инклюзия» применительно к этой категории обучающихся в трудах белорусских авторов практически не встречается, рядом исследователей (в том числе в региональных университетах) эффективность их академической адаптации напрямую связывается с качественными характеристиками самого образовательного пространства. Отметим позицию О. К. Абрамович (ГГТУ им. П. О. Сухого) о приоритетности формирования для иностранных обучающихся «благоприятной образовательной среды» [16], анализ А. Н. Сендер и Т. В. Соколовой опыта работы структурных подразделений университета по оказанию помощи иностранным студентам [17], продвижение идеи «поддерживающей» среды О. П. Мариненко (Белорусско-Российский универси-

тет), а также Е. И. Снопковой, И. В. Калачевой, А. В. Сысоевой (МГУ им. А. А. Кулешова) [18; 19].

Используемые авторами дескрипторы («благоприятная», «поддерживающая», «доступная» среда) фактически фокусируют внимание на одной актуальной проблеме: соответствие университетской среды особым образовательным потребностям иностранных студентов. Считаем, что этим целям точнее отвечает понятие «адаптивная образовательная среда», закреплённое в Концепции 2015 г. [7, с. 34]. В российских исследованиях сегодня нарастает внимание к проблеме «адаптивности» образовательной среды как ресурсу взаимодействия с иностранными обучающимися [20, с. 601]. Мы разделяем позицию И. М. Слободчикова и А. В. Должиковой, трактующих адаптивность как способность системы образования «приспосабливаться к индивидуальным потребностям студентов и предоставлять им необходимые ресурсы для успешного обучения» [20, с. 596]. В цитируемой статье представлен глубокий системный анализ дидактических адаптивных технологий, но отсутствует концептуальное разграничение понятий «адаптивная» и «инклюзивная» среда (последнее упоминается).

В отличие от педагогических исследований социологическое изучение практик обучения иностранных граждан не замыкается на вопросах дидактики и требует широкого институционального анализа, позволяющего выявить социальные процессы и механизмы, которые зачастую остаются невидимыми в рамках чисто педагогического дискурса. Исходя из такого понимания, предлагаем в условиях интернационализации и цифровизации высшего образования рассматривать образовательную среду университета не только как адаптивную, но и как инклюзивную в качестве системы социальных институтов, механизмов и сетевых взаимодействий, обеспечивающих не только дидактическую поддержку, но и интеграцию иностранных студентов в инокультурное пространство через трансформацию своих институциональных структур под потребности этой категории студентов, что минимизирует риски их социальной эксклюзии.

Разделяя позицию И. М. Слободчикова и А. В. Должиковой в отношении адаптивности как способности системы при-

способливаться к запросам иностранных студентов, мы полагаем, что инклюзия выступает высшей формой проявления адаптивности системы, поскольку за счет институциональной гибкости она обеспечивает качественное преобразование образовательного пространства – трансформацию институциональных структур для устранения барьеров, препятствующих полноценному участию иностранного студента в образовательной и социальной жизни принимающего учреждения образования. В практическом измерении это означает внедрение гибких учебных планов, мультилингвальности и цифровизации дидактических материалов, трансформации методов работы педагогов и иных механизмов, обеспечивающих гибкость образовательных траекторий в поликультурной среде.

Исходя из изложенного, в рамках парадигмы инклюзивного образования предлагаем к обсуждению модель «адаптивно-адаптирующей среды», понимаемую как система двустороннего трансформационного субъект-субъектного взаимодействия, обеспечивающего интеграцию иностранных обучающихся в образовательное пространство принимающего регионального учреждения образования. В методологическом плане данная модель качественно отличается от существующих подходов.

В отличие от коррекционной педагогики, где интеграция (адаптация индивида) и инклюзия (трансформация системы) зачастую разводятся как разные стратегии или этапы, в адаптивно-адаптирующей модели они выступают взаимообусловленными сторонами единого процесса, дополняющими друг друга. В ситуации обучения иностранных граждан интеграция личности и инклюзивность организации реализуются неразрывно: инклюзивная среда, предлагая адаптивные ресурсы, оказывает одновременно адаптирующее и интегрирующее воздействие, требуя принятия норм и правил принимающей стороны.

Предлагаемая модель сопровождения иностранных студентов отличается также от стратегии адаптации как односторонней подстройки иностранных студентов к инокультурной среде, и от «адаптивной поддержки», в которых обучающийся выступает скорее объектом опеки. В нашей концепции процесс адаптации из плоскости

одностороннего «привыкания» иностранного обучающегося переходит в формат его двухстороннего взаимодействия с системой. Фокус смещается с пассивного приспособления на субъект-субъектное взаимодействие по совместному конструированию инклюзивного пространства всеми акторами поликультурной среды, их взаимную ответственность. «Адаптирующая» компонента здесь сфокусирована на субъектной готовности иностранного студента к учебной деятельности: он не просто потребляет знания, а активно осваивает нормы принимающей среды, формирует ценностные установки взаимодействия в новой среде. «Адаптивная» компонента – институциональная инклюзивность и гибкость образовательной системы, отражает ее способность «настраиваться» на особые образовательные потребности и трансформироваться, создавая условия для реализации готовности иностранных студентов к получению профессиональных знаний.

В методологическом плане предложенная модель дистанцирована от концепции школы НовГУ, где инклюзия выступает управленческой стратегией обеспечения «встречной адаптации». Наш подход опирается на иной фундамент – диалектический синтез интеграции и инклюзии в поликультурной среде. Это позволяет более глубоко раскрыть социальную роль инклюзии в процессе интеграции иностранных студентов в инокультурное образовательное пространство. Модель адаптивно-адаптирующей среды рассматривает образовательное пространство как сложную нелинейную систему, отвечающую вызовам интернационализации и цифровизации. Инклюзивность для иностранных обучающихся в нашем представлении выступает как *имманентный параметр (вектор) образовательной системы в условиях ее интернационализации*. Соответственно, инклюзивная образовательная среда – это *социальный механизм*, обеспечивающий двустороннее трансформационное взаимодействие акторов поликультурного образовательного пространства. Интеграция иностранных студентов и настройка параметров среды на их потребности – это не параллельные усилия, а единый трансформационный процесс межкультурного взаимодействия с синергетическим эффектом социокультурного резонанса.

Взаимодействие акторов поликультурного образовательного пространства, сближающее их позиции без подавления идентичности, позволяет не только интегрировать иностранных граждан в принимающую образовательную среду, но и качественно обогатить сам университет, подготавливая к продуктивному существованию в условиях глобальной академической мобильности. В этом контексте инклюзия перерастает рамки технического менеджмента также и в том плане, что выступает ценностно-смысловым ориентиром развития современного университета как социального института. Обеспечивая обучение иностранных студентов через призму инклюзии, региональный университет утверждает себя как полноправный участник реализации повестки ООН (ЦУР-4), способствует достижению «образовательной справедливости» и гуманизации высшей школы в условиях глобальных перемен.

Верификация модели «адаптивно-адаптирующей среды» требует проведения эмпирических социологических исследований, так как ее смысловое ядро – живое взаимодействие акторов поликультурного образовательного пространства – невозможно зафиксировать через формальную статистику. Эмпирика позволяет вскрыть латентные барьеры, блокирующие адаптацию: скрытую дискриминацию, психологическое отчуждение, коммуникативные проблемы, которые зачастую выпадают из поля зрения менеджмента и остаются неосознанными педагогами и кураторами.

Институциональное проектирование адаптивного параметра среды критически значимо для региональных университетов, обладающих меньшими ресурсами по сравнению со столичными. В этих условиях инклюзивная среда становится ключевым ком-

пенсаторным механизмом: синергия межкультурного взаимодействия здесь превращается в реальный нематериальный актив и социальную сплоченность, обеспечивая университету устойчивость в условиях глобальной академической конкуренции.

Заключение

В ходе исследования, реализованного в рамках широкой трактовки инклюзивного образования, разработана авторская социологическая модель адаптивно-адаптирующей среды. Она представлена как сложный механизм двустороннего трансформационного взаимодействия субъектов поликультурного образовательного пространства в условиях интернационализации и цифровизации института высшего образования. В отличие от подходов коррекционной педагогики и классических теорий адаптации, фокусирующихся на односторонней аккомодации студента, данная модель базируется на диалектическом единстве интеграции и инклюзии. Доказано, что синергия субъектного потенциала студента и адаптивного ресурса университета позволяет рассматривать инклюзивность не как управленческую технологию, а в качестве имманентного параметра самой образовательной системы, определяющего международную конкурентоспособность регионального вуза.

Теоретические результаты работы обладают прикладной ценностью для образовательного процесса по дисциплинам «Социология образования», «Социология молодежи», а также могут служить методологическим фундаментом для проектирования комплексных программ институционального сопровождения иностранных граждан в региональных учреждениях высшего образования Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Милашевич, Е. А. В 2025 году в Беларуси обучались иностранные студенты из 120 стран: в 2025 году экспорт образовательных услуг достиг 115 миллионов долларов : [интервью с зав. сектором соц. и потреб. услуг отд-ния экономики сферы услуг Ин-та экономики НАН Беларуси] / Е. А. Милашевич ; зап. Вера Артеара // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/v-2025-godu-eksport-obrazovatelnykh-uslug-dostig-115-millionov-dollarov.html> (дата обращения: 20.03.2026).

2. О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 нояб. 2021 г. № 683 // Национальный правовой

Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551-&p0=C22100683> (дата обращения: 20.03.2026).

3. Хитрюк, В. В. Образовательная инклюзия в Республике Беларусь: стратегии развития в контексте особых образовательных потребностей / В. В. Хитрюк // Специальное образование. – 2023. – № 4. – С. 31–46.

4. Организационная модель социализации различных гетерогенных групп в условиях инклюзивной среды университета / В. В. Валетов, Н. А. Лебедев, И. В. Журлова [и др.] // International Dialogues on Education : Past and Present. SPECIAL ISSUE Diversity and Democracy – The Search for Identity in Challenging Times – Part II Results and Impulses from an International Conference at the University of Hildesheim (Germany). – 2017. – Vol. 4, nr 1. – P. 91–208.

5. Менеджмент многообразия : учеб. пособие / М. Н. Певзнер, П. А. Петриков, И. А. Доница [и др.] ; М-во образования и науки РФ, Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017. – 451 с.

6. Змушко, А. М. Современные подходы в образовании: инклюзивное образование / А. М. Змушко, О. В. Грищенко, В. В. Гладкая ; под общ. ред. А. М. Змушко. – Мн. : Акад. образования, 2025. – 324 с.

7. Концепция развития инклюзивного образования обучающихся с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь // Адаптация особых учащихся. – URL: <https://uom-rik.gov.by/files/00355/obj/110/14413/doc/KoncepInclusRasv.pdf> (дата обращения: 10.03.2026).

8. Инклюзивность и образование: для всех означает для всех : резюме Всемирного доклада по мониторингу образования 2020 // ЮНЕСКО. – Париж : ЮНЕСКО, 2020. – URL: https://www.internationaldisabilityalliance.org/sites/default/files/russian_version_ida_ie_report_final_cp-08.12.20_1.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

9. Алехина, С. В. Философские и методологические основы инклюзивного образования : учеб.-метод. пособие / С. В. Алехина, А. Ю. Шеманов. – М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. – 218 с.

10. Ахметова, Д. З. Этнокультурный подход к инклюзивному образованию в призме интернационализации и глобализации / Д. З. Ахметова, М. А. Сучков, И. Г. Морозова // Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 3. – С. 58–65.

11. Борзова, Т. А. Инклюзивные технологии в адаптационном процессе иностранных студентов в высшей школе: фокус на академическую интеграцию / Т. А. Борзова, Г. С. Степкова // Интеграция образования. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 116–133.

12. Малашонок, И. Е. Адаптация иностранных граждан к системе обучения в высших учебных заведениях Республики Беларусь / И. Е. Малашонок, И. И. Курило, Е. В. Крышилович // Труды БГТУ. Серия: Учебно-методическая работа. – 2015. – № 8. – С. 39–43.

13. Гущина, Л. Н. Адаптация иностранных студентов к обучению и социально-культурной среде в Гродненском государственном медицинском университете / Л. Н. Гущина, А. А. Стенько, В. М. Серко // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. – 2018. – Т. 16, № 3. – С. 343–348.

14. Кодекс Республики Беларусь об образовании : 13 янв. 2011 г. № 243-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14 янв. 2022 г. № 154-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (дата обращения: 20.03.2026).

15. Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2040 года // М-во экономики Респ. Беларусь. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/proekt-Natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitiya-na-period-do-2040-goda.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).

16. Абрамович, О. К. Актуальные вопросы обучения иностранных студентов в высшей школе Республики Беларусь / О. К. Абрамович // Современное образование: преемственность и непрерывность образовательной системы «школа – университет – предприятие» : материалы XIV междунар. науч.-метод. конф., Гомель, 2 февр. 2023 г. / Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: Ю. В. Никитюк (гл. ред.) [и др.]. – Гомель, 2023. – С. 13–15.

17. Сендер, А. Н. Адаптация иностранных обучающихся к образовательному пространству Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина / А. Н. Сендер, Т. В. Соколова //

Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2020. – № 1. – С. 163–172.

18. Мариненко, О. П. Потребность иностранных студентов в поддержке вуза / О. П. Мариненко // Интеграция образования. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 334–353.

19. Калачева, И. В. Особенности организации образовательной среды вуза в условиях поликультурного образования / И. В. Калачева, А. В. Сысоева // Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса : сб. материалов секции заседаний регион. науч.-практ. конф., Могилев, 19 мая 2021 г. / Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова. – Могилев, 2021. – С. 132–136.

20. Слободчиков, И. М. Адаптивные возможности образовательного пространства в ситуации взаимодействия с иноязычными первокурсниками / И. М. Слободчиков, А. В. Должикова // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13, № 12 А. – С. 594–603.

REFERENCES

1. Milashevich, Ye. A. V 2025 godu v Belarusi obuchalis inostrannye studenty iz 120 stran: v 2025 godu eksport obrazovatelnykh uslug dostig 115 millionov dollarov : [intervyu s zav. sektorom sots. i potrebn. uslug otd-niya ekonomiki sfery uslug In-ta ekonomiki NAN Belarusi] / Ye. A. Milashevich ; zapisala Vera Arteaga // SB.BY. Belarus' segodnya. – URL: <https://www.sb.by/articles/v-2025-godu-eksport-obrazovatelnykh-uslug-dostig-115-millionov-dollarov.html> (data obrashcheniya: 10.03.2026).

2. O Kontsepcii razvitiya sistemy obrazovaniya Respubliki Belarus do 2030 goda : postanovlenie Soveta Ministrov Resp. Belarus' ot 30 noyab. 2021 g. № 683 // Natsionalnyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100683> (data obrashcheniya: 10.03.2026).

3. Khitryuk, V. V. Obrazovatel'naya inklyuziya v Respublike Belarus': strategii razvitiya v kontekste osobykh obrazovatelnykh potrebnostey / V. V. Khitryuk // Spetsial'noe obrazovanie. – 2023. – № 4. – С. 31–46.

4. Organizatsionnaya model' sotsializatsii razlichnykh geterogennykh grupp v usloviyakh inklyuzivnoi sredy universiteta / V. V. Valetov, N. A. Lebedev, I. V. Zhurlova [i dr.] // International Dialogues on Education : Past and Present. SPECIAL ISSUE Diversity and Democracy – The Search for Identity in Challenging Times – Part II Results and Impulses from an International Conference at the University of Hildesheim (Germany). – 2017. – Vol. 4, nr 1. – P. 191–208.

5. Menedzhment mnogoobraziya : ucheb. posobie / M. N. Pevzner, P. A. Petrikov, I. A. Donina [i dr.] ; M-vo obrazovaniya i nauki RF, Novgorod. gos. un-t im. Yaroslava Mudrogo. – Velikii Novgorod : NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2017. – 451 s.

6. Zmushko, A. M. Sovremennye podkhody v obrazovanii: inklyuzivnoe obrazovanie / A. M. Grishenkova, V. V. Gladkaya ; pod obsh. red. A. M. Zmushko. – Mn. : Akad. obrazovaniya, 2025. – 324 s.

7. Kontsepciya razvitiya inklyuzivnogo obrazovaniya obuchayushchihhsya s osobennostyami psikhofizicheskogo razvitiya v Respublike Belarus' // Adukacyya asobykh vuchnyau. – URL: <https://uomrik.gov.by/files/00355/obj/110/14413/doc/KoncepInclusRasv.pdf> (data obrashcheniya: 10.03.2026).

8. Inklyuzivnost' i obrazovanie: dlya vseh oznachaet dlya vseh : rezyume Vsemirnogo doklada po monitoringu obrazovaniya 2020 // YuNESKO. – Parizh : YuNESKO, 2020. – URL: https://www.internationaldisabilityalliance.org/sites/default/files/russian_version_ida_ie_report_final_cp-08.12.20_1.pdf (data obrashcheniya: 10.03.2026).

9. Alekhina, S. V. Filosofskie i metodologicheskie osnovy inklyuzivnogo obrazovaniya : ucheb.-metod. posobie / S. V. Alekhina, A. Yu. Shemanov. – M. : FGBOU VO MGPPU, 2022. – 218 s.

10. Akhmetova, D. Z. Etnokul'turny podkhod k inklyuzivnomu obrazovaniyu v prizme internacionalizatsii i globalizatsii / D. Z. Akhmetova, M. A. Suchkov, I. G. Morozova // Kazanskii pedagogicheskii zhurnal. – 2020. – № 3. – С. 58–65.

11. Borzova, T. A. Inklyuzivnye tekhnologii v adaptatsionnom protsesse inostrannykh studentov v vysshei shkole: fokus na akademicheskuyu integratsiyu / T. A. Borzova, G. S. Stepkova // Integratsiya obrazovaniya. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 116–133.

12. Malashonok, I. Ye Adaptatsiya inostrannykh grazhdan k sisteme obucheniya v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Respubliki Belarus' / I. Ye. Malashonok, I. I. Kurilo, Ye. V. Kryshilovich // Trudy BGTU. Seriya: Uchebno-metodicheskaya rabota. – 2015. – № 8. – S. 39–43.
13. Gushchina, L. N. Adaptatsiya inostrannykh studentov k obucheniyu i sotsial'no-kul'turnoj srede v Grodnenskom gosudarstvennom meditsinskom universitete / L. N. Gushchina, A. A. Stenko, V. M. Serko // Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. – 2018. – T. 16, № 3. – S. 343–348.
14. Kodeks Respubliki Belarus' ob obrazovanii : 13 yanv. 2011 g. № 243-3 : v red. Zakona Resp. Belarus' ot 14 yanv. 2022 g. № 154-Z // Natsionalnyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (data obrashcheniya: 10.03.2026).
15. Proekt Natsional'noj strategii ustojchivogo razvitiya Respubliki Belarus' do 2040 goda // M-vo ekonomiki Resp. Belarus'. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/proekt-Natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitija-na-period-do-2040-goda.pdf> (data obrashcheniya: 20.03.2026).
16. Abramovich, O. K. Aktual'nye voprosy obucheniya inostrannykh studentov v vysshei shkole Respubliki Belarus' / O. K. Abramovich // Sovremennoe obrazovanie: preemstvennost' i nepreryvnost' obrazovatel'noi sistemy «shkola – universitet – predpriyatie» : materialy XIV mezhdunar. nauch.-metod. konf., Gomel', 2 fevr. 2023 g. / Gomel. gos. un-t im. F. Skoriny ; redkol.: Yu. V. Nikityuk (gl. red.) [i dr.]. – Gomel', 2023. – S. 13–15.
17. Sender, A. N. Adaptatsiya inostrannykh obuchayushchikhsya k obrazovatel'nomu prostranstvu Brestskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina / A. N. Sender, T. V. Sokolova // Vesnik Brestskaga universiteta. Seriya 3, Filalogiya. Pedagogika. Psikhologiya. – 2020. – № 1. – S. 163–172.
18. Marinenko, O. P. Potrebnost' inostrannykh studentov v podderzhke vuza / O. P. Marinenko // Integratsiya obrazovaniya. – 2024. – T. 28, № 3. – S. 334–353.
19. Kalacheva, I. V. Osobennosti organizatsii obrazovatel'noj sredy vuza v usloviyakh poli-kul'turnogo obrazovaniya / I. V. Kalacheva, A. V. Sysoeva // Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo protsessa : sb. materialov seksii zasedanii region. nauch.-prakt. konf., Mogilev, 19 maya 2021 g. / Mogilev. gos. un-t im. A. A. Kuleshova. – Mogilev, 2021. – S. 132–136.
20. Slobodchikov, I. M. Adaptivnye vozmozhnosti obrazovatel'nogo prostranstva v situatsii vzaimodeistviya s inoyazychnymi pervokursnikami / I. M. Slobodchikov, A. V. Dolzhikova // Pedagogicheskij zhurnal. – 2023. – T. 13, № 12 A. – S. 594–603.

Рукапіс надрукаваў у рэдакцыю 09.04.2026

АСОБА

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА МИХАЙЛОВИЧА ЛЕПЕШКО (1955–2023) КРАТКИЙ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Мысль — только человеческое качество.
Но оно, это качество, к сожалению, не стало поистине
всечеловеческим хотя бы потому, что нас все время пытаются отучить думать.
А думать мы должны наперекор всему.

Б. М. Лепешко

Историю Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина невозможно представить без целой плеяды ярких, неординарных и талантливых личностей. Среди них особое место занимает доктор исторических наук, профессор Борис Михайлович Лепешко. Он относился к такому разряду людей, охарактеризовать которых кратко достаточно сложно. И дело не в личностных качествах, а в многогранной, богатой событиями творческой биографии. И сейчас нас потрясает огромный объем работы, который Борис Михайлович успел выполнить, уйдя из жизни рано, не дожив до семидесяти лет. И выполнить ярко, плодотворно, талантливо. Даже при поверхностном знакомстве с основными вехами творческой биографии профессора Б. М. Лепешко

по-настоящему поражает воображение перечисление его работ и свершений.

Жизненный путь Бориса Михайловича в прямом и переносном смысле всегда был тесно связан с родной белорусской землей, достойным сыном которой он был. Рожденный в семье простых крестьян, выходцев из небольшой деревеньки Мостовского района Гродненской области, он через всю жизнь пронес искреннюю любовь к родной земле и труду, без которого эта земля не могла бы быть такой прекрасной, какой она является. Где бы ни находился Борис Михайлович, какие бы виды деятельности он ни выполнял, всегда и везде чувствовались его настоящие забота и ответственность за порученное дело. Наверное, именно трудолюбие и целеустремленность лежат в основе качеств, определяющих

не только творческий, но и весь жизненный путь этого незаурядного человека.

Родился Борис Михайлович 8 декабря 1955 г. в г. Волковыске Гродненской области. Так уж получилось, что приобретенные в результате строгого семейного воспитания черты и навыки он в полной мере начал проявлять с самых первых лет обучения в школе № 3 г. Волковыска, после успешного окончания которой сразу поступил на исторический факультет Гродненского университета. Учеба в университете ознаменовалась не только высокими учебными показателями, но и рядом творческих достижений, среди которых были и победы на конкурсах студенческих научных работ.

Нет ничего удивительного, что молодого талантливого выпускника рекомендовали в аспирантуру при Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина. Не могли остаться незамеченными также организаторские способности молодого человека, и он был приглашен на работу в Гродненский городской комитет ЛКСМБ на должность заведующего организационным отделом.

Начиная с 1983 г. жизнь Бориса Михайловича тесно связана с Брестом. Основные вехи брестского периода жизнедеятельности: Брестский инженерно-строительный институт (1983–1985), Брестский городской комитет КПБ (с 1985 г., лектор), Брестский областной комитет КПБ (инструктор, заместитель заведующего, заведующий идеологическим отделом), Брестский областной исполнительный комитет (1995–2001 гг., председатель совета по делам религий и национальностей), Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина (1991–1995 гг. и с 2001 г., совместитель, доцент, профессор кафедры философии, с 2021 г. – кафедры теории и истории государства и права, в 2000–2005 гг. – декан юридического факультета, 2005–2007 гг. – первый проректор).

Несомненно, наиболее яркий след Борис Михайлович Лепешко оставил в стенах БрГУ имени А. С. Пушкина. В полной мере его организаторские и творческие качества проявились на посту декана тогда еще только формировавшегося юридического факультета. В период деканства Б. М. Лепешко особенно острым был вопрос о высококвалифицированных кадрах. Благодаря стараниям Бориса Михайловича, в кратчайшие сроки были отобраны и от-

правлены на учебу в аспирантуру целый ряд талантливых молодых преподавателей. Кроме этого, активно приглашались специалисты: опытные практики-юристы, представители организаций заказчиков кадров. Открылись две новые специализации – «Организация и деятельность государственных органов», «Судебно-прокурорско-следственная деятельность». Была начата подготовка специалистов по программам заочной сокращенной формы обучения. При кафедрах факультета обустроивались специализированные учебные кабинеты. В это же время начала и сейчас успешно продолжает свою работу учебная лаборатория «Юридическая клиника», которая приобрела популярность далеко за пределами университета. Перспективными целями лаборатории стали проведение профилактической работы по правовому воспитанию среди подростков и молодежи, ликвидация правовой неграмотности населения, оказание юридической помощи малоимущим гражданам.

Несмотря на исключительное богатство талантов, увлечений и стремлений Бориса Михайловича, при внимательном рассмотрении обнаруживается его устойчивая тяга к философскому рассмотрению действительности, которая нашла свою реализацию в полной мере в его профессиональной деятельности последних десятилетий.

С юности, изучая историю в Гродненском университете, Борис Михайлович был отмечен как талантливый оратор. Тематика его интересов обширна – от внутреннего мира человека до анализа социальных противоречий эпохи. Уже в ранних статьях проявляется особенный писательский почерк молодого ученого. Его работы отличаются художественной яркостью, образностью и глубокой логической проработкой основных выводов. С течением времени проблематика его исследований только расширялась, а к научным и популярным изданиям добавились работы публицистического и художественного характера, например, «Импрессионизм мысли», «Исповедь конформиста». Сохранились замечательные поэтические работы.

«Афоризмы и максимы» Бориса Михайловича: «Процесс мышления может быть оригинальным, а вот его итог – никогда». «Феномен любви к себе инстинктивно выражает стремление вернуться к матери: это единственная реальная защита от мира.

И это единственная реальная возможность “все” начать еще раз». «Думаешь обо всем человечестве – значит не думаешь ни о чем. Думаешь о себе – следовательно, думаешь обо всем человечестве. Думать – значит, проживать несколько чужих жизней. Причем без шанса прожить таким же образом свою собственную жизнь. Ее проживет кто-то другой».

Одной из существенных характеристик творческого дара Бориса Михайловича является его исключительно диалогический подход к рассмотрению проблем действительности. Многократно и убедительно им подчеркивается альтернативность, часто диалектическая противоречивость в решении поставленных гносеологических задач, что можно, безусловно, отнести к очевидным заслугам. Антидогматизм и при этом определенная государственная и патриотическая направленность мысли профессора Лепешко гармонично сочетаются в его работах. К слову сказать, не только в изданных работах. Вся биография этого человека демонстрирует его искреннюю приверженность интересам Родины и своего народа. Многих удивляет его трудоспособность, совмещавшего работу на ответственных государственных должностях с необыкновенно богатым литературным, научным, философским творчеством. Значительная часть его работ опубликована за рубежом. Многообразие творческого наследия весьма усложняет процедуру классификации работ профессора Лепешко. В данном очерке мы обратим внимание только на некоторые важнейшие направления.

Особое место в наследии Б. М. Лепешко занимают труды, отражающие специфику научных и методологических изысканий в области истории и обществознания. Так, Борисом Михайловичем была защищена докторская диссертация «Эвристическая роль аналогии в историческом познании», в которой выявлена сущность метода аналогии как универсального средства познания социальной действительности, раскрыта специфика применения и эвристические возможности этого метода в историческом познании. Новизна исследования заключалась в том, что впервые метод аналогии в историческом познании исследовался комплексно, с привлечением данных логики и философии. И это позволило не только показать сущность данного метода, но и выявить его специфику в рамках историогра-

фической практики. В диссертации профессор Лепешко впервые предложил классификацию аналогий и исследовал функции аналогии; проанализировал взгляды крупнейших историков-концептуалистов по проблеме создания и апробации оригинальных концептуальных схем именно на основе аналогии; показал практическое применение метода аналогии в историографическом процессе на примере представителей русской историографической мысли второй половины XIX – начала XX в. В диссертации достаточно широко представлены альтернативные точки зрения на эвристические возможности аналогии в историческом познании. Таким образом, обоснован тезис о том, что именно аналогия дает дополнительный шанс исторической науке в рамках развертывания ее прогностических возможностей.

Одним из приоритетных направлений научной и учебной деятельности профессора Лепешко стала логика. Логические аспекты рассмотрения проблем четко обнаруживаются уже в его ранних научных и учебных изысканиях. В итоге им была разработана и внедрена в учебный процесс дисциплина «Логика в юридической практике», которая заняла достойное место в системе профессиональной подготовки будущих правоведов. В рамках подготовки этого курса было издано учебно-методическое пособие «Логика и право: теоретические проблемы и практические решения», а также монография «Логико-эпистемологические аспекты современного обществознания: проблемы, тенденции, междисциплинарный аспект». Как пишет в книге «Логика и право» профессор Лепешко, обращение к логико-правовой проблематике связано с тем, что «ее актуальность с течением времени лишь выросла, поскольку стандартных, общераспространенных ошибок в правовых документах, текстах правоведов сегодня не стало меньше. Более того, становится очевидным, что многих неточностей можно было бы избежать, вступив на “школярский” путь повторения и применения прописных истин формально-логического характера. Прагматическая роль логики лишь вырастает и в контексте скрытой (а иногда открытой) полемики с авторами, придерживающимися постмодернистской методологии, склонной к дезавуированию объективной истины, принижению роли социальной практики, пересмотру ряда важ-

нейших положений сугубо рационалистической методологии познания. При всей важности использования достижений иных, “смежных” с правом наук (таких, как герменевтика, феноменология, синергетика, лингвистика и т. д.) представляется актуальным выявить сугубо рационалистический потенциал современного права, показать те возможности, которые открываются перед правоведом в рамках применения и использования традиционных средств познания. Вопрос и в том, что использование арсенала новейших достижений в области филологии, философии, психологии не должен закрывать нам то поле правовой практики, которое уже активно разрабатывалось нашими предшественниками, причем на основе “старой”, классической, аристотелевской силлогистики».

Особый акцент в книгах сделан на основах теории аргументации, логических основах вопросно-ответного мышления в юридической области, применении формально-логического инструментария в следственной практике. Эти работы получили широкое признание не только среди специалистов, но и среди широкой студенческой аудитории.

Не менее значим вклад Бориса Михайловича в процесс формирования идеологии белорусского государства. Здесь можно выделить большую работу «Кристаллизация национальной идеи», а также многочисленные научные статьи. «Для нас сегодня, – писал профессор Лепешко, – духовный кристалл выражен, в частности, в национальных ценностях. И примеров тому достаточно много. У нас в республике могут быть дороги хуже, чем в Европе, зарплата ниже, чем хотелось бы. Но что сохранилось и укрепляется, что воплощает нашу ментальность – это вековые нравственные максимы, наша белорусская по духу и содержанию культура. Как ни рассуждай, но реально сохраняется то, что жизненно, чьи корни живы, а крона зеленеет и цветет... Ясно, что одной из важнейших задач молодой белорусской государственности в аспекте развития личности является... само-

развитие, самосовершенствование, культивирование национальных приоритетов во всех сферах духовной жизни».

Особо следует отметить вклад профессора Лепешко в научное и методологическое обеспечение учебного процесса в системе высшего образования, прежде всего юридического факультета БрГУ имени А. С. Пушкина. И в настоящее время студенты этого факультета активно используют книгу «Пишем студенческую научную работу». На ее основе был разработан учебный курс «Методология учебной и научно-исследовательской деятельности студентов».

Любой читатель трудов Бориса Михайловича, несомненно, отметит особый литературный почерк автора, позволяющий познакомиться с серьезными научными проблемами в образном, оригинальном изложении. Доступность и яркая образность сопровождают все литературное творчество профессора. Большой литературный талант профессора Лепешко нашел оригинальное и яркое воплощение в социально-политической журналистике и публицистике. Подлинным мастером Борис Михайлович предстал в этих областях своего творчества. Его статьи широко издавались в самых различных периодических изданиях Республики Беларусь. Он вел персональную колонку в газете «Вечерний Брест». Яркость, актуальность, всегда точное, острое слово глубоко и системно отображало саму суть событий, происходящих как в обществе в целом, так и в масштабах региональном и местном.

Огромное наследие, оставленное Б. М. Лепешко, не может быть забытым. Он продолжает посредством своих многочисленных книг, статей, аналитических обзоров активную и плодотворную дискуссию о наиболее актуальных проблемах жизни и развития современного нам мира. Оригинальность и широкие взгляды на жизнь в целом в ее многообразных проявлениях по-прежнему привлекают и будут привлекать внимание всех тех благодарных читателей, которым небезразлична судьба и будущее современной цивилизации.

*А. В. Климович, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры экономики и гуманитарных дисциплин БрГУ имени А. С. Пушкина
П. П. Крусь, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры экономики и гуманитарных дисциплин БрГУ имени А. С. Пушкина*

НАВІНЫ НАВУКОВАГА ЖЫЦЦЯ

СОТРУДНИЧЕСТВО С БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ – ОДИН ИЗ ПРИОРИТЕТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКТОРА ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

11 и 12 марта 2026 г. на базе Минской духовной академии состоялась V Международная научно-богословская конференция «Бог – человек – мир». В этом году работа конференции посвящена теме «Человечность человека: поиск сокровенного». Конференция организована Сретенской и Минской духовными академиями при участии Института философии Национальной академии наук Беларуси, Института теологии Белорусского государственного университета и при поддержке Учебного комитета Русской Православной Церкви. Центральной темой конференции стало сохранение и развитие целостности человека в век высоких технологий. В рамках конференции были рассмотрены богословский, пастырский, естественно-научный, философский, психологический, религиозно-антропологический аспекты человечности. Было представлено религиозно-христианское осмысление этих тем в соотнесении с естественно-научными и гуманитарными исследованиями.

На пленарном заседании приветственное обращение Анатолия Аркадьевича Лазаревича, директора Института философии Национальной академии наук Беларуси, озвучила Наталья Анатольевна Никонович, кандидат философских наук, доцент, заведующий сектором философии религии и религиоведения Института философии Национальной академии наук Беларуси. В приветственном слове было отмечено, что тема данной конференции – не просто академический интерес; сегодня открывается пространство для особого, глубокого и насущно необходимого диалога. Диалога, в котором встречаются и взаимно обогащают друг друга два великих языка культурного прогресса – языка христианского духовного наследия и языка современной науки. Была отмечена важность секции, посвященной религиозно-философскому и религиоведческому осмыслению целостности человека.

В рамках конференции была проведена совместная секция «Религиозно-философская антропология и философское понимание целостности человека». Куратора-

ми секции выступили Наталья Анатольевна Никонович и Андрей Владиленович Данилов, доктор богословия, доктор философии, заведующий кафедрой религиоведения Института теологии Белорусского государственного университета, доцент кафедры апологетики Минской духовной академии.

В рамках секции были представлены доклады ведущих специалистов и ученых Республики Беларусь и стран СНГ в области философии, религиоведения и богословия. В докладе Н. А. Никонович были затронуты такие вопросы, как эссенциальная и концептуальная природа категории «священное», которая является концептообразующей в различных версиях феноменологии религии.

Доклад А. В. Данилова был посвящен пониманию целостности человека у св. Иринея Лионского. Н. С. Семенов, кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения Института теологии БГУ, выступил с сообщением «Человек: нехватка и избыток; судьба». Концепция личности в философии А. Ф. Лосева была представлена игуменом Ермогеном, кандидатом богословия, доцентом кафедры богословия Института теологии БГУ. Доклад А. С. Мартысевич, кандидата культурологии, доцента кафедры религиоведения Института теологии БГУ, был посвящен экзистенциальной интерпретации целостности человеческого бытия. Иерей Никита Хроменков, настоятель прихода храма иконы Божией Матери «Спорительница хлебов» г. Горки Могилевской епархии, магистрант Минской духовной академии, осветил вопросы понимания зла в творчестве И. А. Ильина.

Активное участие в работе данной секции принимали заведующие, сотрудники и докторанты Института философии Национальной академии наук Беларуси. В докладе А. Н. Спаскова, кандидата философских наук, доцента, заведующего отделом теории познания и методологии науки, было дано метафизическое обоснование научно-религиозной картины мира, представлена авторская концепция глобальной эволюции –

квантовая монадология. И. Е. Прись, доктор философии, кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Парижского университета Сорбонны, затронул дискуссию между когнитивистами и нонкогнитивистами, вопросы квазифидеизма как срединной позиции между эвиденциализмом и фидеизмом, понятие религиозного сомнения, предложил подход к вопросу о религиозной реальности с точки зрения философии позднего Витгенштейна и контекстуального реализма. И. И. Морозова, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отметила, что проблема целостности человека в русской религиозной философии неоднократно рассматривалась в концептуальных трудах ее выдающихся представителей, одним из которых является Н. А. Бердяев, определявший человека существом, целостность которого заключается в сложном взаимодействии триединства духовного, душевного и телесного, где доминирующей основой выступает дух, обладающий качествами универсализма и целостности. В докладе Е. В. Давлятовой, кандидата исторических наук, доцента, старшего научного сотрудника, было показано, что современные средства коммуникации формируют новые модели социализации, но одновременно создают угрозы для идентичности, ценностных ориентиров и психологического состояния молодежи. Д. М. Зайцев, кандидат философских наук, доцент, докторант Института философии, в своем выступлении рассказал о результатах исследования

феномена трансформации фигуры паломника под влиянием технологического прогресса.

В рамках секции были затронуты и социальные темы. Д. В. Куницкий, магистр философских наук, научный сотрудник сектора философии религии и религиоведения, акцентировал внимание на вопросах уранополитизма и патриотизма в свете православной антропологии. В докладе И. М. Цибизовой, кандидата исторических наук, научного сотрудника отдела философии ИНИОН РАН, были отражены тенденции изменения религиозности в современном мире в свете конфликта традиционализма и глобализма.

Секция была самой масштабной из всех на этой конференции и проходила два дня – 11 и 12 марта, объединив известных ученых для обсуждения актуальных вопросов осмысления философско-религиозных, антропологических, религиоведческих аспектов целостности человеческого бытия.

Активное участие в работе данной секции принимали сотрудники, аспиранты и магистранты Минской духовной академии, Санкт-Петербургского государственного университета, профессорско-преподавательский состав Института теологии БГУ, зарубежные ученые.

Прошедшая V международная конференция «Бог – человек – мир» стала значимым событием в научной жизни Беларуси, открывшим путь для междисциплинарного научного диалога и взаимодействия.

*Н. А. Никонovich, кандидат философских наук, доцент,
заведующий сектором философии религии и религиоведения
Института философии Национальной академии наук Беларуси*

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам да 0,5 друкаванага аркуша (да 20 000 знакаў (без уліку метададзеных)), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінары;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкi і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 13.10.2025 № 206). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. 6 об.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш за 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуравецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў:

- Уводзіны (пастаноўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заклучэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваецца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.

➤ References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выпіска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў);
- вынікі правэркі тэксту на прадмет арыгінальнасці пры дапамозе інструмента «Антыплагіят».

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаванне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.by.

Карэктары А. А. Іванюк, Л. М. Калілец

Камп'ютарнае макетаванне А. В. Кізу

Падпісана ў друк 09.06.2026. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 17,90. Ул.-выд. арк. 13,88. Тыраж 50 экз. Заказ № 155.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.